

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА

ФАКУЛЬТЕТ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Кафедра политологии Востока

На правах рукописи

Чэнь Ханьчжи

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ
РЕСПУБЛИКИ КАК СУБЪЕКТ МИРОВОЙ
ПОЛИТИКИ В XXI ВЕКЕ**

Специальность: 5.5.4.

Международные отношения, глобальные и региональные исследования

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
доктор философских наук, доцент
Кулешова Наталья Сергеевна

Москва – 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава I. Политическая элита КНР: исследовательские подходы и исторические особенности	27
1.1. Политические элиты как объект исследования в политической науке	27
1.2. Особенности исторического развития и исследования элит в современном Китае.....	34
1.3. Модернизация КНР как базовый принцип политического развития.....	51
Глава II. Политическая элита КНР в условиях трансформаций: основные тенденции и перспективы.....	78
2.1. Политическая элита в китайской традиции государственно-административного управления	78
2.2. Современные тенденции в формировании китайской политической элиты: механизмы рекрутирования, особенности структуры, институционализация	87
Глава III. Политическая элита КНР в условиях мировой политической конкуренции.....	115
3.1. Эволюция внешнеполитического курса КНР.....	115
3.2. Особенности внешнеполитической стратегии КНР в современных политических условиях: основные направления и проблемы.....	142
3.3. Современная идеологическая платформа КПК как основа внешнеполитической стратегии и роль политической элиты	167
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	172
БИБЛИОГРАФИЯ.....	178

Введение

Актуальность темы исследования Предметная область выбранной темы представляется актуальной и является объективным и важным фактом политической жизни Китая, особенно в условиях современного трансформирующегося мира. Исторический опыт развития Китая, выбранный в конце XX столетия собственный путь, беспрецедентные примеры успешности его экономического развития и государственного управления вызывают закономерный интерес мирового экспертно-исследовательского сообщества. Выбранная КНР модель реформирования соединила мировую практику с «китайской спецификой» на основе социалистической идеологии и укрепления государственной власти под девизом «открытость значит развитие». Вопросы внутреннего политического развития, демократизации, политической трансформации, роли правящей партии КПК в условиях модернизации и других социально-политических проектов, реализуемых политической элитой КНР требуют глубокого осмысления. Особого внимания заслуживает изучение Китая в глобальном контексте и его современная внешнеполитическая стратегия. Предмет исследования актуализируют возрастающее влияние КНР на мировые политические процессы и прогнозируемая далее лидирующая роль Китая в XXI в. Представляется необходимым в рамках политической науки анализ и учет факторов функционирования и развития государственной службы КНР в контексте модернизации страны и ее внешнеполитического курса. Позиционирование Китая себя и своего места в мировом пространстве исторически составляют основу представлений китайцев о себе и основу современной внешней политики КНР. Совокупность исторических, географических, политических и культурных факторов формируют подход Китая

к внешнему миру. Международные отношения в XXI веке характеризуются новыми международными конфликтами и военными акциями, которые дестабилизируют не только ситуацию в различных регионах, но и в целом саму систему отношений. Достаточно вспомнить Сирию, Ливию, Украину, Израиль. В современных условиях распространение западной модели общественного устройства и самой западной идеологии терпит крах, сталкивается с нежеланием многих народов строить эту модель. Но в интересах сохранения прежней системы международных отношений и мирового доминирования США в международный дискурс пытаются протащить различные концепции «гуманитарной интервенции», «ответственности по защите», «глобального управления», «универсальных ценностей» и т.п.

Против идеи глобального управления и гегемонистской роли Запада во главе с США выступают как отдельные страны мира, прежде всего Россия и Китай, так и объединения стран, например, БРИКС, ШОС. Сегодня идет процесс формирования новых центров силы. В современной системе международных отношений и в глобальной конкуренции с США КНР занимает ведущее положение.

Стратегическое значение современного Китая велико как с точки зрения реализации и продвижения собственных политических и экономических интересов и обеспечения эффективной системы национальной безопасности страны, так и в силу расширения его глобального политического и экономического влияния на мировую политику, систему международных отношений. В этой связи представляется крайне важным анализ феномена элит как управленческой бюрократии высшего уровня; совокупности факторов, влияющих на формирование политических элит государства, на рекрутирование и ротацию политических элит государства, обеспечение преемственности государственной власти и ее идеологических основ, обновления или смены элит, и как самый важный аспект нашего исследования – влияние элит на проводимую КНР внешнюю политику. Поэтому вопрос о структуре, механизмах

формирования, ценностных приоритетах политических элит имеет особое значение в контексте современной мировой политики. Современные условия развития государства и этап трансформации системы международных отношений формируют необходимость нового подхода к укреплению государственного управления, основанному на взаимосвязи с политическим процессом, что нашло отражение в материалах четвертого пленума ЦК КПК 18-го созыва о «всестороннем продвижении управления государством в соответствии с законом»¹ и последующих партийных съездов.

В новых геополитических условиях российско-китайский вектор является важнейшей составляющей системы международных отношений. Определение факторов и причин, влияющих на формирование внешнеполитических курсов наших государств в современных условиях, предполагает и учет особенностей формирования национальных политических элит, системы рекрутирования, структур и персонального состава. Большую роль играют личностные качества будущих лидеров, которым придется отвечать на новые вызовы в развитии стран и мира. Это особенно важно для прогнозирования политической динамики.

Специфика политического и социально-экономического развития КНР существенно влияет и на внутриэлитные процессы. Политическая элита занимает особое место в структуре китайского общества. Происходящая с конца 80-х годов экономическая трансформация напрямую связана с политической элитой и бизнес-элитой, что делает данное взаимодействие важным фактором социально-политической стабильности в стране.

Это также особенно важно и для формирования внешнеполитического курса страны, обеспечения баланса сил на международной арене, для российско-китайских отношений, которые имеют долгую историю, а на данном этапе извне формируется вектор, направленный на разрушение наших традиционных отношений.

---

¹ По материалам веб-сайтов газеты «Жэньминь жибао», агентства Синьхуаи ЭБД сети Интернет. Интернет-ссылка: <http://www.ifes-ras.ru/center-doc-news/1240-news-141027> (Дата обращения: 30.10.2023).

Происходящие трансформационные процессы в условиях глобализации не только формируют новую политическую реальность, но и новые требования к субъектам политических процессов. В этой связи нельзя не дооценивать определяющую роль политической элиты в странах – лидерах мирового развития, в частности, в КНР. Политическая элита рассматривается главным элементом в системе формирования властных групповых интересов одного из основных геополитических игроков. Комплексный анализ исторических особенностей развития политической элиты Китая, ее современного состояния, структуры и функций помогут определить существующие политико-управленческие проблемы и их причины, а также оценить современное состояние внешней политики и стремление КНР повысить собственную роль в формировании нового глобального миропорядка.

Традиционно политическая элита выступает инициатором наиболее важных для страны и общества событий и процессов. Важно определить, сохраняется ли данная тенденция в функционировании китайской элиты, учитывая специфику политического и социально-экономического развития КНР, возросшую торгово – экономическую и технологическую конкуренцию, меняющуюся глобальную международную систему.

В нашем исследовании политическая элита рассматривается как элемент политической системы и общества, как системы со всеми признаками в целом, поэтому исследовательское внимание сосредоточено на трансформационных процессах в китайском обществе; изменения, происходящие в обществе влияют и структурно, и содержательно на каждый элемент и систему в целом.

Выбор темы диссертационного исследования представляется актуальным в контексте всевозрастающего влияния и роли КНР как в азиатском регионе, так и в системе международных отношений в целом, особенно на данном этапе трансформирующегося миропорядка, возрастающей политической неопределенности и в контексте российско – украинского вопроса. Актуализирует тему возрастающее влияние элит на мировые политические процессы.

Политическая элита КНР имеет свою длительную историю, которую в нашей работе мы предлагаем разделить на несколько этапов, выделяя сущностные характеристики каждого. В целом, позитивно оценивая накопленный опыт по подготовке элиты, госслужащих в Китае, все же необходимо отметить, что изменение политических условий внутреннего развития, политической конфигурации мира, влияние коронавирусной пандемии, а также особенности политической власти КНР, идеологической роли КПК требуют переосмысления данного вектора. Процесс рекрутирования китайской элиты в высшие эшелоны власти является важнейшим фактором влияния на политическую жизнь государства. Констатируемые на основе анализа исторического материала изменения в базовых принципах рекрутирования субъектов политической власти и влияние политической элиты на политические процессы на глобальном и национальном уровнях, а также накопленный эмпирический материал в условиях специфики социально-политического развития КНР требуют концептуального осмысления.

Специфика социально-экономического развития Китая порождает внутренние проблемы и вызовы, развитие рыночной экономики ведет к изменению социальной структуры, что в свою очередь требует реформирования системы управления государством. Продолжающийся процесс модернизации и его успешность констатируют правильность выбранной стратегии внутреннего развития и внешнеполитического курса руководством КПК и китайским правительством.

Политические элиты формируют не только внешнеполитическую стратегию своего государства, но также базовые векторы мировой политики. Учитывая возрастающую глобальную роль Китая, увеличивается и значение собственных политической элите КНР внешнеполитических установок и ориентаций, которые мы определяем как важный элемент международной системы, влияющий на тенденции в мировой политике. Поэтому исследование качественных характеристик и интересов политических элит Китая, персонального состава и

других ее параметров особенно актуально в связи с современной внешнеполитической стратегией КНР. Данный аспект также особенно значим в контексте российско-китайских отношений, китайско-американской конкуренции в современных геополитических условиях.

Таким образом, предмет изучения политической элиты КНР как субъекта мировой политики следует выделить в отдельное исследовательское направление, которое должно получить серьезное развитие по причине расширения методологических подходов, актуальной внешнеполитической повестки и в связи с глобальным расширением политического влияния КНР.

Степень научной разработанности проблемы. Элитология является важной составной частью политической науки, она достаточно развита и продолжает активно развиваться. Следует сразу же отметить большое количество публикаций и множество исследовательских подходов к данной проблеме. В изученной нами литературе можно выделить три общих направления: 1) работы, посвященные историческому развитию элит; 2) работы, посвященные методологическим проблемам исследований, 3) работы, посвященные собственно теории элитологии.

Возросший интерес к политическим элитам Китая обусловлен фактором определяющего влияния элит на политические процессы в китайском обществе и возрастающей роли в мировой политике. Проблематика изучения политических элит КНР, институциональной структуры и механизмов формирования представлена в работах российских, китайских и западных исследователей.

В целом интерес к проблеме власти, к политической элите как субъекту политики известен еще со времен античности. В трудах Конфуция, Платона, Аристотеля, Н. Макиавелли, Т. Гоббса, Д. Локка, Ш. Монтескье, Г. Гегеля, А. Токвиля, К. Маркса, Ф. Энгельса мы находим актуальные по сей день положения. Так, известно, что концепция Платона об идеале элитаризма, как и концепция Аристотеля по классификации форм госуправления и количеству властных лиц имели большое влияние на развитие элитаризма в XX веке.

Разработкой современных классических концепций элит занимались зарубежные и российские ученые, в том числе философы разных исторических периодов дополняли теории элит. В XIX веке это работы В. Парето, Г. Моска и Р. Михельса. Классические учения политической элитологии получили дальнейшее развитие и были применены к анализу общественных систем в трудах М. Вебера, К. Мангейма, Г. Ласуэлла, Р. Миллса, Р. Даля и других теоретиков политической науки. Следует отметить особое значение для нашего исследования фундаментальной работы Р. Миллса «Властвующая элита»².

Активное расширение исследований политических элит привело в XX веке к появлению специального направления – элитологии. Данный термин имеет российское происхождение. Надо сразу уточнить, что развитие российской(советской) и западной элитологии происходило в рамках расходящихся парадигм, что сформировало альтернативные подходы.

С 1950-х годов элиты широко исследуются в политологии, социологии и истории. Особый пик наблюдается в 1970-е годы. Огромное количество работ по вопросам элитологии в разных сферах знания свидетельствует о значимости и актуальности темы. В этой связи следует сказать, что в США, Италии, Германии, Норвегии, Франции появляются структуры, которые специализируются на изучении элит. Также и в СССР ведется разработка данной проблематики, под руководством профессора А.А. Галкина в академическом Институте конкретных социальных исследований получены первые эмпирические данные.

Для нашего исследования большое значение и помощь имели работы Г.К. Ашина³, в которых в том числе представлен анализ концепций элит в западной политической науке.

Необходимо также отметить, что при рассмотрении работ по политической элитологии, обычно выделяют теоретические аспекты и классифицируют их по:

---

² Миллс Ч.Р. Властвующая элита / пер. Е. И. Розенталь, Л. Г. Рошаль, В. Л. Кон. – Москва : Директ-Медиа, 2007. – 844 с.

³ Ашин Г.К. Введение // Элитологические исследования: Ежегодник – 2005: Сборник статей. – Ростов н/Д.: СКАГС, 2006. – С. 3–9.; Ашин Г.К. Современные теории элиты: Критический очерк. – М.: Международные отношения, 1985. – 256 с.; Ашин Г.К. Элитология: Учебное пособие. – М.: МГИМО-Университет 2005. – 544 с.

внутриэлитным изменениям, каналам рекрутирования, факторам влияния на политический режим и т.д., что позволяет определить сетевой, репутационный, позиционный подходы. В этой связи необходимо назвать труды Д. Филда и Дж. Хигли⁴, М. Бартона⁵, М. Догана⁶, Р. Патнэма⁷, Р. Даля⁸, Д. Рисмэна⁹, Ф. Хантера¹⁰, Р. Миллса¹¹, Ш. Ривера¹², Д. Ноука¹³, Р. Гоулда¹⁴, Э. Лумана¹⁵, Ф.М. Бурлацкого¹⁶, О.В. Гаман-Голутвиной¹⁷, А.В. Дуки¹⁸,¹⁹, В.Г. Ледяева²⁰, С.А. Белановского²¹, А.Е. Чириковой²², Е.Б. Шестопаля²³, Н.М. Ракитянского²⁴.

⁴ Field G., Higley J. *Elitism*. London; Boston. Routledge and Kegan Paul, 1980; Хигли Дж. Элиты, вне-элитные группы и пределы политики: теоретический ракурс / Элиты и общество в сравнительном измерении / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М.: РОССПЭН, 2011; Higley, J., and Burton M., *Elite Foundations of Liberal Democracy*. Boulder: Rowman & Littlefield. 2006; Higley J., Lengyel G. *Elites after State Socialism. Theories and Analysis*. New York, Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, 2000; Higley J., Pakulski J. *Forceful Leaders and Leonine Elites in Liberal Democracies // Comparative Sociology*. 2007. No 6; Хигли Дж. Демократия и элиты // Русские чтения. Выпуск 4. М.: Изд-во «Группа Эксперт», 2007; Higley J., Kullberg J., Pakulski J. *The Persistence of Postcommunist Elites*, *Journal of Democracy*, 1996, No 7, (2); Higley J. *Elite Theory in Political Sociology*. Электронный ресурс. URL:http://theoriesofsocialchange.files.wordpress.com/2010/02/higley_elite_theory_ipsa_2008.pdf (Дата обращения: 30.10.2023).

⁵ Burton M., Higley J. *Elite Settlements // American Sociological Review*. 1987. Vol. 52, No 3; Burton M., Gunther R., Higley J. *Introduction: Elite Transformations and Democratic Regimes // Elites and Democratic Consolidation in Latin America and Southern Europe / Ed. by Higley J. and Gunther R. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.*

⁶ Dogan M. (ed.) *Elite configurations at the apex of power*. Leiden: Brill. 2003.

⁷ Putnam R. D. *The Comparative Study of Political Elites*. New Jersey: Prentice Hall. 1976.; Putnam R. D. *Elite Transformation in Advance Industrial Societies: An Empirical Assessment of the Theory of Technocracy // Comparative Political Studies*. 1977. Vol. 10, N. 3.

⁸ Dahl R. *A Critique of the Ruling Elite Model // The American Political Science Review*. Vol. 52. No 2. 1958; Dahl R.A. *Polyarchy. Participation and Opposition*. New Haven, L., 1971; Dahl R. *The Concept of Power // Political Power: A Reader in Theory and Research / Ed. By R. Bell, D. Edwards, R. Wagner*. New York: Free Press; London, Collier-Macmillan, 1969.

⁹ Riesman D. *The Lonely Crowd*. New Haven, 1950.

¹⁰ Hunter F. *Community Power Structure / Chapel Hill: University of North Carolina Press*. 1953.

¹¹ Миллс Р. Властвующая элита. М. Иностранная литература. 1956.

¹² Ривера Ш. Тенденции формирования состава посткоммунистической элиты России: репутационный анализ // *Полис*. 1995. No 6; Ривера Ш., Ривера Д. К более точным оценкам трансформаций в российской элите // *Полис*. 2009. No 5.

¹³ Knoke D. *Political Networks: the Structural Perspective*. Cambridge University Press. 1990; Knoke D., Pappi F., Broadbent J., Tsujinaka Y. *Comparing Policy Networks. Labor Politics in the US, Germany, and Japan*. Cambridge; New York. 1996.

¹⁴ Gould R.V., Fernandez R.M. *Structures of Mediation: A Formal Approach to Brokerage in Transaction Networks // Sociological Methodology*. No 19. 1989.

¹⁵ Laumann E., Pappi F. *Networks of Collective Action: A Perspective on Community Influence Systems*. New York: Academic Press. 1976; Laumann E., Pappi F. *New Directions in the Study of Community Elites // American Sociological Review*. No 38. 1973.

¹⁶ Бурлацкий Ф.М. *Вожди и советники: О Хрущеве, Андропове и не только о них...* М.: Политиздат, 1990.

¹⁷ Гаман-Голутвина О.В. *Российские элиты как предмет научного анализа // Общество и экономика*. 2008. No 3-4; Гаман-Голутвина О.В. *Процессы современного элитогенеза: мировой и отечественный опыт. Часть 1 // Полис*. 2008. No 6; Гаман-Голутвина О.В. *Политические элиты России: Вехи исторической эволюции*. М.: РОССПЭН, 2006; Gaman-Golutvina O. *Conclusions. Media and Democracy in Transformation Design / Media, Democracy and Freedom. The Post-Communist experience*. M. Dyczock, O. Gaman-Golutvina (eds). Geneva. Peterlang, 2009.

¹⁸ Дука А.В. *Теоретические проблемы в исследованиях властных элит // Журнал социологии и социальной антропологии*. 2008. Том XI. No 1; Дука А.В. *Трансформация местных элит. Институционализация общественных движений: от протеста к участию // Мир России*. 1995. N 2.

¹⁹ Ашин Г.К. *Элитология: история, теория, современность: монография*. – М.: МГИМО-Университет, 2010.

Следует также назвать авторов, которые исследовали политические элиты авторитарных государств: Х. Арендт, Р. Арон, В. Весоловский, М. Джилас, Р. Такер²⁵.

Отдельный блок составляют работы О.В. Гаман-Голутвиной, определяющие новые теоретические подходы. Именно работы данного автора послужили основой формирования нашего исследовательского интереса и наделили глубокими знаниями по проблеме. В этой связи нужно назвать и имя известного австралийского ученого Бобо Ло, который считает, что внешняя политика зависит от консенсуса широкой элиты²⁶, что также повлияло на исследовательский интерес автора.

Элитизм является одним из важных направлений в современной западной политической мысли. С 1980-х годов, с быстрым распространением западного неоконсерватизма, элитизм также стал доминирующей идеологией 1980-х годов. Юй Кэпин²⁷ (известный китайский ученый, директор Центра инноваций китайского правительства при Пекинском университете) указал, что это новое развитие западной политической теории должно привлечь внимание китайского политического научного сообщества. В реальных условиях, когда идеалы демократии серьезно оторваны от действительности, его чрезвычайно легко распространить и развить. В ходе политики реформ и открытости в академической среде Китая начал распространяться интерес к политическому элитизму. Столкнувшись с различными недостатками плановой системы, многие в Китае начали почитать политику элит и рассматривать ее «как хороший способ

---

²⁰ Ледяев В.Г., Ледяева О.М. Репутационный метод в эмпирических исследованиях в городских общностях // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. V. № 4.

²¹ Белановский С.А. Глубокое интервью. М.: Никколо-Медиа, 2001.

²² Чирикова А.Е. Региональные элиты России. М.: Аспект Пресс, 2010.

²³ Шестопап Е.Б. Элиты и общество как политические акторы постсоветской России//Социологические исследования. 2016. № 5. С.35-43.

²⁴ Ракитянский Н.М. Портретология власти. Теория и методология психологического портретирования личности политика : монография / Н. М. Ракитянский. – Москва : Наука, 2004. – 264 с.

²⁵ Arendt H. The Origins of Totalitarianism. N.Y., 1966; Арендт Х. Временный союз черни и элиты // Иностранная литература. 1990. №4; Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1993; Весоловский В. Классы, слои и власть. М., 1981; Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992; Такер Р. Сталин. Путь к власти. 1879-1929. М., 1991.

²⁶ Bobo Lo, Russia and the New World Disorder, Brookings Inst. Press/Chatham House, August 17, 2015, p. 13.

²⁷ Юй Кэпин. Разочарование демократической политики: обзор политического элитизма// Социальные науки, Тяньцзинь 1990. С. 91–96.

управления страной». Оценивая разработанность проблемы в КНР, следует упомянуть работы Чжана Нянькуаня (Институт государственного управления Южно-Китайского технологического университета), в том числе «Предварительное исследование факторов роста политической элиты Китая», где автор на основе метода контент-анализа рассматривает влияние таких факторов, как процесс институционализации, образование, возраст, гендерный признак. У Чжунминь посвятил свои исследования выявлению преимуществ китайской элиты в период модернизации, анализирует конкретные стратегии китайской политической элиты на пути продвижения модернизации, рассматривает исторический процесс реформ и открытости за последние 40 лет.

Есть в КНР и те, кто выступает против политического элитизма, считая, что он не подходит для национальных условий Китая. Также есть ученые, которые диалектически относятся к элитизму. В целом анализ изученных китайских работ по проблемам национальных политических элит позволяет утверждать, что они основаны на интерпретации и переосмыслении теории западного элитизма с учетом разнообразия мнений.

Отдельную группу составляют работы по теории государственного управления М. Вебера, Д. Макгрегора, Ф. Тейлора, Л. Уайта, А. Файоля и др.

Современные российские и китайские авторы продолжили изучение, это нашло отражение в работах Г.В. Атаманчука²⁸, И.А. Василенко²⁹, В.Д. Граждана³⁰, Д.П. Зеркина³¹, В.Г. Игнатова, В.В. Лобанова³², Линь Ифу, Цай Фана, Ли Чжоу, Лу Юнсяна и других. В работе профессора Цзян Мин'ана «Выбор чиновников путем экзаменов»³³ сделан вывод о том, что современная система формирования

---

²⁸ Атаманчук Г.В. Государственное управление (организационно-функциональные вопросы) // Учебное пособие. М, 2000.

²⁹ Василенко И.А. Административно-государственное управление в странах Запада: США, Великобритания, Франция, Германия. М, 2001; Василенко И.А. Государственное и муниципальное управление. М., 2005.

³⁰ Граждан В.Д. Теория управления. М., 2004.

³¹ Зеркин Д.П., Игнатов В.Г. Основы теории государственного управления. М., 2000.

³² Лобанов В.В. Административные реформы: вызов и решения // «Проблемы теории и практики управления» 1998, № 1; Лобанов В.В. Реформирование государственного аппарата: мировая практика и российские проблемы // «Проблемы теории и практики управления» 1999, № 1.

³³ Цзян Мин'ан. Административное право и Закон административного судебного процесса. Издательство Пекинского университета, 2011. 姜明安. 行政法与行政诉讼法[J]. 北京大学出版社 2011.

государственной номенклатуры Китая в своей основе содержит все лучшее из системы императорских экзаменов. Реформирование системы государственной службы в аспекте совершенствования кадровой и персональной системы с реформами «живой практики» Дэн Сяопина³⁴ находим у Жэня Гуна. Автор Чэнь Чжэнмин считает, что именно экономическая модернизация обосновала необходимость политико-административной реформы, поэтому в Китае начала функционировать система национальной гражданской службы, стратегия которой направлена на достижение конкретных изменений³⁵. Взаимосвязь современных условий глобализации и реформирования системы государственного управления Китая рассматривается исследователем Го Ли³⁶. В обзоре по рассматриваемой проблеме у Ян Хуна, Ван Цзяня подчеркивается важность совершенствования системы государственной службы, на примере Национального Бюро гражданской службы, также рассматривается актуальный вопрос о порядке выхода государственных служащих на пенсию³⁷. Таким образом, можно констатировать, что учеными анализируются различные направления развития системы отбора и найма на государственную службу.

Большое количество литературы посвящено вопросам китайской политической модернизации, стоит назвать работы Я.М. Бергера, В.Г. Бутова, Ю.М. Галеновича, Л.М. Гудошников, Т.М. Емельяновой, В.В. Карлусова, М.В. Карпова, К.К. Кокарева, Н.Л. Мамаевой, М.Л. Титаренко, Э.П. Пивоваровой,

---

³⁴ Жэнь Гун. Пять лет с начала реализация системы государственной службы в течение пяти лет (в основном создана система государственной службы с китайской спецификой). Китайская государственная служба, 1999 (03). Пекин, Издательство: Государственный административный институт. 任公.推行公务员制度五年来 – 有中国特色的公务员制度基本建立.中国公务员·1999 (03).

³⁵ Чэнь Чжэнмин. Система государственной службы на повороте—тенденция реформы и развития системы государственной службы в Китае и в Западе, и их сравнения. Вестник Сямьньского университета (полоса философии и общественной науки), 2001(02).陈振明.转变中的国家公务员制度——中西方公务员制度改革与发展的趋势及其比较[J].厦门大学学报(哲学社会科学版), 2001(02).

³⁶ Го Ли. Китайская система управления государственной службой с аспектом глобализации. Право и общество, 2009(04). Пекин. 郭莉.全球化视域下的中国公务员管理制度.法制与社会, 2009(04).

³⁷ Ян Хун, Ван Цзянь. Создание и обеспечение нормального механизма выхода государственной службы. Вестник Ганьсуского объединенного университета (полоса общественной науки), 2012 (05). 杨红, 王健.公务员正常退出机制的构建与保障.甘肃联合大学学报(社会科学版), 2012 (05)

Г.А. Степановой и других³⁸. Большое значение для исследования в контексте комплексного анализа модернизации в рамках политической науки имела монография ученого, д.полит.н. А.В. Виноградова – «Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности»³⁹.

В основу данного исследования также положены концептуальные подходы и методологические разработки исследования современной системы международных отношений и мировой политики, представленные в работах Т.А. Алексеевой⁴⁰, П.А. Цыганкова⁴¹, М.М. Лебедевой⁴², Ю.А. Никитиной⁴³, А.В. Торкунова⁴⁴, М.С. Хрусталева⁴⁵. С точки зрения трансформации миропорядка, новых трендов в системе международных отношений имеют значение работы В.Г. Барановского, А.Д. Богатурова, Ф.Г. Войтоловского, А.А. Дынкина, Н.И. Ивановой, В.В. Лапкина, И.С. Семеновича, Э.Г. Соловьева⁴⁶.

³⁸ Бергер Я.М. Административно-политическое обновление государственной власти в Китае (к итогам 1-й сессии ВСНП 110-го созыва) // Проблемы Дальнего Востока, – 2008, – № 3; Бергер Я.М. КНР. Десятилетия поисков и свершений // Азия и Африка сегодня. – 2009. – № 10.; Бергер Я.М. Перспективы политической реформы в современном Китае <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1228555380> 26.02.2008; Буров В.Г. Собственным путем // Свободная мысль-XXI, 06.10.2003; Гудошников Л.М. и др. Политическая система и право КНР в процессе реформ 1978-2005// М.: Русская панорама.2007.- 464с.; Делюсин Л.П. Политическая реформа и проблема демократии в Китае// М., 1993; Карпов М.В. Экономические реформы и политическая борьба в КНР (1984-1989 гг.). М., 1997; Егоров К.А. Китайская Народная Республика: Политическая система и политическая динамика (80-е годы). М., 1993; Карлусов В.В. Частное предпринимательство в Китае. М., 1996; Пивоварова Э.П. Строительство социализма со спецификой Китая: Поиск пути. М., 1992; Кокарев К.А. Политический режим и модернизация Китая. М., 2004 Степанова Т.А. Политическая система Китайской Народной Республики (структура основных институтов власти). М., 1996; Титаренко М.Л. Китай: цивилизация и реформы// М., 1999.

³⁹ Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. Издание второе, исправленное и дополненное. – М.: НОФМО, 2008. – 368 с.

⁴⁰ Алексеева Т.А. Теория международных отношений как политическая философия и наука. – М.: Аспект Пресс, 2019. – 608 с.

⁴¹ Международные отношения и мировая политика/ П.А.Цыганков, С.В.Глотова, В.В.Наумкин и др. — Москва: Москва, 2021. — 279 с.

⁴² Мегатренды мировой политики и их развитие в XXI веке: Учеб. пособие для студентов вузов / Под ред. М. М. Лебедевой. – М.: Издательство "Аспект Пресс", 2019. – 400 с.

⁴³ Никитина Ю.А. Международные отношения и мировая политика : Введение в специальность : учебное пособие для студентов вузов / Ю. А. Никитина. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Аспект Пресс, 2014. – 156 с.

⁴⁴ Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России: Монография / Под ред. А. В. Торкунова, Д. В. Стрельцова. – М.: Издательство "Аспект Пресс", 2019. – 432 с.

⁴⁵ Хрусталева М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза : учебное пособие для вузов / Хрусталева М. А. – Москва : Аспект Пресс, 2017. – 224 с.

⁴⁶ Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А. Очерки теории и политического анализа международных отношений; Научно-образоват.форум по междунар. отношениям. М., 2002. – 380 с.; Современная мировая политика. Прикладной анализ / Отв. ред. А.Д. Богатуров. – М.: Аспект Пресс, – 2009; Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант. / Под ред. ак. А.А. Дынкина. – М., Магистр, – 2011. -480 с.; Глобальное управление: возможности и риски / Отв. ред. – В.Г. Барановский, Н.И. Иванова. – М.: ИМЭМО РАН, – 2015. – 315 с.; От миропорядка империй к имперскому миропорядку / Отв. ред. Ф.Г. Войтоловский, Э.Г. Соловьев. – М., Научно-образовательный форум по международным отношениям, – 2005. – 204 с.; Войтоловский Ф.Г. Идеология «глобального управления»: от утопий к практике // Международная жизнь. – 2011. – № 9. – С. 69–94.; Кризисные явления в мировой экономике и политике. Мировое развитие. Выпуск 6./ Отв. ред.: Ф. Г.

Важное значение для нашего исследования имело изучение различных подходов к исследованиям современной системы международных отношений и проблем мировой политики, в этой связи любопытна эволюция классических подходов. Позиции реализма доминируют и при анализе современной мировой политической ситуации, сохраняя в основе анализа такие основные положения, как противоречия в международных отношениях, стратегические интересы и национальные задачи, роль власти и силы как способов достижения целей, возросшее значение региональных подсистем в системе международных отношений и других элементов в структуре глобальной мировой системы.

Политический реализм в международных исследованиях связан с такими мыслителями как Фукидид, Н.Макиавелли, Т.Гоббс, К. фон Клаузевиц и др. В XX в. решающий вклад в развитие этих традиций внесли британский историк Э.-Х. Карр и американский политолог Г.Моргентау.

В отдельный блок следует выделить работы, содержащие анализ и оценку современной внешней политики КНР. Ряд авторов, например, охарактеризовали балансирующую роль Китая в азиатском регионе: О.П. Иванов «Внешняя и оборонная политика КНР»⁴⁷, Н. Н. Емельянова «Актуальный баланс сил в Азии и положение Индии»⁴⁸, Х. Пант «Стержень США и внешняя политика Индии: меняющийся баланс сил в Азии»⁴⁹, Р. Росс «Политика баланса сил и подъем Китая: приспособление и балансирование в Восточной Азии»⁵⁰.

Выделяя в исследованиях американский вектор внешней политики КНР, следует назвать работы А.М. Седунова «США во внешнеполитической стратегии

Войтоловский, А.В. Кузнецов. – М., ИМЭМО РАН, – 2010. – 268 с.; Войтоловский, Ф.Г. Нестабильность в мировой системе // Международные процессы. – 2009. – Т. 7. – № 19. – С.4–16.; Соловьев Э.Г. Геополитические сдвиги в современном мире в зеркале эволюции концепции суверенитета // Вестник Московского университета. – Серия 12. Политические науки. – 2014. – № 3. – С. 57 – 73; Соловьев Э.Г. Суверенитет в рамках полицентричного миропорядка: возвращение к истокам // Международная жизнь. – 2014. – № 6. – С. 96 – 110.

⁴⁷ Иванов О.П. Внешняя и оборонная политика КНР // Научно-аналитический журнал Обозреватель, 2011. № 6. – С. 48-56.

⁴⁸ Емельянова Н. Н. Актуальный баланс сил в Азии и положение Индии // Перспективы, 2017. №1. С. 40-55.

⁴⁹ Pant H. The US pivot and Indian foreign policy: Asia's evolving balance of power. – Springer, 2015.

⁵⁰ Ross R. S. Balance of power politics and the rise of China: Accommodation and balancing in East Asia // Security Studies, 2006. P. 355-395.

Китая»⁵¹; А. П. Косова «Внешняя политика США в отношении Китая в 1918–1949 гг.»⁵², работы китайских авторов на английском языке Кун Хэ «Убеждения операционного кодекса Си Цзиньпина и внешняя политика Китая в отношении США»⁵³; Сун Сюэфэна «Эффективность политики Китая в отношении Соединенных Штатов»⁵⁴.

Российский вектор во внешнеполитической стратегии КНР исследуется в работах М.Ю. Игитина «Китайская внешняя политика в Центральной Азии и интересы России»⁵⁵, Е.Н. Грачикова «Внешняя политика Китая: стратегии в контексте идентичности и глобальной перспективы»⁵⁶, Я. Чэна «Восприятие Китаем российской внешней политики во времена администрации Путина»⁵⁷.

Отдельную группу составляют работы исследователей современного политико-экономического взаимодействия РФ – КНР, таких авторов: А.В. Виноградов⁵⁸, А.Б. Волынчук⁵⁹, А.Д. Воскресенский⁶⁰, А.Т. Габуев⁶¹, И.Ю. Зуенко⁶², С.А. Иванов⁶³, В.Б. Кашин⁶⁴, Ю.В. Кулинцев⁶⁵, В.Л. Ларин⁶⁶, С.Г.

⁵¹ Седунов А. М. США во внешнеполитической стратегии Китая //Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2013. №3. С. 175-176.

⁵² Косов А. П. Внешняя политика США в отношении Китая в 1918–1949 гг. – 2011. 244 с.

⁵³ He K. Xi Jinping's operational code beliefs and China's foreign policy //The Chinese Journal of International Politics. 2013. 3. P. 209-231.

⁵⁴ Xuefeng S. The Efficiency of China's Policy towards the United States //The Chinese Journal of International Politics. 2006. 1. P. 57-81.

⁵⁵ Игитян М.Ю. Китайская внешняя политика в Центральной Азии и интересы России //Власть, 2019. 3. С. 250-259.

⁵⁶ Грачиков Е. Н. Внешняя политика Китая: стратегии в контексте идентичности и глобальной перспективы //Международные отношения, 2015 . № 3. С. 290-306.

⁵⁷ Cheng J. Y. Chinese perceptions of Russian foreign policy during the Putin Administration: US-Russia relations and «strategic triangle» considerations //Journal of Current Chinese Affairs, 2009. 2. С. 145-168.

⁵⁸ Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. Издание второе, исправленное и дополненное. – М.: НОФМО, 2008. – 368 с.; Виноградов А.В., Кобзев А.И. Российское китаеведение, современное состояние и основные проблемы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskoe-kitaevedenie-sovremennoe-sostoyanie-i-osnovnye-problemy> (Дата обращения: 30.10.2023).

⁵⁹ Волынчук А.Б. Геополитические и геоэкономические аспекты взаимодействия России и Китая в условиях глобальной нестабильности // Россия в глобальном мире. 2017. № 11 (34). С. 64-77.

⁶⁰ The Regional World Order: Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia/ A.D. Voskressenski, P. Shlykov, E. Koldunova et al. — New York: Lexington Books, 2019. — 242 p.

⁶¹ Габуев А.Т. Младший брат или старшая сестра [Электронный ресурс] // Ведомости. 2016. 28 июня. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/06/28/647005-mladshii-brat> (Дата обращения: 30.10.2023).

⁶² Зуенко И.Ю. Российско-китайское сотрудничество: взгляды из региона // Контрапункт. 2017. № 10. С. 1-12.; Зуенко И.Ю. Как Китай будет развивать Дальний Восток [Электронный ресурс] // Моск. Центр Карнеги. URL: <https://carnegie.ru/commentary/77590> (Дата обращения: 30.10.2023).

⁶³ Иванов С.А. Программа сотрудничества восточных регионов России и северо-восточных регионов Китая: политическая значимость и экономическая эффективность // Таможенная политика России на Дальнем Востоке.

Лузянин⁶⁷, А.В. Лукин⁶⁸, Ю.В. Морозов⁶⁹, С.К. Песцов⁷⁰, М.Л.Титаренко⁷¹ и западных исследователей: Б. Ло⁷², М. Качмарски⁷³, Д. Роджерсон⁷⁴ и др.

Существует также множество работ китайских исследователей. Важными для нашего исследования явились работы таких исследователей, как Ван Цисы «Главные особенности новой ситуации и внешняя политика Китая»⁷⁵, Яо Лили «Новые черты внешней политики Китая»⁷⁶, Лю Чжунминь «Исследование горячей дипломатии Китая – характеристики, концепции и значения»⁷⁷.

Комплекс китайских работ по изучению внешней политики и национальной стратегии КНР дополняют работы следующих авторов : Ван Ичжоу, Ван Цзисы, Ли Чанцю, Лю Липинь, Ляо Синьвэнь, Мэн Хунхуа, Син Ли, Сюй Янь, Ни Шисюн, Чжао Цюаньшань, Юань Пэн, Янь Сюэтуна и др.⁷⁸.

2018. № 1.

⁶⁴ Кашин М.Б., Пятачкова А.С. и др. Китайские эксперты о новом пятилетнем плане КНР – шестой доклад новой аналитической серии ЦКЕМИ//М.: Высшая школа экономики, 2021; Кашин М.Б., Лузянин С.Г. и др. Российско-китайский диалог: модель 2020//М7 2020.

⁶⁵ Кулинцев Ю.В. Внешнеполитические итоги первого этапа реализации китайской инициативы «Один пояс, один путь» на пространстве Евразии // Азия и Африка сегодня. 2020. №5. С.5 -11.

⁶⁶ Ларин В.Л. Россия в планах и программах приграничных территорий Китая // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 12. С. 5-14.; Ларин В.Л. Российско-китайское трансграничье в контексте проектов евразийской интеграции // Мировая экономика и междунар. отношения. 2016. № 12. С. 69-81.

⁶⁷ Лузянин С.Г. Россия-Китай: формирование обновленного мира. М., 2018. 323 с.

⁶⁸ Лукин А.В. Возвышающийся Китай и будущее России. (Работы о Китае и российско-китайских отношениях). М., 2015. 189 с.; Rensselaer Lee, A. Lukin. Russia's Far East. New dynamics in Asia Pacific and beyond. London, 2016. 276 p.

⁶⁹ Морозов Ю.В. Проблемы, препятствующие реализации интеграционных процессов Китая и России в Евразии // Проблемы и перспективы реализации инициативы «Экономический пояс Шелкового пути» в контексте ШОС, М., 2017. С. 112-133.

⁷⁰ Песцов С.К. Россия и Китай: восприятие друг друга и перспективы сотрудничества // Россия в глобальном мире. 2017. № 11 (34). С. 51-63.

⁷¹ Титаренко М.Л., Петровский В.Е. Россия, Китай и новый мировой порядок. М., 2016. 301 с.

⁷² Bobo Lo. A wary embrace. What China-Russia relationship means for the world. New York, 2017. 150 p.

⁷³ Kaczmariski M. Russia-China relations in the post-crisis international order. Abingdon, 2015. 176 p.

⁷⁴ 戴维罗杰森. 中国与俄罗斯: 竞争与合作. 社会科学文献出版社 (Д. Роджерсон. Китай и Россия: конкуренция и сотрудничество. Пекин). 2016. 194 с.

⁷⁵ 王其思. 新形勢與中國外交政策的主要特點 [Ван Цисы . Главные особенности новой ситуации и внешняя политика Китая] //仙台國計關係, 2003. С.24-31.

⁷⁶ 姚麗麗. 中國外交政策新特點 [Яо Лили. Новые черты внешней политики Китая] //懷化學院學報, 2007. С.18-26.

⁷⁷ 韓保衛. 試論新中國外交政策演變的特點 [Лю Чжунминь. Исследование горячей дипломатии Китая – характеристики, концепции и значения] //新疆大學學報: 社會科學版, 2002. С. 66-71.

⁷⁸ 王亿舟 范 伊 卓 周. 中国 国际 关系 发展 30 年 中国 国际 关系 发展 30 年 中国 国际 关系 发展 30 年 (Тридцать лет трансформации международных отношений Китая.) 社 科 院 出 版 社 – Академическое издательство Общественные науки, Пекин, 2008. – 512 с. 253 王 輯 思 范 伊 卓 周. 为什么 中国 外部 国际 环境 日益 严峻 王 輯 思 范 伊 卓 周 (Почему международная обстановка вокруг Китая становится все более

В комплексном исследовании внешнеполитических стратегий необходимо отметить работы, которые актуализируют современное содержание понятия «мягкая сила», ее национальные особенности, механизмы применения и технологии при ведении информационных, гибридных и др. войн, это работы В.В. Кочеткова⁷⁹, О.Г. Леоновой⁸⁰, А.В. Манойло⁸¹, А.Г. Савельева⁸², К.С. Стригунова⁸³, А.Н. Чумакова⁸⁴.

суровой?) // 现代国际关系研究杂志 «Сиандай гоцзи гуаньси яньцзю» // – Пекин, 2012. – № 1. – С. 16-33. 254 李长久 李 昌цю. 中国全球战略：东稳，北强，西进，南下 Чжунго цюаньцю чжаньлюэ: дун вэнь, бэй цян, си цзинь, нань ся (Глобальная стратегия Китая: поддерживать стабильность на востоке, укреплять позиции на севере, продвигаться вперед на западе, спускаться на юг.) // 现代国际关系 «Сиандай гоцзи гуаньси» // – Пекин, 2013. – № 4 (9). – С. 10-29. 255 刘立平 刘 立пинь. 中国难以领导世界 (Китай вряд ли сможет править миром.) // 现代国际关系 «Сиандай гоцзи гуаньси» // – Пекин, 2011. – № 1 (21). – С. 4-10. 256 辽新文 廖 Синьвэнь. Маоджуси 1958 хонджа де лиши цзин'ян 毛主席 1958 轰炸金门的历史经验 (Исторический обзор решения Мао Цзэдуна о бомбардировке Цзиньмэня в 1958 году.) // 党史文化 «Данши вэнхуа» // – Пекин, 1994. – № 1. – С. 16-22. 257 门宏华 门 宏хуа. 构造中国大战略 Гоцзао чжунго дачжаньлюэ (Построение основы великой стратегии Китая.) 北京大学出版社– Издательство Пекинского университета, Пекин, 2005. – 385 с. 258 辛丽 辛 丽. 增强 G20 影响力: 中国外交和世界秩序转变 Цзенда G20 инсяли: чжунго вэйцзао хе шицзе чисуй цзуанбиан (Усиление роли G20: трансформация мирового порядка и внешняя политика Китая) // 比较 政治学杂志 «Бицзао дзэнджи» // – Пекин, 2012. – № 1. – С. 23–29. 259 随杨 随 杨. 中国共产党 1950 年东南缓冲区战略 Чжунгон 1950 ниан доннан хуанчон чжаньлюэ (Стратегия Центрального комитета КПК в Юго-Восточной прибрежной зоне в 1950-е годы.) // 中共党史 «Чжунгон Данши» // – Пекин, 1992. – № 2. – С. 37-42.; 尼石松 尼 石сюн. 和谐世界和中国新外交 Хэсе шицзе чжунго вэйцзао (Гармоничный мир и новая дипломатия Китая.) // 现代国际关系 «Сиандай гоцзи гуаньси» // – Шанхай, 2007. – № 17 (3). – С. 1-26.; 赵全山 赵 全шань. 中国外交解读 Чжунго вэйцзао цзеду (Интерпретация китайской внешней политики.) – Гонконг: 世界出版社 Global Press, 1996. – 258 с.; 袁鹏 袁 鹏. 中美国家利益比较研究 Чжунмэй гоцзя ли'и бицзао яньцзю (Сравнительное исследование национальных интересов Китая и США.) 时事出版社– Издательство Шиши, Пекин, 2004. – 412 с.; 阎学通 阎 学тун. 中国国家利益分析 Чжунго гоцзя ли'и фэнси (Анализ национальных интересов Китая.) 天津人民出版社– «Тянцинь женмин», Тянцинь, 1996. – 271 с.; 阎学通 阎 学тун. 中国和亚太 安全 Чжунго хе ятай анцуан (Китай и безопасность в Азиатско-Тихоокеанском регионе.) 时事出版社 – Издательский дом Шиши, Пекин, 1999. – 227 с.; 阎学通 阎 学тун. 中国和国际政治 Чжунго хе гоцзи гуаньси (Международная политика и Китай.) 北京大学出版社 – Издательство Пекинского университета, Пекин, 2005. – 408 с.; 阎学通 阎 学тун. 中国崛起战略思考 Чжунго цзюэци чжаньлюэ сикао (Стратегическое мышление о Рост Китае.) 湖南人民出版社 – Издательство Народ Хунань, Хунань, 2010. – 275 с.; 阎学通 阎 学тун. 中国和周边关系 Чжунго хе дзоубиан гуаньси (Отношения Китая с окружающими малыми государствами.) 社科出版社 – Академическое издательство Общественные науки, Пекин, 2015. – 207 с.; 阎学通 阎 学тун. 韬光养晦 Таогуан'яньхуэй (Помимо сохранения низкого профиля.) 天津人民出版社 – «Тянцинь женмин», Тянцинь, 2016. – 217 с.; 阎学通 阎 学тун. 道义现实主义和中国 崛起战略 Даоисянши дзу'и хе чжунго цзюэци чжаньлюэ (Моральный реализм и стратегия роста Китая.) 社 科出版社 – Академическое издательство Общественные науки, Пекин, 2018. – 505 с.

⁷⁹ Кочетков В.В. Идентичность и культура в современных международных отношениях. (гриф УМО МГУ). — Москва Издательство МГУ им М.В. Ломоносова, 2015.; Кочетков В.В., Максимов И.В. Культурные войны в международных отношениях. — Антарес Москва, 2015.

⁸⁰ Леонова О.Г. Кибервойна и противоборство в цифровом информационном пространстве // Информационное общество. — 2018. — № 2. — С. 43-46; Леонова О.Г. Политика мягкой силы. — Москва: Москва, 2020.

Необходимо отметить особое значение для нашего исследования работ российских китаеведов А.В. Виноградова, С.Г. Лузянина, А.В. Лукина, М.Л. Титаренко, а также при разработке исследуемой проблемы большую роль играет научно-исследовательский потенциал МГУ имени М.В.Ломоносова, ИКСА РАН (ранее ИДВ РАН), МГИМО (У) МИД РФ, НИУ ВШ, с китайской стороны – Академии общественных наук КНР, Китайской академии современных международных отношений, Центра исследования дипломатической мысли Си Цзиньпина.

Таким образом, вопросам анализа внешней политики КНР уделяется большое внимание в научной литературе, однако все еще немного работ, посвященных комплексному пониманию приоритетов внешней политики Китая в контексте трансформации системы международных отношений и в условиях политического противостояния США.

Цель исследования заключается в выявлении сущностных и функциональных особенностей современной политической элиты КНР, определении современных тенденций ее функционирования в контексте формирования внешнеполитических стратегий КНР.

Реализация данной цели требует решения следующих **исследовательских задач**:

- обобщить теоретико-методологические основы изучения политических элит;
- определить подход китайских ученых к изучению политических элит;

---

⁸¹ Манойло А.В. Информационная война и новая политическая реальность // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). — 2021. — № 1. — С.100-132; Манойло А.В., Стригунов К.С. Технологии неклассической войны. Генезис. Эволюция. Практика. — Горячая линия – Телеком Москва, 2020.

⁸² Савельев А. Теория и практика современной войны // Мировая экономика и международные отношения. — 2019. — Т. 63, № 6. — С. 122-128; Савельев А.Г. Актуальные проблемы теории и практики современной войны в работах академика А.А. Кокошина. — Москва: Москва, 2020.

⁸³ Стригунов К.С., Манойло А.В. Фундаментальный механизм и законы неклассической войны // Гражданин. Выборы. Власть. — 2019. — Т. 4. — С. 157-193.

⁸⁴ Чумаков А.Н. Мягкая сила как способ решения проблем в глобальном мире // Век глобализации: исследование соврем. глоб. процессов. — 2014. — № 2(14). — С. 192-195; Чумаков А.Н. Глобализация. Контуры целостного мира: монография. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: М., 2021.

- выявить современные каналы, механизмы рекрутирования политической элиты КНР и основные тенденции в формировании современной политической элиты КНР;
- охарактеризовать доминирующие установки и механизмы реализации внешней политики КНР;
- определить наиболее влиятельные должности в контексте принятия внешнеполитических решений; проделать биографический анализ для выявления наиболее значимых каналов (эмпирическое исследование в формате сравнительного биографического анализа представителей ключевых позиций в контексте принятия внешнеполитических решений для выявления приоритетных каналов рекрутирования политической элиты на основе образовательного, партийного и других критериев);
- выявить групповые интересы из внеполитической сферы, влияющие на государственные внешнеполитические решения;
- определить неинституциональные факторы влияния;
- определить рейтинг должностных позиций с точки зрения принятия внешнеполитических решений.

Объект исследования – политическая элита КНР.

Предмет исследования – политическая элита КНР как субъект мировой политики.

Гипотеза Автор выдвигает гипотезу, что в условиях глобальной конкуренции происходят изменения в процессе формирования субъекта мировой политики – политической элиты КНР и его атрибутивных характеристик, что находится в прямой зависимости от взаимодействия с другими субъектами и внутренними факторами развития.

Хронологические рамки исследования 2013 г. – по настоящее время, то есть современный этап построения социализма с китайской спецификой, с момента избрания Си Цзиньпина Председателем Китайской Народной

Республики – по настоящее время. На наш взгляд, представленный в работе исторический анализ позволяет более полно и объективно исследовать проблему

Научная новизна исследования заключается в комплексном и междисциплинарном подходе к изучению заявленной проблемы, что позволило на основании обобщения обширного фактологического материала, концепций политических элит, использования различных исследовательских методов сделать следующие выводы, обладающие элементами новизны:

1. исследованы внешнеполитические стратегии КНР, доминирующие установки в условиях конкуренции с США, антироссийских санкций, украинского кризиса и механизмы их реализации;

2. охарактеризована роль политической элиты КНР как одного из важнейших инструментов в обеспечении международного баланса и стабильности международных отношений;

3. на основе междисциплинарного подхода выявлены основные тенденции элитообразования в китайском обществе в условиях трансформационных процессов, а также совокупность факторов, влияющих на рекрутирование и ротацию политической элиты государства, обновления или смены элиты; представлен комплексный анализ структурных изменений политической элиты КНР;

4. доказана возрастающая роль политической элиты Китая во внешнеполитическом механизме, в реализации внешнеполитических целей в современных политических условиях;

5. исследованы место и роль политического лидера государства в контексте формирования и реализации внешнеполитических стратегий;

6. охарактеризованы функции политической элиты как субъекта мировой политики: «охраны» национальных интересов и безопасности, информационно-представительская, переговорная, организационная и др.;

7. автором впервые выделены и описаны исторические этапы развития политической элиты КНР в контексте развития внешнеполитических стратегий КНР;

8. проведен кластерный анализ политического взаимодействия стран Африки и КНР в контексте экономического взаимодействия; выявлено методом статистической поверхности соотношения двух сравнительных статистических величин во временном отрезке 2013-2023 гг. политическая активность и соотношение политической активности лидеров стран Африки и лидера КНР – Си Цзиньпина;

9. автором введены в научный оборот новые документы и литература на китайском языке.

Теоретико-методологическая база исследования. В процессе исследования с целью обеспечения комплексного изучения объекта и предмета применялись различные методологические подходы и принципы, общенаучные и специальные.

Теоретико-методологическая база исследования состоит из работ классиков и современных авторов, исследовавших различные аспекты элитистской проблематики и модернизационных процессов. Это теоретические разработки Г. Моска⁸⁵, Р. Михельса⁸⁶, В. Парето⁸⁷, М. Острогорского⁸⁸, Р. Даля, Й. Шумпетера⁸⁹, Р. Миллса⁹⁰, Т. Дая⁹¹, Дж. Сартори⁹², М. Лофгрена⁹³, Дж. Хигли и М. Бартона⁹⁴,

⁸⁵ Mosca G. The Ruling Class (Elementi di scienza politica). Trans. H. D. Kahn. Ed., rev. and with an Introduction by A. Livingston. New York and London: McGraw-Hill, 1939.; Моска Г. Правящий класс // Социологические исследования. – 1994. №10. С.187-197.

⁸⁶ Michels R. Political Parties. A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy. – New York. – 1915 (orig. 1911). Михельс Р. Демократия и железный закон олигархии: глава из “Социология политической партии в условиях демократии”// Диалог.1991. №3. С. 42-46.

⁸⁷ Pareto V. The Rise and Fall of the Elites. An Application of Theoretical Sociology. – New Jersey. – 1968; Pareto V. Elites and their Circulation // Structured Social Inequality: a Leader in Comparative Social Stratification. N. Y., – 1969; Pareto V. Sociological Writings. Selected and Introduced by S. F. Finer, F. A. Praeger, – N. Y. – 1966 (or.1916).; Парето В. Трактат по общей социологии [Выдержки] / Осипова Е.В. Социология Вильфредо Парето: Политический аспект. – СПб.: Алетейя, 2004. – С. 77-159.

⁸⁸ Острогорский М.Я. Демократия и политические партии. – М., 1997.

⁸⁹ Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. – М.: Эксмо, 2008. – 864 с.

⁹⁰ Миллс Ч.Р. Властвующая элита / пер. Е. И. Розенталь, Л. Г. Рошаль, В. Л. Кон. – Москва : Директ-Медиа, 2007. – 844 с.

⁹¹ Дай Т., Зиглер Л.Х. Демократия для элиты. М.: Юридическая литература, 1984 – 320 с.

⁹² Сартори Дж. Вертикальная демократия// Политические исследования(Полис).1993. №2. С.80-90.

Г.К. Ашина⁹⁵, О.В. Гаман-Голутвиной⁹⁶, О.В. Крыштановской⁹⁷.

Основополагающим подходом стал диалектический, который позволил проанализировать существующие проблемы и процессы элитоформирования в развитии и взаимосвязи.

Используемый автором комплексный подход позволяет рассматривать политическую элиту КНР как элемент политической системы, многоуровневый субъект политики, как сложную систему элементов в их взаимозависимости, на которую воздействуют внутренние и внешние факторы. Обобщение использованного фактологического материала с целью выявления общего и специфического происходило с помощью исторического и сравнительного методов анализа. Для анализа внутриэлитных процессов, групповых интересов и особенностей формирования, функционирования и роли современных политических элит использовались структурно-функциональный, сравнительный, нормативно-правовой, политологический, исторический, социологический, политико-психологический и др. подходы. Использование системного многоуровневого анализа позволяет представить столь сложный объект нашего изучения в качестве единого целого, состоящего из взаимосвязанных элементов, обладающих определенными свойствами.

В работе также используется качественный метод «case-study», то есть изучение типичных примеров через анализ конкретной ситуации; применение данной методики позволяет описать ситуацию изменения системы, установить и объяснить причинно-следственные связи изменений системы.

Использование различных подходов и методов позволяют концептуально

⁹³ М.Лофгрэн Lofgren, M. The Party Is Over: How Republicans Went Crazy, Democrats Became Useless, and the Middle Class Got Shafted Paperback / M. Lofgren. –The Washington Post. –2013. – 240p.; Lofgren, M. Essay: Anatomy of the Deep State [Electronic resource] / M. Lofgren. – Public Affairs Television «Moyers». – 21 February. – 2014. – Mode of access: <http://billmoyers.com/2014/02/21/anatomy-of-the-deep-state/> (Дата обращения: 30.10.2023).

⁹⁴ Burton M., Higley J. The Study of Political Elite Transformations // International Revue of Sociology. 2001. Vol.11. No2. p. 181-199; Higley J., Pakulski J., Elite power games and democratic politics in Central and Eastern Europe // Democratic and Capitalist Transitions in Eastern Europe. Lessons for the Social Science / Ed.by Dobry M. Boston, London. 2000. 271 p.

⁹⁵ Ашин Г.К. Элитология: история, теория, современность: монография. – М.: МГИМО-Университет, 2010.

⁹⁶ Гаман-Голутвина О.В. Определение основных понятий элитологии//Полис. 2000. №4. С.97-103.; Политические элиты: эволюция теоретических концепций. – М.: РАГС, 1996. – 416 с.

⁹⁷ Крыштановская О. Анатомия российской элиты. – М.: Захаров, 2005. – С. 280–283.

осмыслить процесс китайского элитогенеза и сформировать междисциплинарный подход к исследованию политической элиты в новых политических условиях, который в свою очередь позволяет выявлять определяющие факторы в процессе элитообразования и в качестве социально – детерминирующих в жизни китайского общества; определять механизмы взаимосвязи процессов социального развития и процесса формирования элит.

Эмпирическая и нормативная база исследования. В ходе исследования потребовалось изучение большого количества источников разных видов. Мы разделили источники на несколько групп: первая – международная законодательная база и другие международные документы, регламентирующие международное взаимодействие (Устав ООН, Резолюции и т.д.); вторая группа – официальные документы органов законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти КНР; третья группа – программные политические документы КПК; четвертая – аналитические, справочные материалы официальных сайтов правительственных структур КНР, профильных ведомств и организаций; пятая – публикации авторитетных китайских, российских СМИ; шестая – национальная статистика КНР и международная статистика, также используется массив данных, подготовленный на основе анализа биографий ключевых политических деятелей КНР, от которых зависит процесс принятия внешнеполитических решений.

Теоретическая значимость исследования состоит в пополнении подходов к исследованию повышения роли политических элит в современных политических условиях, в частности в КНР, в процессе выработки концептуальных основ государственной внешнеполитической стратегии; в развитии теоретико-методологического анализа и социально-политической концептуализации элитообразования; в развитии теоретического анализа проблемы политических элит через концептуализацию ее роли при принятии внешнеполитических решений КНР, в выявлении ее специфических характеристик. Теоретические положения данной диссертации могут

способствовать совершенствованию методики изучения процесса элитобразования и его эволюции.

Практическая значимость исследования Полученные результаты могут быть использованы широким кругом экспертов и аналитиков по внешнеполитической стратегии КНР; в управленческой деятельности при формировании внешнеполитических стратегий стран, для разработки механизмов политического взаимодействия государств в условиях трансформации современного миропорядка; в целях модернизации системы госслужбы на современном этапе и подготовки кадров управленцев; в образовательной сфере при подготовке учебных курсов и учебно-методических пособий по проблемам мировой политики, включающим элитологические аспекты.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Роль политической элиты КНР актуализируется в контексте современных геополитических изменений, политическая элита КНР выступает в качестве элемента общей системы международных отношений. Анализ внутренних и внешних факторов, влияющих на процесс рекрутирования политической элиты КНР и ее роль в развитии концептуальных основ и приоритетов внешнеполитического курса Китая позволяют определить направленность внешней политики КНР по защите национальных интересов и обеспечению международного баланса и стабильности.

2. Трансформационные процессы последних десятилетий в КНР выступают фактором влияния на политическую жизнь китайского общества, на процесс и каналы рекрутирования политической элиты (определяются факторы негативного и позитивного влияния), элитного взаимодействия; формируют атрибутивные качества, социальный, политический (административный, бюрократический) и финансовый капитал, влияют на взаимосвязь этих ресурсов.

3. Системные изменения в социально-политическом и экономическом развитии КНР привели к системным изменениям в структуре политической элиты: появились новые каналы рекрутирования, новые группы в структуре

политической элиты (репрезентируются на различных уровнях власти). Структурированность является основой распределения функций, обеспечивает системную деятельность, организованность и координированность.

4. Определяется неформальный уровень влияния на интересы политической элиты.

5. Политическая элита КНР – коллективный субъект мировой политики, выразитель внешнеполитических интересов КНР и участник мирового политического процесса. Как субъект мировой политики в современных политических условиях она испытывает влияние со стороны внешних и внутренних факторов в условиях конкретно – исторической ситуации.

Также политическая элита как элемент политической системы с собственными качествами влияет на форму и характер взаимоотношений с системой и на способы достижения внешнеполитических целей.

Апробация результатов исследования. Основные теоретические положения и выводы исследования изложены в 8 статьях, опубликованных в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В.Ломоносова по специальности и отрасли наук. Содержание и выводы диссертационного исследования нашли отражение в докладах на международных и всероссийских научных конференциях, круглых столах и т.д.

Глава I. Политическая элита КНР: исследовательские подходы и исторические особенности

1.1. Политические элиты как объект исследования в политической науке

Понимание процесса эволюции элитологии требует в том числе анализа политических элит, управленческой бюрократии высшего уровня, что представляется особенно важным в условиях расширения политического влияния Китая в мире и глобальной нестабильности. Современная национальная политика развития КНР неотделима от участия страны в мировых процессах. В этой связи важны перспективы мирового позиционирования, национальный брендинг, роль Китая в мировом пространстве.

Институт политических элит и лидеров активно привлекает внимание исследователей. По мнению известного ученого в области элитологии О.В.Гаман-Голутвиной, частое употребление термина «элита» в непрофессиональном аспекте, особенно в СМИ, сформировало крайне негативное отношение к нему. Указывая на неоднозначность толкования понятия в различных сферах социально-гуманитарного знания, ученый выделяет его наполняемость с точки зрения политологии, определяет как «сообщество людей, обладающих властью» и фиксирует в элите такие сегменты как политическая элита, экономическая, профессиональная. Таким образом, мы имеем дело с представителями социальных групп, которые занимают самые высокие позиции в структуре

общества и обладают наивысшей властью в этом обществе и одновременно возможностью влиять на это общество – это и есть правящая элита.

Происхождение самого термина «элита» связывают с латинским «*eligere*» и французским «*elite*». Известный итальянский исследователь, основоположник теории элит и аристократического направления элитологии, Вильфредо Парето, который ввел этот термин, писал: «Главная идея термина «элита» превосходство...В широком смысле я понимаю под элитой таких людей, которые свойствами ума, характера, ловкостью, самыми разнообразными способностями обладают в высшей степени»⁹⁸. Данное определение, как и определение элиты, предложенное в свое время еще одним классиком политической элитологии Гаэтано Моска вызывают у современников улыбку от набора необходимых отличительных качеств для представителей правящих кругов.

Политологический подход в изучении элит и политического лидерства отличается спецификой рассмотрения элиты как института реализации власти, современного инструментария реализации политической власти, управления.

Поэтому сохраняется острая потребность в изучении власти и ее субъектов, в том числе в мировой политике, в конкретно – исторической ситуации. Феномен элит активно исследуется в современной отечественной и зарубежной политической науке, используются различные подходы.

Анализ изученной литературы позволяет выделить несколько направлений в современных исследованиях: политико-психологическое, политико-социологическое, компаративное, изучение внутриэлитных отношений.

В глобальных условиях современного развития отмечается многообразие способов и методов ведения политики в глобальном мире. Вопросы соотношения теории и практики в формировании мирового политического порядка, соотношения принципов международного права и реальной политики,

---

⁹⁸ Pareto V. *The Rise and Fall of the Elites. An Application of Theoretical Sociology.* – New Jersey. – 1968; Pareto V. *Elites and their Circulation // Structured Social Inequality: a Leader in Comparative Social Stratification.* N. Y., – 1969; Pareto V. *Sociological Writings. Selected and Introduced by S. F. Finer, F. A. Praeger,* – N. Y. – 1966 (or.1916).; Парето В. Тракта́т по общей социологии [Выдержки] / Осипова Е.В. Социология Вильфредо Парето: Политический аспект. – СПб.: Алетейя, 2004. – С. 77-159.

возможности полицентричной модели в современных международных отношениях, и в этой связи национальной государственности и корреляции внешнеполитических и экономических стратегий приобретают первостепенное значение.

В силу расширения своего политического и экономического влияния КНР глобально воздействует на мировую политику, в связи с чем актуализируется роль китайских элит и их изучение.

В самом начале нашего исследования нужно указать, что изучение проблемы является многоуровневым и требует знакомства с трудами по философии политики, теории международных отношений, истории и социологии международных отношений. В этой связи открывается много дополнительных вопросов и возможных теоретических парадигм. Мы акцентируем внимание лишь на современных подходах к исследованию проблемы.

Как известно, основой любой политической системы выступает политическая власть, а государство является формой организации и реализации политической власти и управления различными процессами. Политическая власть как институт неразрывно связана с системой законодательных и исполнительных структур, с системой госуправления. Для этого используется особый институт — политическая элита. Именно политическая элита обеспечивает необходимую базу для становления и функционирования политической власти, организует и реализует разработку политических программ и другое реформирование в различных сферах деятельности государства. Политическая элита — это группы и политические лидеры, принимающие и осуществляющие властные решения. То есть от качества управления национальными и мировыми процессами зависит успешность и стабильность современного развития, от субъекта политического управления зависят формируемые цели и задачи общества.

Как уже упоминалось, интерес к проблеме власти, к политической элите как субъекту политики известен еще со времен античности и далее получил развитие.

В трудах Конфуция, Платона, Аристотеля, Н. Макиавелли, Т. Гоббса, Д. Локка, Ш. Монтескье, Г. Гегеля, А. Токвиля, К. Маркса, Ф. Энгельса, М. содержатся актуальные и на сегодняшний момент положения.

Дальнейшее разработку классических концепций элит произошла в XIX – XX веках, прежде всего в работах В. Парето, Г. Моска и Р. Михельсона, которых по праву считают «отцами» элитологии и благодаря их трудам «элита» получила развитие как научная категория. Заслуга ученых также и в том, что они в отличие от классового подхода, в основе которого деление общества по экономическому неравенству, определили как основу социальной структуры общества вектор «элита – массы», то есть деление общества по различному положению групп относительно власти, тем самым утверждая элитарность любого общества; также доказали необходимость смены элиты, тенденцию к стремлению сохранить «правлящие позиции».

Политическая элитология получила дальнейшее развитие и активно применялась к анализу общественных систем в трудах М. Вебера, К. Мангейма, Г. Ласуэлла, Р. Миллса, Р. Даля и других теоретиков политической науки. Особое значение для нашего исследования имела фундаментальная работа Р. Миллса «Властвующая элита»⁹⁹. Концепция «классической бюрократии», разработанная Вебером¹⁰⁰, составляет основу понимания иерархического управления. У Консидина и Льюиса¹⁰¹ эта модель называется «процедурной бюрократией».

Проведенный анализ литературы позволяет согласиться с мнением о большом разнообразии исследований по проблеме политических элит и выделить в нем два основных направления: демократическое и иерархическое. Сторонниками первого направления являются представители теории «демократического элитизма», концепции плюрализма элит – это Д. Трумэн, Д. Рисмен, Р. Даль и другие. Суть концепции заключается в том, что политический интерес выступает стержнем формирования элитных групп, которые затем

---

⁹⁹ Миллс Ч.Р. Властвующая элита / пер. Е. И. Розенталь, Л. Г. Рошаль, В. Л. Кон. – Москва : Директ-Медиа, 2007. – 844 с.

¹⁰⁰ Вебер М. Политика как призвание и профессия. – М.: Литера Нова, 2018. – 226 с.

¹⁰¹ Considine and Lewis 1999, 2003.

выражают интересы этих социальных групп, но при этом невозможно доминирование какой-либо из них, то есть такой подход можно считать концепцией плюрализма. В рамках концепции рассматриваются механизмы ограничения политического и экономического влияния, поскольку элиты в рамках данной доктрины не представляют единую монолитную группу, располагают неодинаковыми ресурсами, что также имеет значение и в современной политической жизни.

Основными критиками демократических теорий стали приверженцы иерархического направления – это Р. Милс, Ф. Хантери др., которые в качестве основы определения политической элиты выделяют обладание ключевыми властными должностями, а также стремление элитных групп к самосохранению, к сохранению своих привилегий.

Активное расширение исследований политических элит привело в XX веке к появлению специального научного направления – элитологии. Считается, что данный термин имеет российское происхождение. Надо сразу уточнить, что развитие российской (советской) и западной элитологии происходило в соответствии с различными парадигмами, что сформировало альтернативные подходы. К российским классикам элитологии относят Г.К. Ашина, Ф.М. Бурлацкого, А.А. Галкина, А.В. Дуку.

Необходимо отметить роль политического реализма при оценке современной мировой политической ситуации и международных отношений, который в своей основе рассматривает противоречия международных отношений, стратегические интересы государств, власть как главный инструмент достижения цели. Традиционно развитие политического реализма связывают с Фукидидом, Н. Макиавелли, Т. Гоббсом, К. фон Клаузевицем и др. Классический реализм в качестве фактора учитывает «особенности человеческой природы».

Новый этап в развитии политического реализма в XX веке связывают с именами британского историка Э.-Х. Карра и американского политолога Г. Моргентау. По мнению реалистов, главными и решающими акторами

международных отношений остаются государства, структура системы международных отношений анархична. Основу межгосударственных взаимодействий составляют интересы государств, поэтому так важны национальные внешнеполитические стратегии, особенно нам хотелось бы подчеркнуть, особенно на этапе глобальных трансформаций.

Следующий этап в развитии реализма относят к концу 1970-х гг. и связывают с изменением международной обстановки, обострением гонки вооружений и ростом взаимосвязи политики с экономикой, с возможностью использования экономических средств в сочетании с традиционными на международной арене. Это направление получило название неореализма или структурного реализма, основоположником которого считают американского исследователя Кеннета Уолтца. В его книге «Теория международной политики» (1979 г.) содержатся преобразованные классические положения. Государства представлены Уолтцем в качестве элемента системы международных отношений, которая оказывает влияние на модели поведения государств, что позволяет делать прогнозы в международных отношениях. Таким образом, система международных отношений определяется как главный фактор в этой теории.

Природа войны также нашла отражение в концепциях неореализма, она рассматривается как общее явление, средство политики. Так, например, в работах американских неореалистов анализируется специфика современных войн, стратегия и тактика будущих. Неореалистическая концепция превосходства лежит в основе и центре внешнеполитической стратегии США, согласно которой глобальное лидерство США объявлено обязательным условием международной безопасности.

Таким образом, даже неглубокий анализ данного направления политической теории международных отношений показывает многообразие подходов к структуре и тенденциям глобального развития международной системы. Необходимо отметить, что в период холодной войны сохранявшееся противостояние двух сверхдержав, двух систем обеспечивало баланс сил и во

многим определяло модель поведения других государств на мировой арене. Последовавшее далее глобальное изменение международной системы в связи с распадом СССР и всей социалистической системы, изменение факторов, влияющих на конфигурацию мировой системы, появление нетрадиционных акторов, развитие и распространение новейших технологий и средств коммуникации и информации нуждались в осмыслении, что и привело к дальнейшему развитию реализма, начал формироваться цивилизационный подход. Первопроходцем считают профессора Гарвардского университета С.Хантингтона. В 1993 г. им был предложен тезис «столкновение цивилизаций». То есть в качестве главных акторов мировой политики автор предлагает рассматривать цивилизации, которые отличаются историей, языком, традициями и религией. Хантингтон демонстрирует реалистскую позицию, что субъекты мировой политики функционируют в условиях анархии, стремятся к власти и господству. Предлагая свою типологизацию цивилизаций общественного развития – западную, конфуцианскую, японскую, исламскую, индуистскую, славяноправославную, латиноамериканскую и, возможно, африканскую, Хантингтон фактически иллюстрирует этносоциокультурный подход¹⁰².

---

¹⁰² Кулешова Н.С. Население современной России: этносоциокультурный подход. — ИД Ключ-С Москва, 2011. — 304 с.

1.2. Особенности исторического развития и исследования элит в современном Китае

Значимость выбранной темы нашего исследования подтверждается социально-политической актуализацией процессов организации, функционирования и изменения институтов политической системы общества и факторов, которые влияют на формирование тенденции в отношениях государства и общества, а также роли государства на международной арене. Институты государственного управления и государственной службы видоизменяются. Современный этап реформирования государственной службы КНР, дальнейший процесс институционализации в условиях модернизации требует системного подхода к системе государственного управления.

Необходимо отметить, что после образования нового Китая требования партийных и государственных лидеров к политической элите постоянно менялись. Мао Цзэдун подчеркивал политическую лояльность политической элиты; Дэн Сяопин предложил принципы «четырёх перемен» политической элиты: революционизировать, омолодить, вооружить общими и специальными знаниями всю армию кадров, подчеркивая возрастной фактор политической элиты; Цзян Цзэминь и Ху Цзиньтао указали на значимость образования в продвижении политических элит. Необходимо отметить, что «культурная революция» привела не только к широкомасштабным репрессиям против партийной оппозиции, но и к попытке ликвидации традиционных мировоззрений, гонениям на интеллигенцию, разгрому КПК, общественных организаций (КСМК,

профсоюзов, пионерской организации и т. д.), нанесла колоссальный урон культуре и образованию, отразилась на внешней политике государства.

В определении классических концепций теоретиков элиты чаще рассматриваются политические элиты, которые занимаются политической деятельностью или тесно связаны с политической деятельностью и политической властью.

В Китае концепция политической элиты в течение долгого времени была заменена на концепцию «руководящих партийных и государственных кадров партии и правительства», по-китайски “干部” (ганьбу). Таким образом, кадры выдвинутые на руководящую работу Коммунистической партии Китая, стали ядром политических элит Китая. В дополнение к руководящим кадрам, работающим в КПК, других демократических партиях и правительственных системах, также отнесены руководители и высокопоставленные интеллектуалы или научно-технический персонал в государственных секторах, таких как государственные предприятия, университеты, исследовательские институты, системы общественной безопасности, международные организации и отраслевые ассоциации. Таким образом, к политическим элитам Китая относятся лица, которые в процессе работы принимают на себя определенную руководящую роль в государственном и партийном секторах¹⁰³.

Учитывая специфику экономического и политического развития КНР, можно утверждать, что политическая элитная группа активно способствовала процессу политического развития в Китае. Процесс перехода Коммунистической партии Китая от революционной к правящей – это также исторически непрерывный процесс смены политической элиты. В условиях все более сложной и разнообразной управляющей среды Коммунистическая партия Китая своевременно адаптировала стандарты подготовки, отбора и назначения политических элит для повышения жизнеспособности кадровой системы,

---

¹⁰³ Юань Чао. Кадры в резерве и современные китайские элиты // Governance Studies, No.4,2018. URL: http://zlyj.zjdx.gov.cn/ch/reader/create_pdf.aspx?file no=20180406&year id=2018&quarter id=4&falg=1

повышения способности правящей партии ориентироваться в сложных внутренних и внешних условиях и готовности к риску. В целом, современная китайская политическая элита претерпела примерно четыре масштабных изменения.

Лидером первого поколения руководителей стал Мао Цзэдун, второго поколения руководителей – Дэн Сяопин. Реформа кадровой системы впервые была проведена по инициативе Дэн Сяопина в конце 70-х – начале 80-х годов. К этому времени «культурная революция» нанесла серьезный ущерб строительству страны, экономика и общество оказались на грани краха и коллапса. Перед лицом кризиса, Дэн Сяопин предложил новые государственные стратегии «реформу и открытость», политический курс от «классовой борьбы», со стержнем в экономическом строительстве. Революционная политическая элита, выросшая после войны и революции, не смогла выполнить требования реформ и открытия, а также трудно реализовать потребности восстановления национального политического порядка, развития национальной экономики и осуществления эффективного социального управления. Необходимо, чтобы экономическое и социальное развитие теперь опиралось на новый тип политической элиты, обладающей более профессиональными знаниями, технологиями, практическими лидерскими способностями. В качестве руководящей силы преобразований Дэн Сяопин выдвинул принцип «четырех модернизаций» политических элит : контингент кадров должен стать более революционным, более образованным, профессиональным, более компетентным и моложе по возрасту, упразднив пожизненную систему руководящих кадров и внедрив систему срока службы¹⁰⁴. Благодаря этому, большое число молодых и технических элит, обладающих профессиональными знаниями, заменили революционную элиту. Менее чем за десять лет подавляющее большинство пролетарских революционеров, которые внесли свой вклад в развитие страны, но оказались не в состоянии

---

¹⁰⁴ «О некоторых исторических вопросах со времен образования Китайской Народной Республики», 1982 г. URL: <https://courses.edx.org/asset-v1:TsinghuaX+10610224x+1T2016+type@asset+block/关于建国以来党的若干历史问题的决议.pdf> (Дата обращения: 30.10.2023).

приспособиться к новым условиям, а также те политические элиты, которые вышли из истории и выполнили задачи революционного авангарда, они сменились, были замены большим числом молодежи и людей среднего возраста, обладающих современными знаниями, технологиями, практическими навыками¹⁰⁵. Выдвинутые Дэн Сяопином реформы нашли широкую поддержку в китайском обществе и партии. Однако политическая борьба за власть не прекращалась. Передача власти от первого поколения руководителей ко второму происходила конфликтно, а именно: арест «банды четырех» в 1976 г. и отстранение от власти Хуа Гофэна в 1978 г. Также были приняты решения о выходе на пенсию руководящих кадров. Данный вопрос был изучен Меланьей Манион¹⁰⁶.

Смена политических элит произошла в начале 1990-х годов, начиная с XIV Всекитайского съезда КПК в 1992 году. В отчетном докладе XIV съезду «Об основных вопросах укрепления и совершенствования партийного строительства в новой ситуации»¹⁰⁷, и в решениях съезда подчеркивается: «Активизировать подготовку и отбор выдающихся молодых кадров, сосредоточиться на укреплении партийного духа и практики молодых кадров, твердо понять создание резервных кадров и рационально использовать кадры всех возрастов». Передача власти в период второго поколения руководства все еще основывалась на рассмотрении преемника лидера, что является переходным периодом от политики персонифицированного сильного человека к институционализированной власти. Под руководством линии дальнейшего продвижения реформ и открытия XIV съездом КПК была выдвинута реформа экономической системы и создание социалистической рыночной экономической системы. В целях формирования руководящей идеологии социалистической рыночной экономики была также проведена соответствующая реформа системы отбора кадров и проведен новый

---

¹⁰⁵ Ху Аньган, Ван Шаогуан, Чжоу Цзяньминь. Вторая трансформация: Строительство национальной политики, 2003. С. 217.

¹⁰⁶ Manion M. Politics and Policy in Post-Mao Cadre Retirement //The China Quarterly, No. 129 (Mar., 1992), pp. 1-25.

¹⁰⁷ Центральный Комитет Семнадцатого Центрального Комитета по основным вопросам укрепления и совершенствования партийного строительства в новой ситуации, отчёт XIV Всекитайского Съезда КПК, 1992 г.

этап замещения элиты. Продолжает сохраняться принцип «четырех модернизаций» при отборе кадров, а кадры среднего и молодого возраста занимают доминирующее положение. При выборе кадров внимание уделялось назначению специалистов по экономическим вопросам, обладающим экономическими, технологическими преимуществами и способностью управлять экономикой в таких ее областях как рынок, внешняя торговля и финансы.

Испытанием устойчивости политической системы КНР стали события на площади Тяньаньмынь в мае-июне 1989 г. Освобождение со всех постов Чжао Цзыяна и назначение Цзян Цзэминя то есть передача власти от второго к третьему поколению является механизмом передачи политической власти в КНР.

Третья смена политической элиты произошла в начале 2000-х годов. В 2002 году состоялся XVI Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая (КПК), тогда впервые политические лидеры на высшем уровне – ЦК осознали институционализированную коллективную передачу власти, была проведена третья замена политической элиты.

В это время реформа и открытость достигли успехов, достижения в области экономического строительства также были значительными. Однако все более заметными становятся такие проблемы как ухудшение состояния окружающей среды, растрата и чрезмерная эксплуатация ресурсов, дисбаланс регионального экономического развития и все более острые социальные противоречия. Экономическое развитие по-прежнему является первоочередной задачей страны, но одновременно стало необходимым учитывать весь комплекс проблем, возникающих в процессе развития страны. В этом контексте начинается новый раунд замены политической элиты, который требует, чтобы политическая элита обладала видением научного развития и могла быстро адаптироваться к требованиям построения гармоничного социалистического общества. Исходя из того, что политическая элита должна продолжать придерживаться принципа «четырех модернизации» ведущих кадров, тем более она должна обладать способностью к всестороннему управлению и сознанию государственной службы,

и основной тенденцией является замена политической элиты чиновниками государственного управления с разумной возрастной структурой и богатой структурой знаний¹⁰⁸.

Четвертое поколение сменило предыдущее после того, как Китай вступил в новую эпоху социализма в 2017 году. Об историческом этапе в развитии китайской государственной идеологии рассказал Генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин на XIX Всекитайском Съезде КПК в октябре 2017 года: «Партия должна объединить все национальности китайского народа, повести их к завершению построения общества средней зажиточности и одержать великую победу при вступлении в новую эру социализма с китайской спецификой»¹⁰⁹ – такова повестка дня и курс на будущее.

После XVIII Всекитайского съезда КПК в 2012 году, объем ВВП Китая уже занимал второе место в мире, развитие социализма с китайской спецификой вступило в решающий период, тем более перед государством стоят внутренние проблемы, в том числе, коррупция партийно-государственных работников. Особенно отметили подходы существования истинного политического облика, характеризующегося чертами честности и неподкупности такие, как комплексный механизм проверки, полный механизм отчетности и продвижение антикоррупционного национального законодательства. Честность и неподкупность становятся важными стандартами для отбора кадров. Более того в отчете XIX Всекитайского съезда отмечается, что партийные кадры являются основой партии и государства. Необходимо поставить политическое строительство КПК на первое место, что означает политическую направленность кадровой работы. А также предлагается сосредоточиться на создании качественной профессиональной кадровой команды. Впервые в партийном отчете

---

¹⁰⁸ Всестороннее строительство среднезажиточного общества и создать новую обстановку для дела социализма с китайской спецификой, отчет XVI Всекитайского Съезда КПК, 2002.

¹⁰⁹ Добиться решающей победы в полном построении среднезажиточного общества, одержать великую победу социализма с китайской спецификой в новую эпоху, отчет XIX Всекитайского Съезда КПК, 2017.

указано, «высокое качество» и «специализация» в качестве общей цели подготовки кадрового резерва¹¹⁰.

В нашей работе исследовательское внимание к реформированию и элитам сосредоточено на современном этапе, когда к власти в Китае пришло «пятое поколение» руководителей, возглавляемое Си Цзиньпином, – это 2012 год. Как отмечают многие исследователи, с избранием Си Цзиньпина Генеральным секретарём ЦК КПК в реформировании системы государственной службы КНР начался новый этап. Тогда потомственным руководителям, руководителям из семей старых революционеров были сформулированы конкретные задачи и возложена ответственность за исполнение: 1) необходимо сконцентрироваться на антикризисном управлении для преодоления последствий мирового экономического кризиса, 2) разработать систему постоянных мер по развитию страны по социалистическому пути, 3) актуализировать разработку методов решения тайваньского вопроса по возвращению в «могучее гармоничное социалистическое государство» тайваньских националистов.

Анализ процесса реформирования госслужбы КНР, позволяет уточнить, что в период Мао Цзэдуна четко прослеживается тенденция организации политико-административной системы по советскому образцу, что конечно имело много позитивного. В период «культурной революции», которую многие характеризуют как период уничтожения кадров, значение системы как таковой подвергалось сомнению. Во времена Дэн Сяопина начался сложный восстановительный период. Отмечают, что с конца 1970-х годов предлагалось более 26 вариантов реформирования системы, которые были отвергнуты. И только на 3-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва в ноябре 2013 года были утверждены положения по реформированию системы государственной службы.

Анализ принятых документов позволяет выделить в качестве основных несколько направлений реформирования государственной службы: создание единой целостной системы государственной службы КНР, соединяющей в себе

---

¹¹⁰ Там же.

исторические, культурные, национальные особенности и другую китайскую специфику; повышение эффективности государственной службы в целях упрочения уровня легитимности власти; создание эффективного управленческого механизма в системе государственной службы, систематизацию и координацию функций и полномочий в органах власти; четкое разграничение функций и компетенции между уровнями власти; усиление контроля по борьбе с коррупцией в системе госслужбы; активизация кадровой политики в направлении результативности деятельности государственного аппарата. При этом направленность реформ находится в теснейшей взаимосвязи с партийными установками.

В современных условиях развития в качестве главной задачи государственной службы КНР выдвигается реализация программных установок КПК по развитию социализма в Китае и укреплению роли страны на мировой арене. Модернизация кадровой системы ставит цель создания стандартизированного механизма подготовки и формирования партийных и государственных кадровых ресурсов, способных и готовых высококвалифицированных кадров реализовывать решение долгосрочных задач по достижению стратегических целей КПК. Традиции конфуцианства, связь с народными массами, реальная политико-экономическая ситуация положены в основу требований к работе партийных и государственных кадров: «служение народу, обладание твёрдыми убеждениями, возложение на себя ответственности, старательность и деловитость, честность и незапятнанность»¹¹¹. В КНР на современном этапе активно решается задача профессионализации аппарата управления государством и партией.

Политической элите КНР принадлежит функция определения стратегии, формирования и реализации внутренней и внешней политики по пути претворения в жизнь великой китайской мечты. То есть можно сказать, что

---

¹¹¹ Хао Лун. Функционирование и развитие системы государственной службы в КНР на современном этапе : диссертация ... кандидата политических наук : 23.00.02 / Хао Лун; Моск.гос.ун-т им. М.В.Ломоносова – Москва, 2015. – 174 с.

политическая элита выполняет в развитии общества направляющую функцию. Рост экономического уровня страны, расширение политического влияния КНР в условиях глобальной конкуренции формируют исследовательское поле по изучению китайского политического руководства. Политические элиты в китайской политической науке исследуются на существующих базовых подходах. Необходимо учесть, что элитизм превратился в одно из важных направлений в современной западной политической мысли, с 1980-х годов, с быстрым распространением западного неоконсерватизма. Например, Юй Кэпин¹¹² указывает, что это новое развитие западной политической теории должно привлечь достаточное внимание китайского политического научного сообщества. В реальных условиях, когда идеалы демократии серьезно оторваны от действительности, его чрезвычайно легко распространить и развить. Особенно политический элитизм получил развитие после политики реформ и открытости в Китае. Столкнувшись на этом пути с серьезными проблемами и недостатками плановой системы, многие руководители и представители научного сообщества Китая обратились к теории элит, а политическую элиту начали рассматривать как способ правильного управления страной в новых исторических условиях. Но есть и противники данной позиции, они выступают против политического элитизма, считая, что он несовместим с национальной спецификой и условиями КНР. Также есть в КНР направление, которое называют «трезвые» ученые, которые диалектически относятся к элитизму. В целом, изучение проблемы политической элиты в Китае основано на интерпретации и переосмыслении теории западного элитизма, учитывая разнообразие мнений китайских ученых.

Так, именно с именем Дэн Сяопина связывают реальные перемены и «новую традицию» китайской политической элиты со времен реформ и открытости, ее установку на консенсус, возвращение идеологической основы. Дэн Сяопин писал: «Поиск истины на основе фактов является основой пролетарского мировоззрения и идеологической основой марксизма. В прошлом все победы,

---

¹¹² Юй Кэпин. Разочарование демократической политики: обзор политического элитизма// Социальные науки, Тяньцзинь 1990. С. 91–96.

которых мы добились в революции, основывались на поиске истины из фактов; теперь мы хотим реализовать четыре модернизации, и мы также полагаемся на поиск истины из фактов»¹¹³.

На новом историческом этапе, в новых политических условиях Си Цзиньпин выдвигает следующий тезис – «поиск истины на основе фактов является фундаментальным взглядом марксизма, фундаментальным требованием для китайских коммунистов понимать мир и преобразовывать его, а также основными идеологическими методами, методами работы и методами руководства нашей партии. Независимо от прошлого, настоящего и будущего, мы должны настаивать на том, чтобы исходить из реальности, увязывать теорию с реальностью, проверять истину и развивать ее на практике»¹¹⁴.

Таким образом, трансформация китайских политических элит является составной частью общего политического процесса и частью политической системы КНР. Общее руководство политической реформой осуществляет КПК КНР. Развитие китайской экономики меняет социальную структуру, определяет необходимость формирования новых управленческих подходов. Необходимо модернизировать управленческие способности страны путем институциональных изменений и новых компетенций политических элит. Данные задачи являются основой текущей реформы политической системы Китая.

При этом следует уточнить, что китайских исследований, непосредственно обращенных к проблематике политических элит немного. Проведенный анализ литературы и источников показывает, что китайской политической элите удается соединять теории и практики весьма успешно. Прагматический подход, соблюдение принципа «безопасность и стабильность превыше всего» и стратегии поэтапного продвижения к цели обеспечивают успех и результативность по пути модернизации Китая. Китай не пошел по пути радикальных перемен, как например, в РФ, тем самым оградив китайский народ от многих потрясений.

---

¹¹³ Дэн Сяопин. Избранное. URL: <https://vas-s-al.livejournal.com/892396.html> (Дата обращения: 30.10.2023).

¹¹⁴ XX съезд КПК КНР. URL: <https://www.12371.cn/special/lcddh/> (Дата обращения: 30.10.2023).

Описательно качественные характеристики политической элиты можно вывести как компетенцию умения глубокого анализа и соединения теоретических знаний с успешными практиками, способность критического отношения к допущенным ошибкам и пониманию собственной исторической роли и ответственности перед китайским народом и высокой способностью к социальной мобилизации – «историческая ответственность и историческая миссия китайской политической элиты заключается в достижении модернизации и достижении великого возрождения китайской нации». Стремление Китая к дальнейшей модернизации во многом объясняется стремлением политической элиты соответствовать реальным историческим условиям развития, при этом корректируется стратегия развития и конкретные методы и инструменты ее реализации. Данный факт служит доказательством, что деятельность КПК КНР относится к политическим партиям, основанным на обучении. Для этого были разработаны и приняты «Положения об образовании и переподготовке кадров», «Национальный план образования и профессиональной подготовки» и другие документы; ряд институциональных нормативных систем, таких как система коллективного обучения Политбюро Центрального комитета и системы обучения центральной группы партийных комитетов на всех уровнях. В дополнение к Центральной партийной школе центральное правительство создало три ведущие организации по подготовке кадров национального уровня: Китайский Пудунский кадровый колледж, Китайский Цзинганшаньский кадровый колледж, Китайский Яньаньский кадровый колледж. В этой связи необходимо отметить, что повышение образовательного уровня кадровых работников рассматривается как объединительный инструмент внутри политической элиты с целью правильного толкования принимаемых стратегий, их интеграции и дальнейшей модернизации.

Судя по результатам текущих исследований, существуют две тенденции определения элиты и политики элиты: одна – «критическое и негативное определение»; другая – «восхвалительное и позитивное определение». Критические взгляды склонны определять политику элит как стратегию

буржуазного заговора. Например, Сяо Хаохуэй¹¹⁵ считает, что под «элитой» подразумевается человек, получивший хорошее образование, обладающий определенным материальным и духовным богатством, а также методами распространения информации и способный эффективно влиять на общественную жизнь. Гун Цзилай и Чжэн Цзичэнь¹¹⁶ указывают, что так называемые «элиты» относятся к классу власти, предпринимательскому классу и классу интеллигенции. Эти люди являются, по их мнению, «основой Китая». Так называемая «политика элиты» была выдвинута некоторыми людьми, которые в последние годы выдали себя за «элитами». Они считают, что из-за отсталого экономического и культурного уровня Китая подавляющее большинство народа не может напрямую управлять страной в течение длительного времени, поэтому они могут только сначала позволить небольшому количеству «элит» демократизироваться, вывести их на лидирующие позиции, чтобы они задали направление развитию страны, то есть осуществили «политику элиты». «Политика элиты» заключается в передаче демократических прав, которыми народные массы уже обладают, и в превращении «народных масс как хозяев страны» в «элиты, являющимися хозяевами страны ради народа». Восхвалительное определение больше фокусируется на статусе и роли элиты в реальной политической деятельности. Так, Тун Чжихуэй¹¹⁷ считает, что в практике малых групп те, кто может мобилизовать больше социальных ресурсов, чем другие члены, и получить более авторитетное распределение ценностей, таких как безопасность, уважение и влияние, можно назвать элитой. С точки зрения международных отношений Ян Цзинмин¹¹⁸ указал, что упомянутые здесь политические лидеры и элиты, принимающие решения, являются лицами, имеющими важное влияние на определение внешней политики страны и в

---

¹¹⁵ Сяо Хаохуэй. Комментарий к политике элиты// Форум партийной школы, 1990. № 12. С. 8–10.

¹¹⁶ Гун Цзилай, Чжэн Цзичэнь. Крушение мечты политики элиты. Опровергните заблуждение «пусть некоторые люди сначала будут демократическими»// Вестник Нанкинского университета политических наук, 1992. № 2. С. 2–5.

¹¹⁷ Тун Чжихуэй. Мобилизация элиты в участии в выборах среди крестьян// Социологические исследования, 2002. № 1. С. 1–9.

¹¹⁸ Ян Цзинмин. Индивидуализм, политические элиты и международные отношения// Вестник Шанхайского административного университета, 2009. № 5. С. 87–93.

международных отношениях, они представляют собой особую группу меньшинства в политической иерархии. Например, Юй Цзяньжун¹¹⁹ считает, что политика элит связана с государственной властью, и через национальную политику, имеющую организационную силу, она часто проявляется как система или порядок, как метод принуждения. Независимо от того, контролируют ли элиты государственную власть, все они пытаются сформировать свою легитимность и заидеологизировать ее.

О законности политики элиты.

Что касается теории элитизма и политики элиты в Китае, как и на Западе, есть противники и сторонники, и некоторые ученые диалектически подтверждают научную природу элитизма в теории.

Противники политики элиты в основном утверждают, что политика элит антисоциалистична и не соответствует нашим национальным условиям. Сяо Хаохуэй¹²⁰ считает, что «элитарная» политика – это отрицание исторической роли и демократических прав народа, отрицание лидерства Коммунистической партии Китая, и ее цель – заменить социалистическую народную республику диктатурой буржуазии. Например, Чэнь Ди¹²¹ также считает, что трудно заменить руководство Коммунистической партии и рабочего класса небольшим количеством «интеллектуальных элит» и «политических элит». К тому же очень опасно ставить несколько элит в положение, противостоящее широким интеллектуалам и массам, и даже копировать теорию политики силы. Следовательно, политика элиты западного образца не подходит для национальных условий Китая ни в теории, ни на практике.

Сторонники политики элит в целом подтверждают роль элит в политическом развитии и социальном прогрессе. Ван Келян и Бай Лянцзе¹²² считают, что у нас есть причины для непрерывного объединения

---

¹¹⁹ Юй Цзяньжун. Элитизм сдерживает нижнюю политику // Журнал форума народов 2010. № 21. С. 24–25.

¹²⁰ Сяо Хаохуэй. Комментарий к политике элиты // Форум партийной школы, 1990. № 12. С. 8–10.

¹²¹ Чэнь Ди. Политика элиты не подходит специфике Китая // Социальные науки, Шаньдун. 1990. № 3. С. 16–18.

¹²² Ван Келян, Бай Лянцзе. О сочетании интеллектуальной элиты и политической элиты // Исследование политологии, 1989. № 2. С. 22–25.

интеллектуальных элит с политическими элитами, что поможет двум элитам выполнять свои соответствующие социальные функции и способствовать социальному и историческому прогрессу.

Некоторые ученые считают, что даже в условиях демократической диктатуры социалистических народов в определенной степени существует политика элиты. Се Юэ¹²³ указывает на правомерное развитие современных китайских элит в 1990-х годах. Существование групп и подгрупп с большим экономическим достатком, более высоким социальным статусом и более высоким уровнем образования не позволяет отрицать факт появления элитного общества.

Бао Юнцзюань¹²⁴ поясняет с точки зрения международной политики, что на нынешнем уровне развития элитарная демократия является необходимым способом решения международных дел, а также необходимым этапом демократизации международной политики.

Некоторые ученые диалектически подтверждают определенные разумные части теории элитизма. Юй Кэпин¹²⁵ указал на то, что элитизм и марксизм имеют много общего в теории. Поскольку элиты делят любое общество на два класса: очень небольшое количество правителей и подавляющее большинство управляемых, эта точка зрения также поддерживается и принимается марксистами. Чтобы сохранить свою позицию, правящий класс должен разработать набор «политических формул», чтобы продемонстрировать легитимность своего правления. Эта точка зрения является почти здравым смыслом в марксизме. Однако элитизм легко может уничтожить демократический дух людей. Следовательно, все ответственные политологи должны проявлять особую бдительность в отношении этих опасных последствий, вызванных теорией элитизма.

---

¹²³ Се Юэ. Трансформация рынка, политизация элит и местный политический порядок// *Общественные науки Тяньцзиня*, 2005. № 2. С. 55–60.

¹²⁴ Бао Юнцзюань. Элитная демократия – необходимый этап демократизации международной политики// *Современная экономика*, 2009. № 20. С. 48–49.

¹²⁵ Юй Кэпин. Разочарование демократической политики: обзор политического элитизма// *Социальные науки, Тяньцзинь* 1990. С. 91–96.

Сяо Кэ и Ян Хун¹²⁶ отметили, что касается нынешнего Китая, политика элиты заставляет задуматься: сейчас мы хотим изучать не то, следует ли разрешить политику элиты, а политику элиты в пределах определенного диапазона и в течение определенного периода времени. Она определенно будет существовать и окажет значительное влияние на политическую и социальную экологию Китая, поэтому следует поддерживать конструктивную сторону политики элит и сдерживать ее деструктивную сторону.

Среди работ последнего времени можно выделить несколько. Так, в журнале «Справочник для партийных и правительственных кадров» (2018) опубликована статья У Чжунминя «Преимущества китайских политических элит в процессе модернизаций»¹²⁷. В данной работе предпринята попытка анализа общих факторов влияния на процесс развития политических элит КНР в историческом контексте и в процессе современной модернизации. Автор рассматривает четыре модернизации: укрепление сельского хозяйства, промышленности, обороны, науки и техники, предложенные как средства омоложения экономики Китая Дэн Сяопином на посту верховного лидера Китая, в начале «реформы и открытости» идея «сяокан» или «умеренно процветающего общества». Автор рассматривает свою страну с позиции размеров и численности населения, указывает на разнообразие социального общества, взаимозависимости различных элементов в китайской системе и отсутствии опыта модернизации – что все вместе это создает условия большой неопределенности и требует осторожности при разработке мер: «В новой ситуации национальная безопасность и социальная стабильность моей страны сталкиваются с большим количеством угроз и вызовов, особенно очевиден эффект увязки различных угроз и вызовов»¹²⁸.

---

¹²⁶ Сяо Кэ, Ян Хун. Логика будущего развития политики элиты в Китае// Вестник Северо-восточного педагогического университета, 2010. № 6. С. 1-4.

¹²⁷ У Чжунминь.Преимущества китайских политических элит в процессе модернизаций// Справочник для партийных и правительственных кадров», 2018.

¹²⁸ Си Цзиньпин о государственном управлении, 2014.

По мнению автора, важнейшим фактором успешности модернизации в Китае является особенность политических элит Китая в обладании более сильными социальными мобилизационными возможностями, что является общепризнанным фактом¹²⁹.

С точки зрения организационной формы в Китае существуют строгие единообразные организационные структуры, действующие на разных административных уровнях: от центрального правительства до местных органов власти, и даже в каждой деревне и на каждой улице существуют и эффективно действуют партийные и правительственные организации. На улице действуют квартальные комитеты – это самоуправление. Столь эффективная организационная система, большое количество доступных ресурсов создают широкую мобилизационную базу.

Обращает на себя внимание работа Чжана Нянькуаня «Предварительное исследование факторов роста политической элиты Китая». Данное исследование основано на методе контент-анализа¹³⁰.

В основе резюме 384 тогдашних членов постоянного комитета из 31 провинции, городов и автономных районов материкового Китая, опубликованных China Economic Network в 2016 году. В ходе исследования выявлены факторы влияющие на рост политической элиты Китая. По мнению автора, к трем основным факторам, значимым для роста китайской элиты следует отнести возраст, образование и пол.

Отличает работу попытка автора рассмотреть политические элиты по трем возрастным группам, сфокусировано внимание на роли молодых политических элит. За молодежью признается «ключевая роль в продвижении процесса реформ, открытости и завершении смены старой новыми политическими элитами». Таким образом, автор считает молодежь КНР основным фактором, влияющим на рост и качественные признаки политической элиты Китая. В этой связи рассматриваются

---

¹²⁹ У Чжунминь. Социальная мобилизация и развитие // «Академический журнал Чжэцзян», № 2, 1992.

¹³⁰ Чжан Нянькуань. Журнал Хайнаньского радио и телевизионного университета, 2017. № 2; Общий серийный номер № 67, С. 53-55.

возможности выпускников вузов проекта 985, они имеют больше возможностей для продвижения по службе. Как пишет автор: «Модель политической элиты Китая меняется от революционной модели политической элиты к модели политической элиты, основанной на знаниях».

Заканчивая раздел анализа литературы по непосредственно исследуемой теме, хотелось бы остановить внимание на развитии политической науки КНР в целом, и отметить следующее:

- в КНР происходит дальнейшее развитие философско-общественной науки;
- в теории политики отмечается, как и в других сферах политологического знания наблюдается некорректное формулирование предмета исследования;
- наблюдаются различные подходы к анализу политики КНР, основанные как на принципах марксизма, так и на теориях западных либеральных ученых (например, на теории Хаека);
- ведущая роль принадлежит марксистской школе со своими научными методами;
- отмечается теоретическая непроработанность многих понятий и терминов;
- отмечается расширение тематики исследований, в том числе основанных на сочетании теоретического и практического научного взаимодействия;
- в связи с реализацией политики реформ и потребностью исследования проблем и перспектив данной области получили развитие новые направления, такие как геополитика, политическая психология, политическое регионоведение, политическая динамика, политическая социология, международные стратегии и другие, среди которых и элитология.

1.3. Модернизация КНР как базовый принцип политического развития

Современный Китай, осуществляя плавный переход от плановой экономики к рыночной, демонстрирует миру успешность проводимых реформ и особую экономическую модель. В этом процессе очевидна роль эффективной модели управления, которая включает в себя исследование внутренней и внешней среды. Анализ созданной модели констатирует правильную оценку существующих и необходимых условий и соответствующего потенциала, а также необходимость технологических инноваций в различных сферах при условии грамотного управления процессом модернизации, это обеспечивает реализацию запланированного и перспективность выбранной модели для стабильного развития. Специфика политической модернизации КНР позволила решить поставленные на определенных этапах задачи, добиться большой результативности в процессе проводимых реформ при сохранении традиционной политической системы и культуры, особенностях государственного управления. Экономические успехи, преобразования в системе государственного управления невозможны были бы без руководства КПК и роли политической элиты.

Китайская модель модернизации конечно заслуживает исследовательского интереса, поскольку за достаточно короткий исторический период выдвинутые реформы и система управления, как инструмент их реализации, обеспечили КНР статус сверхдержавы.

Современный Китай занимает третье место в мире по территории, первое – по численности населения (хоть Индия и догоняет), является второй экономикой мира по номинальному ВВП и ядерной державой, располагает самой

многочисленной армией военнослужащих. Население современного Китая насчитывает более 1 млрд 411 млн человек, расселившихся на территории 36 административных единиц, которые характеризуются своими историей, культурой, спецификой хозяйствования, традициями, ментальными особенностями и т.д.

После иностранной агрессии, гражданской войны, политики «большого скачка» и «культурной революции» КНР ослабла, стала бедной, испытала массовый голод, большие политические потрясения к 80-м годам XX столетия, к началу политики «реформ и открытости». Однако научное руководство КПК, правильная и объективная оценка китайских экономических, политических и общественных реалий с учетом большого исторического и современного практического опыта Китая позволили разработать стратегию экономического развития страны после 1978 года и обеспечили по настоящее время новый виток в развитии страны.

На открытии XII съезда КПК в 1982 г. Дэн Сяопин выдвинул идею «Идти своим путем и строить социализм с китайской спецификой»¹³¹. Научная концепция «социализма с китайской спецификой», утвержденная на XII съезде КПК, сочетает социалистические и несоциалистические формы собственности, рыночную и плановую экономику с привлечением зарубежных капиталов и технологий¹³². Необходимость дальнейшего развития социализма получила подтверждение на XIII съезде КПК (1987г.)¹³³, была принята программа дальнейшего проведения экономических реформ, в качестве главной задачи определен удвоенный рост душевого показателя ВВП к двухтысячным годам. Модернизация КНР¹³⁴ концептуально связана с конфуцианством, представлением о гармоничном обществе, понятием «сяокан»¹³⁵.

---

¹³¹ Ли Цзюньжу. Китайский путь и китайская мечта// Издательство литературы на иностранных языках. 2014.

¹³² XII Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая. Пекин, 1982. С. 20, 30-31, 33, 37.

¹³³ Лю Гогун. Ретроспективный взгляд на теорию экономической реформы в Китае за десять лет // КНР: на путях реформ (теория и практика) /Под ред. Виноградова В.А. М.: Наука, 1989. С. 6.

¹³⁴ XIII съезд КПК и реформа в Китае / Под ред. Су Вэньмина; перевод с кит. сотрудники Бюро переводов при ЦК КПК. Пекин: «Пекинский еженедельник», 1987.

¹³⁵ Лукьянов А.Е., Переломов Л.С. «Сяо кан» в китайской цивилизации. URL: http://www.sociognosis.narod.ru/myweb8/docs/lukjanov_sjao-kan.htm (Дата обращения: 30.10.2023).

В 1992 г. китайское правительство обнародовало, что главной целью экономической реформы является создание социалистической рыночной экономики, то есть политическим решением происходила замена командной экономики на рыночную, создавалась рыночная конкуренция. Уникальность используемого подхода заключается в сочетании марксистских принципов, экономического детерминизма с элементами капитализма и тотальным государственным регулированием. Необходимо отметить, что китайские теоретики-экономисты поддержали данный подход: особенность «китайской специфики» заключается в «первичной стадии социализма» на тот момент в Китае, а потому необходим свой план строительства социализма со своими методами. Реализацией данного плана стало реформирование экономической системы, в результате – создание смешанной экономики с различными формами собственности, что не является отходом от социализма. Но это путь социализма с китайской спецификой, а не капитализма, не государственного капитализма, как считают некоторые ученые¹³⁶. Цель китайской модернизации заключается именно в социалистической модернизации и великом возрождении китайской нации на основе построения социализма с китайской спецификой, которая включает в себя положение о начальном этапе социализма, положение «пять в одном» (экономическое, политическое, культурное, социальное, экокультуру).

Китай показывает миру новую модель модернизации, ранее нигде не применявшуюся, отличающуюся от западной модели модернизации. Можно сказать, что Китай предложил миру альтернативный план развития со своими преимуществами. В рамках реформ в различных сферах жизнедеятельности общества запускаются пилотные проекты, анализируется их результативность и лишь потом принимается необходимое решение. Это же касается и институциональных форм. Главная специфика китайской модернизации заключается в том, что она осуществляется в рамках сохранения основ социалистического государства под руководством КПК КНР и вектора

---

¹³⁶ Ли Цзюньжу. Китайский путь и китайская мечта // Издательство литературы на иностр. языках. 2014.

международной открытости. Также ее особенностью следует считать этапность, которую Дэн Сяопин охарактеризовал как «переходить реку, нащупывая камни». К особенностям реализуемой модели необходимо отнести неограниченные материальные и человеческие ресурсы КНР. Таким образом, данная модель «социалистической модернизации» сочетает в себе основные положения строительства социализма с китайской спецификой, основные принципы марксизма, традиционные конфуцианские представления о гармоничном обществе «сяокан».

В современных исследованиях по усиливающейся глобальной роли Китая наиболее дискуссионным остается вопрос о соотношении экономической и политической составляющих в реформировании государства. Безусловно, экономическая сфера выступает основой функционирования политической системы. В ходе экономических преобразований актуально создание механизма реализации реформ и сохранения политической власти, для чего необходима строго регламентированная система соответствия со своей философией и логикой развития, со своей идеологией.

Успешность экономических реформ, развитие рыночной экономики и бизнеса не могли не повлиять на развитие современного китайского общества, на развитие политического процесса в КНР¹³⁷. В 2017 году на XIX съезде КПК была объявлена «новая эпоха социализма с китайской спецификой». Процесс модернизации проникает в политическую сферу, начинают формироваться новые тенденции, получают развитие либеральные настроения, ценности либеральной культуры. Мы наблюдаем смену «поколений лидеров» в соответствии с принципами передачи власти, сменяемостью власти, обновлением управленческого аппарата.

В этой связи следует отметить, что еще в 1986 г. ЦК КПК в целях борьбы с «буржуазной либерализацией» и сохранения социалистических основ принял «Постановление относительно руководящего курса в строительстве

---

¹³⁷История Китая; Учебник / Под редакцией А. В. Меликсетова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во МГУ, Изд-во «Высшая школа», 2002. С. 710.

социалистической духовной культуры»⁵⁵¹³⁸. О наличии новых настроений, а по сути – о возникших идеологических разногласиях в партийном подходе руководства свидетельствует факт, что Ху Яобан, Генеральный секретарь ЦК КПК на тот момент, считал, что КПК следует ослабить «политическую диктатуру»¹³⁹, что в дальнейшем привело к его отстранению от должности. В этой связи известна протестная демонстрация на площади Тяньаньмэнь в Пекине в апреле 1989 г.

По мнению китайских исследователей, процесс политической модернизации Китая тесно связан с основанием Нового Китая. После провозглашения Китайской Народной Республики перед КПК стояла важная задача продвижения к «модернизации и национальному процветанию». Коммунисты во главе с Мао Цзэдуном начали исследовать политическую модернизацию, ее сущность, поиск новых перспектив, что доказывает научно-методологический подход к процессу модернизации, его динамичность, дополняемость теоретическими и прикладными концептами. С именем Мао Цзедуна связано первое поколение руководителей – лидеров КНР.

Процесс политической модернизации Китая неотделим от «социалистической модернизации», реализация которой представляет большой научный и практический интерес как с позиции государственного устройства и управления, так и механизмов реформирования политической системы. Китайская исследовательская сторона выражает мнение, что только сочетание национальных особенностей страны и политического руководства КПК могут создать благоприятные политические условия для развития демократического процесса в Китае.

После XIX-го и XX-го Всекитайских съездов КПК в мире происходят серьезные изменения. Современные отношения самого Китая с внешним миром также переживают сильнейшие трансформации. Достигнутое и усиливающееся

---

¹³⁸Постановление ЦК КПК относительно руководящего курса в строительстве социалистической культуры. Пекин, 1986. [Жэньминь жибао, 29.09.1986]

¹³⁹ Коуз Р., Ван Н. Как Китай стал капиталистическим / Пер. с англ. М.: Новое издательство, 2016. С. 145-146.

экономическое лидерство Китая, расширение сферы его политического влияния не устраивают многие современные государства, которые хотели бы сохранить свою роль в мировой политике. Роль и миссия Китая с учетом его нового статуса в глобальном управлении нуждаются в новом позиционировании. В этой связи Центральный комитет КПК во главе с Генеральным секретарем Си Цзиньпином формулируют и выдвигают требования к развитию политической модернизации Китая. Политическая модернизация по курсу КПК предполагает политическую стратегию, которая направлена на социально – экономическое развитие страны и изменение политической системы, но при обязательной гарантии социальной и политической стабильности под руководством КПК. Необходимо отметить, что анализ заявленной проблемы требует учета официальных трактовок данной темы внутри страны. Анализ содержания подобных тезисов в КНР дает возможность оценить формирование каких приоритетных взглядов на политическое развитие Китая распространяет китайская власть среди членов партии и чиновников.

На наш взгляд, для оценки внутривнутриполитических изменений в КНР можно предложить следующую периодизацию этапов политической модернизации:

- *Первый этап* можно охарактеризовать как этап формирования основы политической модернизации. Образование Нового Китая 1 октября 1949 года заложило политическую основу модернизации, открыв путь к новому развитию. 21 сентября 1949 года в Бэйпине (Пекине) открылось первое пленарное заседание Народного политического консультативного совета Китая. На заседании были приняты «Закон об организации Народного политического консультативного совета Китая», «Общая программа Народного политического консультативного совета Китая», «Закон об организации Центрального народного правительства Китайской Народной Республики». Избирается первый Национальный комитет Народного политического консультативного совета Китая, который принимает «Общую программу Народного политического консультативного совета Китая», можно сказать прообраз и временную конституцию Нового Китая. Таким образом, в Китае начинается процесс формирования новой политической системы

в соответствии с выбранной формой политического режима – демократической диктатурой народа. Политический режим демократической диктатуры народа – это одна из форм диктатуры пролетариата, важная форма продвижения демократии в политической жизни Китая. Осуществляется диктатура через КПК. В соответствии с нормами закона народ управляет государственными, хозяйственными и прочими делами.

Многие специалисты по Китаю, анализируя текст «Общей программы Народного политического консультативного совета Китая» 1949г. отмечают ее важный аспект – это понимание важности межнациональных отношений для развития страны и учет данного факта при формировании политической системы: «В регионах, где сосредоточенно проживают этнические меньшинства, должна осуществляться районная национальная автономия. В зависимости от количества населения и размера региона, в котором проживают этнические меньшинства, должны быть созданы различные органы самоуправления»¹⁴⁰. Позднее система национальной районной автономии была включена в Конституцию и стала важнейшим элементом политической системы Китая.

Получила развитие низовая ветвь власти, на основе всеобщих выборов последовательно созывались местные собрания народных представителей. Всекитайское собрание народных представителей 1-го созыва – высший орган государственной власти и высший законодательный орган КНР по Конституции провело свое первое заседание в сентябре 1954 года. Всекитайское собрание народных представителей и местные собрания народных представителей всех уровней избираются демократически и несут ответственность перед народом. Таким образом, была сформирована и стала функционировать система государственной власти КНР, в основе которой представительство народа от всех уровней, что было аналогично съезду народных депутатов СССР. Так, например, Чжоу Эньлай писал: «...новый демократический режим власти является институтом собраний народных представителей демократического централизма,

---

¹⁴⁰ Общая программа Народного политического консультативного совета Китая. 1949. URL: <http://www.jscszx.gov.cn/oafile/noncom/dispatch/message.asp?id=2&page=0> (Дата обращения: 30.10.2023).

который совсем не отличается от старого демократического парламентаризма, но не равно аналогичен с советским строем. Мы – союз каждого революционного класса. Особенность у нас показывается в форме Народного Политического Консультативного Совета Китая. Органы правительства и существующие конгрессы народных представителей разных уровнях, и также будущие собрания народных представителей, все будут показывать эту особенность»¹⁴¹.

В декабре 1954 года Народный политический консультативный совет Китая (НПКСК) 2-го созыва обсудил и принял «Устав Народного политического консультативного совета Китая», внося, таким образом, серьезные изменения в функции НПКСК. По своей сути НПКСК – это не орган государственной власти и не общественная организация граждан, а партийная организация единого фронта (факт создания организации, кстати, был позаимствован Россией). С этого момента «многопартийное сотрудничество» и «политические консультации» под руководством Коммунистической партии Китая постоянно совершенствуются. Коммунистическая партия Китая является правящей партией, а демократические партии КНР – участники политической жизни и политического процесса. Руководство Коммунистической партии Китая является основой гарантии и главным звеном многопартийного сотрудничества. КПК является институциональным фундаментом государственности и идеологической основы КНР. Таким образом, установившийся новый тип партийной системы, как считает известный исследователь восточных политических систем Воскресенский А.Д., позволяет говорить о специфической системе многопартийности КНР с ее национальными особенностями.

Заслуживает отдельной характеристики важнейший элемент политической системы КНР – Народный политический консультативный совет Китая. По мнению многих специалистов-китаеведов, например, Смирнов Д.А., НПКСК следует считать институтом многопартийного демократического сотрудничества, поскольку в его состав также входят представители 8 партий, различных

---

¹⁴¹ Чжоу Эньлай в государственной иерархии КНР и его роль во внешней и внутренней политике страны. URL: <https://e-koncept.ru/2016/56701.htm?ysclid=lideyixi88562900159> (Дата обращения: 30.10.2023).

общественных организаций, зарубежных китайских диаспор, деловых кругов; и одновременно он выполняет функцию политических консультаций под руководством КПК и выступает гарантом демократии в политической жизни Китая, представляет организацию патриотического Единого фронта. Таким образом, основными функциями НПКСК являются политические консультации и демократический контроль, а также непосредственное участие в политической жизни. Политические консультации проводятся с целью предварительного обсуждения и нужной критики по предполагаемым важным решениям в сфере региональной и государственной политики.

Институт Всекитайского собрания народных представителей, система многопартийного сотрудничества и политических консультаций под руководством Коммунистической партии, система национальной районной автономии в совокупности открыли новые возможности для политической модернизации Китая. При характеристике данного периода и вплоть до 1976г., необходимо вспомнить Чжоу Эньлая, с именем которого связаны 37 лет китайской политической истории. Необходимо отметить, что Чжоу Эньлай всегда занимал рационалистическую и прагматическую позицию, в любых расхождениях всегда побеждали национальные интересы, что подтверждается и его мнением по поводу роли во главе КПК Мао Цзэдуна. Он так писал: «...в такой полуфеодальной стране, как Китай, с его преобладающим крестьянским населением и глубоко укоренившимися многовековыми традициями абсолютной власти Сына Неба, такого общенационального лидера, которого бы народ воспринимал как предопределённого Небом»¹⁴².

В китайской политической истории большая роль принадлежит Чжоу Эньлай. Именно с ним связывают разработку теоретического и формирование практического внутреннего и внешнеполитического курса КНР. В 1949 г. на заседании Центрального народного правительства Чжоу Эньлая назначили

---

¹⁴² Клычников Ю.Ю. Чжоу Эньлай в государственной иерархии КНР и его роль во внешней и внутренней политике страны // Научно-методический журнал «Концепт». – 2016. – Т. 33. – С. 53-58. URL: <https://e-koncept.ru/2016/56701.htm?ysclid=lideyixi88562900159> (Дата обращения: 30.10.2023).

премьером Государственного административного совета страны и одновременно министром иностранных дел КНР. Главой правительства он оставался в течение до своей кончины в 1976 г.. К важнейшим вехам его деятельности следует отнести подписание 14 февраля 1950 г. Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи с Советским Союзом, что имело большое значение для обеих стран. Прежде всего для КНР это означало экономическую, научно-техническую, финансовую поддержку и военную помощь. На этапе охлаждения отношений наших стран, когда по указанию Н.С. Хрущева были отозваны советские специалисты, именно Э. Чжоу предпринимал действия по смягчению этой меры. Особого внимания в этой связи заслуживает конференция 18-24 апреля 1955 г. в Бандунге с участием 29 стран Азии и Африки, на которой Чжоу Эньлай озвучил необходимость в разработке концепции мирного сосуществования, которая учитывала бы специфику выстраиваемых отношений между странами Азии и Африки и необходимость решения существующих споров. Заключительное коммюнике содержало расширенные принципы «панча шила», то есть 10 принципов мирного сосуществования и строительства международных отношений. Чжоу Эньлай считают автором разработки «пяти принципов мирного сосуществования, выдвинутых на конференции Китаем, Бирмой и Индией (они положены в индийско-китайское соглашение 1954 г. по Тибету): «1) Взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета. 2) Ненападение. 3) Невмешательство во внутренние дела. 4) Равенство и взаимная выгода. 5) Мирное сосуществование»¹⁴³.

- Следующий, *второй этап* – этап «культурной революции» – этап господства неправовых принципов (с 1954 г.). Он характеризуется проблемами управления в «руководстве» и реализацией неправовых принципов. В 1956 году Китай выдвинул основные принципы и определил политику относительно социалистической демократии и других вопросов, имеющих важное значение для

---

¹⁴³ Заключительное коммюнике конференции стран Азии и Африки. Бандунг, 24 апреля 1955. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/136211-zaklyuchitelnoe-kommyunike-konferentsii-stran-azii-i-afriki-bandung-24-aprelya-1955-goda> (Дата обращения: 30.10.2023).

политической модернизации страны. Однако последующее расширение Движения против правого уклона и 10-летняя «Культурная революция» нанесли ущерб политическому развитию Китая. Система многопартийного сотрудничества была ослаблена, демократия и правовая система не получили развития. Отсутствие механизма преемственности обусловило завершение «культурной революции» и начало нового этапа в развитии КНР.

- *Третий этап* политического реформирования можно назвать этапом новой стратегии под руководством Дэн Сяопина. 3-й пленум ЦК КПК в 1978 г. подтвердил возросший политический авторитет Дэн Сяопина, который возглавил партийное руководство. В следующем, 1979 году Дэн Сяопин заявляет: «Продолжение упорного содействия демократии является непоколебимой целью нашей партии в течение длительного периода времени в будущем». Дэн Сяопин подчеркивал, что вся партия должна «научиться хорошо использовать оружие закона»¹⁴⁴, чтобы демократизация и легализация могли и должны соответствовать существующему закону, а при нарушении закона – должно следовать неотвратимое наказание. Данная формулировка отражает главное содержание стратегии партии.

В июне 1979 года вторая сессия Всекитайского собрания народных представителей 5-го созыва восстановила институт Собрания народных представителей, упорядочила и восстановила системы органов общественной безопасности, а также перестроила судебную систему. Пятая сессия ВСНП 5-го созыва обсудила и приняла пересмотренную «Конституцию Китайской Народной Республики». Таким образом, была восстановлена и получила дальнейшее развитие система многопартийного сотрудничества и политических консультаций под руководством Коммунистической партией Китая, а «второе поколение» руководителей КПК смогло утвердить в стране сменяемость власти, не обусловленную естественными причинами, то есть – контролируемую.

---

¹⁴⁴ Дэн Сяопин. Избранное, том II. Издательство : Издательство литературы на иностранных языках . Пекин. 1995. С.176.

Модернизация политической системы в течении первой половины 1980-х годов включала два вектора: 1) реформирование системы правящей партии на основе Устава партии; 2) реформирование государственной системы на основе Конституции. Оба вектора, адаптированные к национальным особенностям Китая, с практической осуществимостью и гибкостью в регулировании, характеризуют наиболее подходящие модели для китайской специфики. Такие не радикальные, а постепенные=медленные реформы способствовали политическому развитию и модернизации Китая, обеспечивали политическую стабильность страны. Первая Всекитайская партийная конференция в 1985 г. проанализировала и подвела итоги работы за истекший период, выделив главные направления: анализ и понимание ошибок с целью корректировки в нужном направлении; начало реализации всесторонних реформ на основе укрепления законности. Важным аспектом идеологического реформирования выдвигалось так называемое «раскрепощение» сознания на основе «четырех принципов»: социалистический путь развития страны, диктатура пролетариата, руководящая роль КПК, марксизм – ленинизм и маоизм как идеологическая основа процессов.

Таким образом, КНР в этот период активно ищет свой путь развития на основе научного исследования и теоретического обоснования, определяется курс на модернизацию партийной системы и государственного управления в рамках социалистической модернизации.

Следующий, *четвертый этап* можно охарактеризовать как новую ситуацию в политической модернизации. По оценкам исследователей, ситуация после 14-го Всекитайского съезда КПК способствовала дальнейшей политической модернизации, определив ее новый этап. Особенность XIV съезда КПК (1992 г.) во главе с Генеральным секретарем ЦК КПК, Председателем КНР Цзян Цзэмином определяется концептуальной характеристикой социализма не как рыночной системой¹⁴⁵. Дискуссионный аспект о рыночных механизмах в рамках социализма был снят Дэн Сяопином. Утверждалось, что для достижения всеобщего блага

---

¹⁴⁵Zimbalist A., Sherman H. J., Brown S. Comparing Economic Systems: A Political Economic Approach. Harcourt College Pub Publisher, 1988. P.7.

хороши любые инструменты¹⁴⁶. Следует отметить, что именно данный концепт позволил не менять общую идеологию курса страны. Концепция «социализма с китайской спецификой» с 1992 г. превращается в руководящую идею китайской жизни¹⁴⁷.

Далее на XV съезде КПК (сентябрь 1997 г.) происходит укрепление центристов в руководстве КПК, которые выступили инициаторами экономических реформ, но неоднозначно отнеслись к политическим. В решениях съезда подчеркивается роль демократической диктатуры народа, дальнейшее развитие получает концепция построения «социализма с китайской спецификой» наряду с марксизмом-ленинизмом и «идеями Мао Цзэдуна»¹⁴⁸. В этой связи следует привести заявление Цзян Цзэмина, что партия «всегда представляла и представляет коренные интересы самых широких слоев китайского народа» и предложенную им концепцию «тройного представительства»¹⁴⁹, что нашло отражение в партийных документах XVI съезда КПК. Новая руководящая идея заключалась в сочетании представительной функции КПК: «передовых производительных сил Китая (предпринимательство), передовой культуры Китая (интеллигенция); коренные интересы самых широких слоев китайского народа»¹⁵⁰, что на практике предполагало под руководством КПК попытку примирения противоборствующих классов. XVI съезд КПК закрепил руководящую роль КПК для всего китайского народа и китайской нации.

Таким образом, КПК «как правящая партия должна по-настоящему добиваться того, чтобы править в интересах народа, постоянно вести народ по

¹⁴⁶ Коуз Р., Ван Н. Как Китай стал капиталистическим / Пер. с англ. М.: Новое издательство, 2016. С. 179-180.

¹⁴⁷ Чжунго гунчаньдан дишисыцы цюаньго дайбяо дахуэй вэньцзянь хуэйбянь (Сборник документов XIV всекитайского съезда КПК). Синьцзян, 1992; XIV Всекитайский съезд КПК // Китайский информационный интернет-центр. URL: http://russian.china.org.cn/china/archive/shiqida/2007-06/17/content_8950977.htm (Дата обращения: 30.10.2023).

¹⁴⁸ XV Всекитайский съезд КПК // Китайский информационный Интернет-центр [Электронный ресурс]. URL: http://russian.china.org.cn/china/archive/shiqida/2007-06/17/content_8950978.htm (Дата обращения: 28.02.2023); XV Всекитайский съезд КПК // Жэньминьван [Электронный ресурс]. URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64568/index.html> (Дата обращения: 30.10.2023).

¹⁴⁹ Цзян Цзэмин каоча Гуандун шэн шоуци тичу // Китайский информационный Интернет-центр [Электронный ресурс]. URL: <http://www.china.com.cn/chinese/zhuanti/study3presents/353656.htm> (Дата обращения: 30.10.2023).

¹⁵⁰ Хао Лун Функционирование и развитие системы государственной службы в КНР на современном этапе : диссертация ... кандидата политических наук : 23.00.02 Москва 2015; 174 с.

пути к «зажиточной жизни». Поэтому она должна соответствовать духу эпохи и активно реформироваться. Если же продолжать смотреть на мир застывшими глазами и действовать в привычных рамках, то неизбежно окажешься отсеянным эпохой»¹⁵¹.

Оценка результативности этапов позволяет выделить следующие особенности:

1. Социалистическая система получает дальнейшее демократическое развитие.

Во-первых, постоянно совершенствуется институт собрания народных представителей. В 2007 году 17-му Всекитайскому съезду КПК от имени ЦК КПК Ху Цзиньтао представил доклад, отметив его важное значение в период реформ в стране. Выдвигается концепция научного развития. Сохраняется государственное регулирование в развитии социализма. В докладе предложено дальнейшее совершенствование института ВСНП с целью сохранения эффективной руководящей роли народа в стране. Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей является постоянным органом ВСНП и в период между сессиями ВСНП выполняет функцию высшей государственной власти, подконтролен и подотчетен Всекитайскому собранию народных представителей. Укрепляется система Постоянного комитета ВСНП, выдвигаются требования к компетентности и возрастной структуре его членов. Следует отметить укрепление лидерских позиций самого Ху Цзиньтао.

18-ый Всекитайский съезд КПК (2012 г.) в докладе также подтвердил руководство КПК, власть народа и гарантию реализации государственной власти народа через институт Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП), через создание представительных местных бюро связи (СНП) и через механизмы совершенствования системы связи представителей власти с массами,

---

¹⁵¹ Ли Хуэй. XVI Съезд Коммунистической партии Китая и стратегия развития Китая в новом веке // Сайт посольства КНР в РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/dszc/ftml/t69679.htm> (Дата обращения: 30.10.2023).

через развитие системы многопартийного сотрудничества и на основе политических консультаций под руководством Коммунистической партии Китая.

2. Следующей особенностью нужно считать дальнейшее совершенствование системы низового массового самоуправления.

Как уже отмечалось, в Новом Китае постепенно формируется система низового массового самоуправления, в некоторых крупных городах начали образовываться организации самоуправления комитетов городских жителей, на селе подобные комитеты сельских жителей появились несколько позднее, после третьего пленума ЦК КПК 11-го созыва. Съезд представителей рабочих и служащих предприятий также является важной частью создаваемой системы низового демократического самоуправления. Этот элемент и другие звенья системы демократического управления предприятий и учреждений имели большое значение в осуществлении управленческого процесса демократизации, соблюдении и поддержании законных прав и интересов работников, что в целом, содействовало управленческой реформе и развитию самих предприятий и учреждений.

Организации низового массового самоуправления продемонстрировали большую жизнеспособность в Китае и продолжают развиваться. В 2007 году в докладе 17-го Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая низовое управление получило развитие, впервые была предложена концепция надежного и динамичного «механизма низового массового самоуправления», требующего постоянного расширения самоуправления населения на низовом уровне, улучшения демократической системы управления и упорядоченного расширения числа граждан в политическом участии. «Система низового массового самоуправления» была впервые включена в доклад съезда КПК, и официально включена наряду с институтом собрания народных представителей и институтом национальной районной автономии в качестве элемента политической системы со своей спецификой.

В 2012 году 18-ый Всекитайский съезд КПК предложил усовершенствовать демократизацию широких масс, усовершенствовав механизм демократического самоуправления на низовом уровне, сосредоточив внимание на расширении упорядоченного участия, содействии гласности информации, усилении дискуссий, консультаций и надзора за властью, расширение сферы действия и каналов, а также обогащение содержания и форм, чтобы народ смог пользоваться демократическими правами на практике.

3. Укрепление и совершенствование верховенства закона в государственном управлении.

8 февраля 1996 года ЦК Компартии Китая провел лекцию о законодательстве для руководства ЦК, где Цзян Цзэминь впервые выдвинул политику «управления страной согласно законам»: «Укрепление установления социалистического законодательного строительства, управления страной согласно законам являются важной частью теории построения социализма с китайской спецификой Дэн Сяопина и важной политикой нашей партии и нашего правительства по управлению государственными и социальными делами»¹⁵².

В докладе 15-го Всекитайского съезда КПК (1997 г.) четко указано: «Управлять страной в соответствии с законом и создавать социалистическую страну, управляемую законом»¹⁵³. В этой связи выдвигаются основные стратегии и цели управления страной в соответствии с законом, заменяется предыдущая формулировка «построение социалистического правового государства» на «построение социалистической страны, управляемой на основе законов», т.е. четко переносится акцент на «верховенство закона». Данный тезис характеризует начало нового этапа в построении социалистической демократии и правовой системы в КНР, а также ее политической модернизации.

В 2007 году Ху Цзиньтао также в докладе на 17-ом Всекитайском съезде КПК акцентирует внимание, что необходимо «полностью реализовать основную

---

¹⁵² Цзян Цзэминь. Избранное. В 2-х томах, т.1 //Издательство литературы на иностранных языках, Пекин. 2010.

¹⁵³ Научно-исследовательский кабинет документов ЦК КПК. Сборник важных документов после 15-го Всекитайского съезда КПК: первый [М]. Издательство : Жэньминь чубаньшэ, Пекин. 2000. С. 30.

стратегию управления страной в соответствии с законом и ускорить построение социалистической страны, управляемой законом», выдвигает четкие предложения о полном осуществлении базовой стратегии управления страной в соответствии с законом. Доклад демонстрирует достижение КПК нового уровня в развитии социалистической демократии и законодательного строительства¹⁵⁴.

Эта линия продолжена на 18-ом съезде КПК (2012 г.), где в докладе также уделяется большое внимание «верховенству» закона, всенародному соблюдению закона, равенству всех перед законом, необходимости содействия научному подходу к законотворчеству, строгости в отношении правоприменительной практики, справедливости правосудия.

12 ноября 2013 г. третий пленум ЦК КПК 18-го созыва в качестве цели и задач для ее достижения объявил, что «нужно построить Китай как правовое государство, придерживаться принципу верховенства закона, управления и администрирования по закону, а также придерживаться интеграционному построению правового государства, правительства и общества. Углублять судебную реформу, ускорить построение справедливой, эффективной и авторитетной социалистической судебной системы для защиты прав и интересов народа»¹⁵⁵. При этом были созданы два очень важных партийных органа: 1) Центральная руководящая группа по всестороннему углублению реформ (пять направлений реформ); 2) Совет государственной Безопасности – СГБ (для координации действий КПК и государства по минимизации рисков при реформировании и с учетом внешних изменений) специфика этого органа заключается во вмененной ему функции по планированию внутренней и внешней политики наряду с разработкой и осуществлением государственной стратегии безопасности. Данный факт служит доказательством политического реформирования и организационного решения, в то же время продолжена консервативная стратегическая линия политического реформирования.

---

¹⁵⁴ Научно-исследовательский кабинет документов ЦК КПК. Сборник 17-го Всекитайского съезда КПК [М]. Издательство: Жэньминь чубаньшэ, Пекин. 2007. С. 30.

¹⁵⁵ Чжунгун Чжуньян Гуаньюй... Решение ЦК КПК по некоторым вопросам всестороннего углубления реформ. 2013. URL: http://neus.xinhuanet.com/politics/2013-11/15/c_118164235 (Дата обращения: 30.10.2023).

«Решение Центрального комитета Коммунистической партии Китая по нескольким важным вопросам, касающимся всестороннего продвижения верховенства закона», опубликованное 28 октября 2014 года, представляет собой более полную, конкретную и целенаправленную дорожную карту для обеспечения верховенства закона и его практического применения, а также вносит коренные изменения в систему государственного управления.

Таким образом, государственная политика как комплексная система мер направлена на ускорение модернизации страны с учетом национальных традиций и идеологических особенностей.

Политическая модернизация социализма с китайской спецификой в новую эпоху под руководством Генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина представляет собой отдельный этап в современной политической истории Китая, и вероятно, также может иметь периодизацию.

18 октября 2017 года в Пекине состоялся XIX Съезд Коммунистической партии Китая. В докладе КПК выдвинута новая историческая ориентация развития Китая – «социализм с китайской спецификой, вступающий в новую эпоху». Доклад Генерального секретаря Си Цзиньпина о политическом строительстве «социализма с китайской спецификой в новую эпоху» можно считать ответом на глобальные изменения в мире, возникшие впервые за столетие, более глубокие реформы страны, новые реалии экономической жизни, мечты китайского народа о прекрасной жизни. Политическая модернизация Китая в новую эпоху имеет ряд отличительных черт¹⁵⁶:

(1) Содействие прогрессу человеческой политической цивилизации – это общая логика политического строительства социализма с китайской спецификой в новую эпоху. Прежде всего, цивилизованная «красочность» и «взаимообучение» – это силы и законы прогресса мировой цивилизации. Си Цзиньпин предлагает взгляд на мировую цивилизацию, согласно которому «цивилизация красочна благодаря обмену, а обогащается взаимным обучением». Во-первых, мир

---

¹⁵⁶ Доклад Си Цзиньпина на 19-м съезде КПК, 2017 г. <http://ru.china-embassy.org/rus/ztbd/19sjd/t1507487.htm> (Дата обращения: 30.10.2023).

развивается во многих измерениях, а мировая цивилизация «разнообразна и красочна»¹⁵⁷. Различные страны и народы мира совместно создают мировую цивилизацию по образцу «Пусть расцветают все цветы, пусть соперничают все ученые» и совместно содействуют прогрессу человечества. Уникальные цивилизации всех стран и наций являются плодами и неотъемлемыми частями создания мировой цивилизации. Во-вторых, «достигать согласия при наличии разногласий» – это закон появления и развития всех вещей, мы должны уважать различные мировые цивилизации и толерантно относиться к ним. В-третьих, чтобы учиться на достижениях цивилизаций других стран, мы должны иметь свои собственные мнения и позицию, на основе собственных независимых позиций «переваривать и воспринимать то хорошее, что есть у других, и превращать их в наши собственные достоинства, никогда не подражая слепо. В-третьих, «Демократия и права человека – общее стремление человечества», но пути и модели достижения различны. Си Цзиньпин отмечает: «Демократия и права человека – это общее стремление человечества». «Управление на основе законов или управление на основе правителя является основной проблемой в истории политической цивилизации человечества, а также серьезный вопрос, с которым все страны должны столкнуться и решить в процессе модернизации». Но «в мире не существуют совершенно одинаковые политические системы, как и не существует модели политической системы, подходящей всем странам. Политическая система каждой страны уникальна, она определяется народом этой страны и является результатом долгосрочного развития, постепенного улучшения и внутренней эволюции на основе исторической преемственности, культурных традиций, а также экономического и социального развития». Он подчеркивает: «Управление страной и содействие ее модернизации может осуществляться не только по модели западного режима, каждая страна может прийти к этому своим путем»¹⁵⁸.

---

¹⁵⁷ Си Цзиньпин говорит об управлении страной. Издательство литературы на иностранных языках. Пекин. 2014. С. 258.

¹⁵⁸ Си Цзиньпин. Выдержки из заявлений Си Цзиньпина о социалистическом политическом строительстве. Издательство: издательство "Чжунъян вэньсянь чубаньшэ", Пекин. 2017. С. 7-84.

В-четвертых, мы должны «внести вклад, полный китайской мудрости, в прогресс политической цивилизации человечества». Си Цзиньпин отмечает: «Китайская нация создала великолепную китайскую цивилизацию в течение нескольких тысяч лет истории и внесла значительный вклад в прогресс человеческой цивилизации».

Он подчеркивает, что социалистическая политическая система с китайской спецификой является великим творением Коммунистической партии Китая и китайского народа. Необходимо энергично продвигать построение социалистической демократии и верховенства закона с китайской спецификой, в полной мере развивать преимущества и характеристики социалистической демократической политики Китая и «вносить вклад, полный китайской мудрости, в прогресс политической цивилизации человечества»¹⁵⁹.

(2) Реализация китайской мечты и модернизация государственного управления являются ценностной ориентацией строительства «социалистической политики с китайской спецификой в новую эпоху». Во-первых, воплощение в жизнь данного тезиса политической элитой и есть процесс реализации великого возрождения китайской нации и ценностный вектор в осуществлении социалистической политики с китайской спецификой в новую эпоху. Последовавшие изменения в международной и внутренней ситуации после 18-го съезда КПК, дальнейший процесс реформ и открытости, новая историческая позиция социализма с китайской спецификой, – все это явилось основанием для нового политического заявления Си Цзиньпина, он поднимает политическое знамя «Китайской мечты», заявляет: «Китайская мечта» – это политико-идеологическая основа политики реформ и открытости, а также построения социализма с китайской спецификой в новую эпоху. Осуществление китайской мечты требует мощной помощи народной демократии. Си Цзиньпин отмечает: «Народная демократия – это жизнь социализма. Без демократии не было бы

---

¹⁵⁹ Си Цзиньпин. Выдержки из заявлений Си Цзиньпина о социалистическом политическом строительстве. Издательство: издательство "Чжунъян вэньсянь чубаньшэ", Пекин. 2017. С. 7-84.

социализма, не было бы модернизации социализма и не было бы великого возрождения китайской нации»¹⁶⁰.

Во-вторых, после 18-го съезда КПК величайшим нововведением и достижением Си Цзиньпина в строительстве социалистической политики с китайской спецификой является предложение новой стратегии «модернизации национальной системы управления и возможностей управления». Модернизация национальной системы управления, ее цели и функции имеют в своей совокупности четкое направление в построении социалистической политики с китайской спецификой в новую эпоху. Следует отметить, что в истории научного социализма, международного социалистического движения, управления социалистической страной впервые дан научный ответ на вопрос о необходимости политической модернизации: модернизация национальной системы управления и возможностей управления – это «политическая модернизация», включающая совершенствование институциональной системы. Си Цзиньпин отметил, что модернизация национальной системы управления и возможности управления «является необходимой частью реализации социалистической модернизации», «а именно продвижение более зрелой и сформированной социалистической системы с китайской спецификой для развития партии и страны, счастья и благополучия народа, гармонии и стабильности в обществе, обеспечения долговременного порядка и долгосрочной стабильности государства, предоставлении более полной, стабильной и эффективной институциональной системы». «Осуществлять институционализацию, стандартизацию и запрограммированность управления партийными, государственными и социальными делами, постоянно повышать возможность эффективного управления государством с использованием социалистической системы с китайской спецификой».

В феврале 2018 года третий пленум Центрального комитета Коммунистической партии Китая 19-го созыва отметил: «Углубление реформы

---

¹⁶⁰ Си Цзиньпин. Серия важных выступлений генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина. Издательство: Издательство Учеба . Пекин, 2016. С. 163.

партийных и государственных институтов – это радикальное изменение, способствующее модернизации системы государственного управления и возможностей управления»¹⁶¹. Необходимо «построить полную, научную и эффективно функционирующую систему компетенций партийных и государственных институтов, сформировать систему партийного руководства, наблюдающую за общей ситуацией и координирующей все стороны, систему государственного управления с четкими обязанностями и управляющей в соответствии с законом, систему вооруженных сил мирового класса с китайской спецификой и систему групповой работы, служащую массам; под единым руководством Партии способствовать согласованным действиям ВСНП, правительства, НПКСК, контролирующих органов, судебных органов, органов прокуратуры, народных организаций, предприятий и учреждений и общественных организаций для координации действий и всестороннего улучшения способности и уровня управления государством»¹⁶².

(3) Выбор пути политического развития «социализма с китайской спецификой» – это направление политического строительства Китая «в новую эпоху».

Итак, Си Цзиньпин постоянно подчеркивает после 18-го Всекитайского съезда КПК необходимость «неуклонно следовать по пути политического развития социализма с китайской спецификой», укреплять уверенность в себе. Данный вариант политического развития предлагается рассматривать как необходимый и актуальный для социалистической политической модернизации с китайской спецификой. Данный выбор политического развития социализма с китайской спецификой – «это неизбежный результат многолетней борьбы китайского народа согласно исторической, теоретической и практической логике». Си Цзиньпин отмечает: «Ключом к продвижению по пути политического развития социализма с китайской спецификой является целостное объединение

---

¹⁶¹ Сборник третьего пленума Центрального комитета Коммунистической партии Китая 19-го созыва. Издательство: Жэньминь чубаньшэ, Пекин. 2018. С. 4.

¹⁶² Там же, С. 7.

таких принципов, как соблюдение партийного руководства, принципа народа как хозяина страны и верховенства закона, расширение социалистической демократии и развитие социалистической политической цивилизации с целью гарантировать главенствующую роль народа в стране, повысить жизнеспособность партии и государства и задействовать энтузиазм людей»¹⁶³. «Руководство партии является фундаментальной гарантией принципа верховенства законов и народа как хозяина страны. Народ является хозяином страны – это важнейшая черта социалистической демократии, а правление страной по закону – основной способ руководить народом и управлять страной. Три основных способа были объединены в процессе великой практики социалистической демократической политики в Китае». Это доказывает фундаментальную приверженность политическому строительству социализма с китайской спецификой в новую эпоху¹⁶⁴.

(4) Развитие системы управления страной народом, как хозяина страны и главного контролера процессов, есть важное условие демократизации и дальнейшего политического строительства социализма с китайской спецификой в новую эпоху. Поэтому после 18-го съезда КПК Си Цзиньпин придает большое значение вопросам социалистической демократии, он отмечает: «Народная демократия – это знамя, которое Коммунистическая партия Китая всегда высоко держит. Продвигаясь вперед, мы должны неуклонно следовать по пути политического развития социализма с китайской спецификой, продолжать построение социалистической демократической политики и развитие социалистической политической цивилизации»¹⁶⁵. Данное положение фиксирует народ в качестве хозяина страны и как существенное ядро социалистической демократии, а также необходимость улучшать эту систему. По мнению Си Цзиньпина, «Китай – социалистическая страна, находящаяся под

---

¹⁶³ Си Цзиньпин. Си Цзиньпин говорит об управлении страной. Издательство: Издательство литературы на иностранных языках. Пекин. 2014. С. 139.

¹⁶⁴ Доклад Си Цзиньпина на 19-м съезде КПК, 2017. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/ztbd/19sjd/t1507487.htm> (Дата обращения: 30.10.2023).

¹⁶⁵ Си Цзиньпин. Выдержки из заявлений Си Цзиньпина о социалистическом политическом строительстве. Издательство: издательство "Чжунъян вэньсянь чубаньшэ", Пекин. 2017. С. 28.

демократической диктатурой народа, возглавляемой рабочим классом и основанной на союзе рабочих и крестьян. Вся власть в стране принадлежит народу. Социалистическая демократия Китая – это наиболее обширная, настоящая и эффективная демократия по защите основных интересов народа. Развитие социалистической демократической политики направлено на воплощение воли народа, защиту прав и интересов народа, стимулирование творческой активности людей и использование системы для обеспечения того, чтобы народ был хозяином страны»¹⁶⁶.

(5) Приверженность всестороннему руководству партии и строгому внутрипартийному управлению является фундаментальной гарантией политического строительства социализма с китайской спецификой в новую эпоху.

Всестороннее руководство партии и строгое внутрипартийное управление являются основной линией и отличительной чертой правления Си Цзиньпина после 18-го Всекитайского съезда КПК. Приверженность партийному лидерству во всех работах и углубление всестороннего строгого внутрипартийного управления- это не только основные элементы важного изложения Генерального секретаря Си Цзиньпина о построении социалистической политики с китайской спецификой в новую эпоху, но и фундаментальная гарантия политического развития и модернизации социализма с китайской спецификой в новую эпоху.

Си Цзиньпин отмечает: «Общие требования к партийному строительству в новую эпоху таковы: поддерживать и укреплять всестороннее руководство партии, настаивать на строгом внутрипартийном управлении, укрепляя способности партии к долгосрочному управлению, ее прогрессивность и чистоты в качестве главной линии, всесторонне продвигать политическое, идеологическое, организационное, стилевое строительство партии, углублять борьбу с коррупцией и постоянно улучшать качество партийного строительства »¹⁶⁷. В частности, это первый случай, когда политическое строительство партии ставится на первое

---

¹⁶⁶ Доклад Си Цзиньпина на 19-м съезде КПК, 2017. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/ztd/19sjd/t1507487.htm> (Дата обращения: 30.10.2023).

¹⁶⁷ Там же.

место, а партийная дисциплина отделена от системы построения партии, что указывает на то, что Си Цзиньпин еще более углубил понимание основ построения правящей партии.

Для управления партией строго и всесторонне, необходимо развивать ключевое меньшинство руководящих кадров. Создание команды высококвалифицированных кадров, обладающих как высокими моральными, так и деловыми качествами, является высшим приоритетом. Си Цзиньпин подчеркнул, что наша партия всегда придавала большое значение отбору и назначению на должность высокоморальных и профессиональных людей, рассматривала подбор и использование кадров как ключевой и фундаментальный вопрос, связанный с делом партии и народа. С этой целью он выдвигает критерии кадровых стандартов: «твердое убеждение, служение людям, усердие и прагматичность, смелость брать на себя ответственность, честность и неподкупность»¹⁶⁸. Си Цзиньпин также отмечает: «Коррупция является самой большой угрозой для нашей партии. Только всегда с упорством и настойчивостью борясь с коррупцией, углубляя меры как по исправлению причин, так и следствий и обеспечивая честность и неподкупность правительства, ясность политики, мы сможем избежать закон периодичности истории и обеспечить долгосрочную стабильность партии и страны»¹⁶⁹.

Выводы к главе I

Таким образом, проведенное исследование с использованием анализа источников показывает, что политическая модернизация Китая напрямую связана с традициями конфуцианства, национальными особенностями и условиями

---

¹⁶⁸ Си Цзиньпин. Серия важных выступлений генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина. Издательство: Издательство Учеба . Пекин, 2016. С. 109.

¹⁶⁹ Доклад Си Цзиньпина на 19-м съезде КПК, 2017. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/ztd/19sjd/t1507487.htm> (Дата обращения: 30.10.2023).

развития Китая. Это и ценнейший управленческий опыт китайских коммунистов в революциях, строительстве и реформах. Модель политической модернизации КНР не является моделью политической «вестернизации». Китай не следует модели политической модернизации западных стран и (или) не заимствует полностью общую теорию классической политической модернизации марксизма. Китай использует основы марксизма – ленинизма, идеи маоизма, передовую демократическую политическую мысль, но имеет свою собственную характерную политическую систему – Институт собрания народных представителей. Процесс политической модернизации современного Китая учитывает основные национальные условия развития Китая на начальной стадии развития социализма и реальность социалистической рыночной экономики КНР. Созданные две политико-управленческие структуры: Руководящая группа по всестороннему углублению реформ и СГБ находятся в ведении Председателя и Генерального секретаря. Политическая модернизация требует сильной политической власти и сильной политической поддержки, как условие необходима политическая стабильность. Последнее условие гарантируется руководством авторитетного правительства и партии. Следует признать тот факт, что исторические условия для построения социалистической базы демократической политической системы Китая являются успехом новой демократической революции под руководством Коммунистической партии Китая. Руководство КПК является самым фундаментальным фактором в создании демократической политической системы в Китае, а также основной гарантией продвижения социалистической политической системы с китайской спецификой. КПК – это институт единого руководства. Процесс реализации политической модернизации Нового Китая под руководством Коммунистической партии Китая прошел через ряд трудных исследований и неудач, но достиг всемирно известных достижений. Китай создал и совершенствует социалистическую политическую систему и придает большое значение укреплению построения социалистической правовой системы. Соблюдение верховенства законов особенно этому способствует.

После 19-го Всекитайского съезда КПК политическая модернизация Китая, направленная на развитие социализма с китайской спецификой и реализацию китайской мечты, в качестве основных векторов определяет реформирование государственного управления, строгое руководство партией в качестве «двигателя», совершенствование системы для роли народа как хозяина страны, расширение демократии и всеобъемлющее верховенство закона как основы методов управления государством. В целях модернизации социализма с китайской спецификой необходимо усиление роли руководства КПК, которая рассматривается как политико-идеологическая основа и научная система, обеспечивающая политические гарантии, и содействующая прогрессу человеческой политической цивилизации.

Успехи экономических реформ привели к изменению социальной структуры, что требует новых способов и приемов в управлении государством и обществом. Проблемы оптимизации политической модели могут решаться различными методами. Китай демонстрирует институализацию своей системы и альтернативный вариант развития.

Глава II. Политическая элита КНР в условиях трансформаций: основные тенденции и перспективы

2.1. Политическая элита в китайской традиции государственно-административного управления¹⁷⁰

В условиях специфики модернизации КНР важнейшим является вопрос о единстве властной элиты, который особенно актуализируется в момент проведения выборов. Политический сценарий развития Китая на современном этапе связывает несколько векторов: внутривластные ориентации, специфику глобальной политики и отношения с влиятельными акторами мировой политики. Социально-политические особенности китайской модели модернизации, ее идеологическая основа – марксистско-ленинская теория задают направленность реформирования политико-административной системы КНР и госслужбы. Характеризуя темп китайской модернизации можно привести слова Конфуция: «Неважно, с какой скоростью ты движешься к цели. Важно не останавливаться», а суть модернизации – «рынок», управляемый государством в интересах всего общества.

Исследователи модернизации китайского общества дают обычно трехэтапную периодизацию: 1 – й – 1911 – победа Синьхайской революции и провозглашение ранней Китайской Республики; 2 – й – 1949 год – победа

---

¹⁷⁰ В данной главе используются тексты статей автора исследования

национально-демократической революции и создание КНР; 3 – й – 1970 годы – рыночные отношения и политика открытости¹⁷¹.

Реализация выбранной модели модернизации потребовала необходимых реформ в экономической и политической сферах. Административная реформа КНР связана, как уже отмечалось в исследовании, с именем Дэн Сяопина и его курсом «четырех модернизаций». В качестве важнейшей части политической реформы Дэн Сяопина следует считать разделение партийных и административных функций.

Общую направленность реформирования системы государственной службы КНР в процессе модернизации можно охарактеризовать как компромисс старой советской и новой китайской модернизированной системы¹⁷². Рассмотрим далее этот процесс.

Поскольку государственное управление формируется и функционирует на основе принципов и норм административного права, то очевидно насколько важны административные реформы. В истории Китая система управления развивалась, так как менялась внутренняя ситуация и факторы внешнего влияния, была потребность восполнения кадров после «культурной революции». Административные реформы проводились в КНР несколько раз: в 1954, 1958–1959, 1960–1965, 1980-е, 1990-е, 2000-е гг. На каждом историческом этапе развития Китая была необходима оптимизация системы государственного управления. Ранние реформы с их неупорядоченностью, непрозрачностью многих процедур, расширением бюрократии, смешением функций, отсутствием контроля за деятельностью органов власти, ростом коррупции только повышали неэффективность предпринимаемых мер и создавали дополнительные проблемы. Также было необходимо снизить финансовые расходы на содержание административного аппарата. КПК как правящей партии предстояло в интересах

---

¹⁷¹ Хао Лун. Функционирование и развитие системы государственной службы в КНР на современном этапе : диссертация ... кандидата политических наук : 23.00.02 / Хао Лун; Моск. гос. ун-т им. М.В.Ломоносова – Москва, 2015. – 174 с.

¹⁷² Чэнь Ханьчжи. Эволюция административной реформы и повышение эффективности госаппарата: центральный и локальный уровни управления // Вопросы национальных и федеративных отношений. — 2022. — Т. 12, № 4(85). — С. 1465–1471.

государства решать эти проблемы. В противном случае на важном этапе экономических реформ нельзя было надеяться на высокий уровень поддержки населением. Свою положительную роль имело и повышение авторитета и легитимности КПК КНР, которая продолжает играть ведущую роль в политической жизни страны.

Необходимость и потребность административного реформирования объяснялась в программном выступлении Дэн Сяопина «Сокращение учреждений является революцией». Статистически результативность административной реформы 1980-х гг. выразилась в количественном структурном и численном кадровом сокращении, в применении возрастного критерия к определенным должностям. Так, теперь министром мог быть назначен человек только в возрасте до 65 лет, он мог иметь не более 3–5 заместителей. Реформированию подвергся и сам Госсовет, который возглавляет современную административную систему КНР. Сократили количество заместителей премьера с 13 до 2. В результате реформы в Госсовете был создан Президиум, в который вошли по совместительству некоторые министры, руководители комитетов, определенные специалисты. Статус членов президиума соответствовал статусу заместителя премьера. В Госсовете появился рабочий орган – Постоянное бюро Госсовета (ПК Госсовета), в которое входили премьер, его заместители, члены Президиума Госсовета и начальник секретариата. Конституция 1982 г. ограничивала полномочия премьера Госсовета и его заместителей двумя сроками.

Реализация административной реформы на уровне провинций, автономных округов, городов центрального подчинения также сопровождалась численным сокращением административного персонала в партийных и правительственных органах; принятием специального постановления «Об установлении порядка выхода на пенсию пожилых *«ганьбу»*» регулировались возрастные критерии.

Административные, хозяйственные и судебно-юридические функции на местном уровне сосредоточились в «ревкомах», которые после 1979 г. преобразовались в местные народные правительства различных уровней.

Характеризуя значение первой волны административных реформ необходимо отметить, что цели в основном не были достигнуты. Главное значение заключается в отмене системы пожизненного занятия должностей, что, конечно, способствовало формированию нового кадрового потенциала из числа молодых и энергичных руководителей, продвижению экономических реформ и социально-политической стабильности.

Одним из важнейших этапов реформы стало регламентирование деятельности государственных служащих. Были приняты специальные законы, которые ввели четкую градацию госслужащих на административных и профессиональных работников. Первые отбирались партией и утверждались СНП; вторые могли занять соответствующие должности при участии в открытых конкурсах и получении высоких результатов экзаменов. Таким образом, в результате реформы конца 80-х годов было осуществлено разделение партийных и государственных структур, следствием чего явилась возможность сосредоточение административных структур на выполнение хозяйственных функций. На основании «Закона о предприятиях», принятом в 1988г. предприятиям была предоставлена полная свобода и одновременно возложена на них вся полнота ответственности за результаты хозяйственной деятельности. Таким образом, были разделены функции между партией и правительством, а также была предпринята попытка разделения полномочий в принятии решений между Центром и местными властями. Необходимо отметить, что данная реформа была реализована не в полной мере, в связи с геополитическими изменениями.

Однако углубление и дальнейшее развитие административной реформы на основе принципов, сформированных в 1980-х годах, получило дальнейшее развитие в законотворческой деятельности путем их дальнейшей регламентации в 1990-е годы и до настоящего времени. В 2000-е гг. в качестве основной задачи было поставлено неуклонное и постоянное повышение экономического роста КНР путем устранения излишних бюрократических процедур и повышения эффективности работы администраций всех уровней. С 2002 г. по 2010 г. в

соответствии с требованиями ВТО были упразднены более тысячи административных процедур по согласованию инвестиционных проектов в промышленности и сельском хозяйстве и приближении их к международной практике ВТО, если в указанных проектах не участвовало государство. Также с 2010г. иностранным финансовым организациям было предоставлено право открывать свои представительства и филиалы на территории КНР, такое же право было предоставлено иностранным компаниям, осуществляющим свою деятельность в области здравоохранения и страхования, а также создавать совместные предприятия с участием китайских частных компаний. В результате снятия указанных существенно увеличилась экономическая активность предприятий малого и среднего бизнеса. В Китае, провинция Гуандун, Шэньчжэнь был проведен эксперимент внедрения системы электронного слежения и контроля административной деятельности при проведении согласительных процедур. В провинции Юньнань г.Сягуань была введена услуга «Супермаркет правительственных услуг», которая включала в себя практически все услуги, связанные с регистрацией, лицензированием, налогообложением коммерческих компаний. Внедрение такого типа услуг стало мощным стимулом для развития деловой активности частного бизнеса, совершенствования деятельности госаппарата.

Успехи Китая в модернизации экономики в первую очередь связаны с обеспечением устойчивости роли КПК и проводимыми реформами в области кадровой политики. Интеграция КНР в глобальную систему экономических отношений потребовала новых компетенций от руководящих кадров всех уровней.

В качестве основных задач нового этапа административной реформы, начиная с 2012 г., сформировано: снижение расходов на содержание административного аппарата, дальнейшее ликвидация административных барьеров, максимальное содействие развитию малого и среднего бизнеса.

Современный этап реформы госуправления КНР характеризуется процессами, направленными на усиление международной конкурентоспособности Китая и дальнейшее укрепление роли КПК, как ведущей политической силы страны. В связи с этим особое внимание уделяется подготовке и воспитанию новых руководящих партийных кадров.

Специфика работы министерств на современном этапе заключается в том, что они занимаются определением политики на макроуровне, при передаче части отраслевых и подотраслевых полномочий госкорпорациям, используя методы индикативного планирования. При этом особенность китайской модели индикативного планирования и управления сочетает в себе формирование единой системы, соответствующей государственной социально-экономической политике и содержит комплекс мер государства по выполнению поставленных задач.

Таким образом, период 1984-1993 гг. можно считать этапом создания современной системы государственной службы КНР. Именно в этот период активизировалась разработка и корректировка всей законодательной базы системы госслужбы, ее дальнейшая легитимизация, одновременно с усилением борьбы с коррупцией в системе госслужбы. Китайский исследователь системы госслужбы КНР Хао Лун¹⁷³ предлагает разделить данный этап на отдельные периоды: 1-й- 1984-1986 гг., 2-й – 1986 – 1988 гг.; 3-й- 1989-1993 гг. Пожалуй, следует согласиться с логикой данного автора, данный факт подчеркивает значимость создания и реформирования системы госслужбы, необходимость ее соответствия новым критериям, новые требования к профессиональным компетенциям управленцев.

1-й- 1984-1986 гг., на этом этапе при содействии ЦК КПК организуется «Дискуссионная группа о реформе системы кадров», разрабатываются многие проекты по реформированию системы и кадровым требованиям: «Закон о государственных служащих», «Положение (проект) о сотрудниках

---

¹⁷³ Хао Лун. Функционирование и развитие системы государственной службы в КНР на современном этапе : диссертация ... кандидата политических наук : 23.00.02 / Хао Лун; Моск. гос. ун-т им. М.В.Ломоносова – Москва, 2015. – 174 с.

государственных административных организаций» и т. д.; 2-й – 1986 – 1988 гг. – когда 13 съезд КПК и Госсовет определили создание системы государственной службы в качестве основы политического строя, на основе принятых законов и положений получило дальнейшее развитие реформирование системы руководства кадрами; выдвигается «стратегия трех шагов»: создается министерство кадров; государственный административный институт; разрабатывается законодательство, регламентирующее деятельность госслужащих. 3-й- 1989-1993 гг. – на основе идеологии КПК реформируется кадрово-персональная система, анализируется и распространяется практика двух городов – Шэньчжэня и Харбина.

Основой системы современной госслужбы КНР является «Временное положение о государственных служащих»¹⁷⁴ (принято Постоянным бюро Госсовета КНР 24 апреля 1993г.) Анализ текста позволяет отметить полный содержательный аспект данного документа, который регламентирует трудовые отношения всех представленных групп системы госслужбы. Приводятся квалификационные требования, права и обязанности различных категорий должностей, критерии качества оценивания исполнения обязанностей чиновниками и т.д.

Именно этот период и считают основным в формировании современной системы госслужбы, из существовавшей ранее общей категории «кадры» вывели госслужащих и сформировали новую категорию только из должностных лиц в административном аппарате и служащих органов государственного управления всех уровней, исключили обслуживающий их персонал.

Особенности кадровой политики КНР, как позитивный опыт, теперь активно исследуются. Так, исследователь А.В. Копков рассматривает особенности и этапы формирования законодательно-кадровой политики государственных служащих в совокупности с политическими изменениями в КНР¹⁷⁵. Например,

¹⁷⁴ 中华人民共和国国务院第25号 Постановление Государственного совета Китайской Народной Республики № 125 (премьер-министра Ли Пэн). URL: http://govinfo.nlc.gov.cn/lssj/xxgb/ahszfgb/199402/201104/t20110414_705266.html?classid (Дата обращения: 30.10.2023).

¹⁷⁵ Копков А.В. Изменения в кадровой политике КНР в процессе реформ. Диссертация... к.п.н. – М., 2001. – 269с.

китайский исследователь И Лю выступает за четкое разграничение требований к компетенциям и профессионализму, необходимости учета для карьерного роста сочетания моральных качеств и деловых способностей, реальных успехов в работе¹⁷⁶. На практике начинается коллегиальное обсуждение отобранных кандидатур государственных служащих, выдвигается требование получения специального обучения в случае замещения вакантных должностей и повышения в должности, – что в целом ставит кадровую политику КНР в контексте госслужбы на новый уровень. В этой связи необходимо назвать совместную российско-китайскую монографию «Опыт лучших практик государственной службы России и Китая»¹⁷⁷, изданную в 2020г. Исследовательское внимание коллектива авторов сосредоточено на системе госслужбы стран в контексте реализации административных реформ, необходимости правового обеспечения изменений кадровой службы; на совершенствовании механизмов повышения профессионального уровня госслужащих. Также анализируются факторы позитивного влияния взаимодействия органов госуправления РФ и КНР, авторы предлагают новые подходы к анализу законодательства по госслужбе в РФ и КНР.

Вывод. Таким образом, реформирование системы государственной службы и формирование кадрового потенциала остается актуальной задачей КНР и должно отвечать требованиям текущей модернизации страны и в целом, национальным интересам государства. Важность и ценность системы госслужбы, а также требования к ее содержанию зависели от многих исторических обстоятельств: так, политико-административная система периода Мао Цзэдуна позаимствовала советский образец, на этом этапе 10-летней «культурной революции», которую часто рассматривают как уничтожение «старых» партийных кадров, системе госслужбы был нанесен серьезный урон. Этап при Дэн Сяопине можно считать восстановительным, но процессы шли весьма

---

¹⁷⁶ Лю И. Сравнительный анализ кадровой политики в России и КНР (1991-2005 гг.) // Власть. – 2006. – №1. – С. 62.

¹⁷⁷ Опыт лучших практик государственной службы России и Китая. /Совместная монография. Отв. редакторы академик РАН Т.Я. Хабриева, профессор, доктор наук Чжао Шимин. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Пудунская академия подготовки руководящих кадров Китая.-М.:ИД «Юриспруденция», 2020.- 396 с.

непросто. В целях реформирования с конца 1970-х годов были разработаны примерно 26 ее вариантов. Этап открытости и реформ потребовал создания целостной системы госслужбы с учетом традиций конфуцианства, национально-культурной и исторической специфики КНР, с наличием эффективного механизма управления, четким разделением функций и уровневым разграничением компетенций.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что реформирование системы госслужбы и осмысление этого процесса являются важной составляющей политики КНР, и играют важную роль в инструментарии формирования и реализации внутренней и внешней политики. Различные модели реформирования структуры и сущности госслужбы на разных этапах, в том числе и модель противодействия коррупционным преступлениям показывают разные этапы, подходы в реформировании. КНР, как впрочем и любое государство, рассматривает реформирование госслужбы как один из элементов комплексной системы государства, направленной на эффективное решение задач государственной политики.

2.2. Современные тенденции в формировании китайской политической элиты: механизмы рекрутирования, особенности структуры, институционализация

События конца XX и начала XXI веков изменили многие государства в контексте управления, то есть изменились само содержательное наполнение термина государственная служба, структура ее системы, образовательные и профессиональные требования. Развитие рыночных экономических отношений, вектор на демократизацию, мировой финансовый кризис, пандемия, условия современной глобализации – все это способствовало развитию и реформированию системы. Данные факторы формируют некоторые особенности в институализации механизма обеспечения ротации и преемственности высшего политического руководства КНР в современных политических условиях. Экономическая модернизация страны, реализуемая инновационная политика требуют изменений в управленческих механизмах.

Элита и общество на разных этапах модернизации сохраняют свое значение важнейших акторов политического процесса системы КНР. Вопрос сохранения власти как гаранта реализации заданного вектора развития Китая сохраняет свою актуальность, что с учетом специфики китайской трансформации, политической культуры и традиций имеет архиважное значение для политического развития КНР. Сегодня можно констатировать эффективное функционирование политической системы и поддержку власти населением. За прошедшие десятилетия медленной модернизации создана и функционирует рыночная экономика, политическая система государства – это «социализм с китайской

спецификой», сохраняется руководящая роль КПК. Акцентируя внимание на современном этапе, то есть после 2012 года, мы отмечаем научную заинтересованность и внимание мирового сообщества к положительному опыту КНР в ее экономическом и политическом развитии. Можно выделить теоретический и прикладной уровни политического анализа, возрастающий исследовательский интерес к современному инструментарию формирования политического курса, в том числе внешнеполитического в условиях меняющегося миропорядка.

Особенности структуры политической власти Китая

Коммунистическая партия Китая – единственная правящая партия в Китае. По сведениям Организационного отдела ЦК КПК на 05 июня 2021г.в партии насчитывается 95,148 миллионов членов, которые ведут за собой народ, состоящий из 1,4 миллиарда человек, и Вооруженные Силы, состоящие из более 2 миллионов человек. Поэтому Коммунистическая партия Китая – это самая многочисленная политическая партия в мире¹⁷⁸.

Внутренняя система Коммунистической партии Китая в значительной степени отражает политическую систему современного Китая, а также является важной частью современной китайской власти. С 1954 года появилась «двухколейная» структура власти:

- Существуют одновременно два центра власти: правящая партия и Всекитайское собрание народных представителей, предусмотренное Конституцией;

- Существуют одновременно две системы власти – партия и государство.

В 2002г. 16-й Всекитайский съезд КПК выдвинул принцип «создания полного контроля над ситуацией и координации всех направлений»:

- Принцип «создания полного контроля над ситуацией» означает сосредоточение партии на важных вопросах направляемого, глобального и стратегического характера;

---

¹⁷⁸ Статистический бюллетень Коммунистической партии Китая за 2021 год. URL: <http://www.12371.cn/2020/06/30/ARTI1593514894217396.shtml> (Дата обращения: 30.10.2023).

- Принцип «координации всех направлений» координацию партии по вопросам отношений партийных организаций с ВСНП, правительством и НПКСК; координирует интересы всех этнических групп, населенных пунктов, фракций, социальных слоев и профессий на всей территории страны¹⁷⁹.

19-ый Всекитайский съезд КПК (2017г.) выдвинул важный политический принцип «Партия ведет всех», а также указал: «Руководство Коммунистической партии Китая является существенной чертой социализма с китайской спецификой и величайшим преимуществом социалистической системы с китайской спецификой». Партия, правительство, военные, гражданские и образовательные дела, восток, запад, север, юг и центр страны – всё находится под руководством партии.

Съезд согласился вписать этот важный политический принцип в устав партии, поскольку он способствует повышению ответственности партии, достижению идеологического и политического единства и гарантирует полный контроль со стороны партии и ее координацию действий всех сторон для формирования политических гарантий при выполнении работы¹⁸⁰.

Структура власти КПК:

- Коммунистическая партия Китая – единственная правящая партия в Китае.
- Высшим руководящим органом Коммунистической партии Китая является Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая.
- Вертикальная структура власти КПК КНР имеет три уровня:
  - Центральные руководящие органы
  - Местные руководящие органы всех уровней
  - Низовые организации

¹⁷⁹ Устав Коммунистической партии Китая. URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64569/65444/4429114.html> (Дата обращения: 30.10.2023).

¹⁸⁰ Постановление XIX Всекитайского съезда КПК об «Уставе Коммунистической партии Китая (поправка)» <http://cpc.people.com.cn/19th/n1/2017/1025/c414305-29606870.html>

Рис. 1. Центральные руководящие органы КПК

中国共产党章程（中国共产党第二十次全国代表大会部分修改，2022年10月22日通过）¹⁸¹

Согласно ст.58 Конституции Всеитайское собрание народных представителей является высшим органом власти в КНР, между съездами руководит работой Постоянный комитет Всеитайского собрания – постоянно действующий орган, Государственный совет Китайской Народной Республики, то есть Центральное народное правительство, является исполнительным органом высшего органа государственной власти и высшим административным органом государства. Местные органы государственной власти представлены местными собраниями народных представителей. Таким образом, структура власти в Китае, закрепленная в Конституции, выглядит следующим образом:

¹⁸¹ Составлен автором на основании Устава Коммунистической Партии Китая (Утвержден с частичными поправками XX Всеитайским съездом КПК 22 октября 2022 года). 中国共产党章程（中国共产党第二十次全国代表大会部分修改，2022年10月22日通过）URL: <https://www.12371.cn/special/zggcdzc/zggcdzcqw/> (Дата обращения: 30.10.2023).

Рис. 2. Структура власти в КНР по Конституции КНР (в редакции 2018 г.)

中华人民共和国宪法 (2018 年修订版) ¹⁸²

В действительности отношения руководства между правящей партией и законодательным органом страны достигаются посредством перекрестного назначения лидеров на должности. Фактическая структура власти выглядит следующим образом:

¹⁸² Конституция КНР (в редакции 2018 г.) 中华人民共和国宪法 (2018 年修订版) URL: https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian/ (Дата обращения: 30.10.2023).

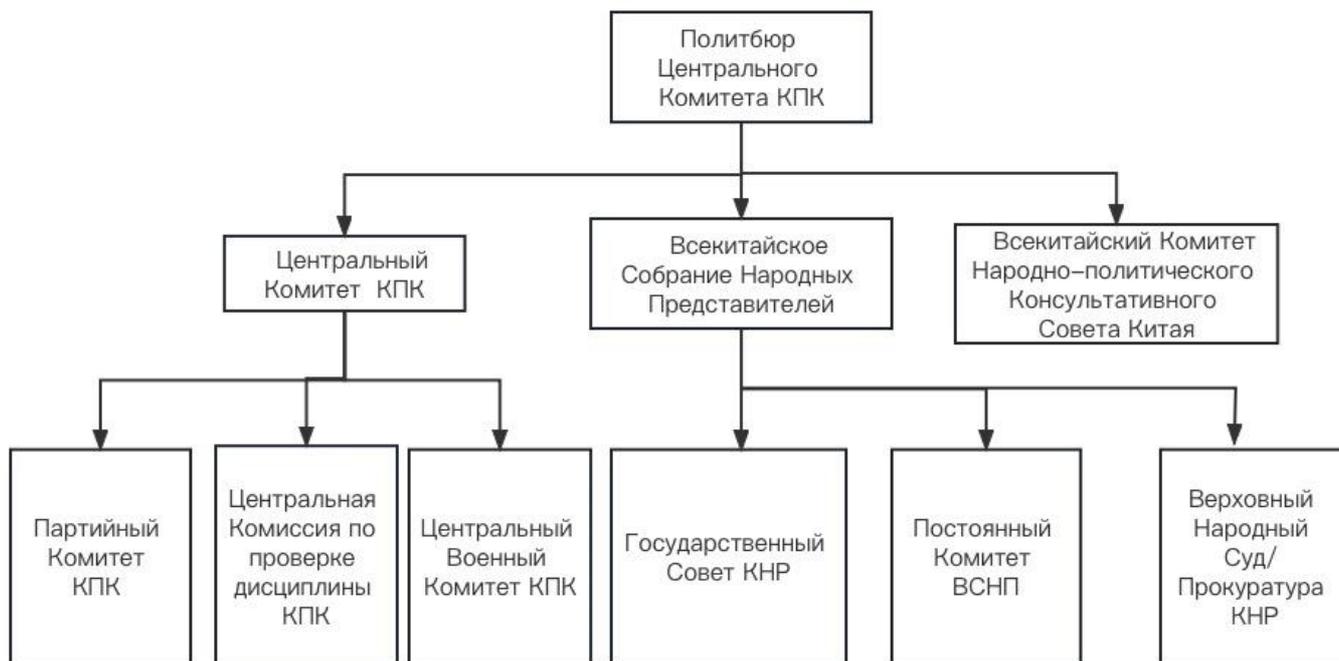

Рис. 3. Структура политической элиты КНР.

Большие достижения Китая после реформ и открытости показывают, что в сравнении с другими развивающимися странами и регионами политическая элита Китая имеет уникальные преимущества в продвижении модернизации. При правильном использовании своих особенностей она сможет придать мощный импульс процессу модернизации. В качестве преимущественных особенностей исследователи называют: прагматичный дух, сильная способность размышлять и исправлять ошибки в критические периоды, традиционная важность обучения, мощная способность мобилизовать общество, абсолютное лидерство партии над вооруженными силами. Политическая элита может использовать эти преимущества при необходимых условиях: принятие социальной справедливости в качестве основы, следование законам модернизации и регулирование публичной власти. Соответствующий потенциал и достижения в сфере инноваций свидетельствуют о перспективности китайской модели и стабильном развитии КНР.

Китайская сторона придерживается мнения, что только культурно-национальные особенности и руководство КПК могут создать благоприятные политические условия для развития демократического процесса в Китае.

Безусловно, на внутривнутриполитическое развитие оказывают влияние и внешние факторы, внешняя среда в целом. После 19-го Всекитайского съезда КПК в мире произошли серьезные изменения. Современные отношения Китая с внешним миром переживают этап трансформации. Роль и миссия Китая в глобальном управлении нуждаются в новом позиционировании. В этой связи Центральный комитет КПК во главе с Генеральным секретарем Си Цзиньпином формулируют и выдвигают требования к развитию политической модернизации Китая. Под политической модернизацией понимается политическая стратегия, направленная на социально-экономическое развитие и изменение политической системы при гарантии социальной и политической стабильности под руководством КПК. Следует отметить необходимость учета при рассмотрении заявленной проблемы официальной трактовки данной темы внутри страны. Содержание пропагандистских тезисов в КНР дает возможность оценить формирование каких взглядов на политическое развитие Китая утверждает китайская власть среди членов партии и чиновников.

В «новую эпоху» политическая модернизация социализма с китайской спецификой под руководством Генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина представляет собой отдельный этап в политической истории Китая. Как уже указывалось, в докладе 19-го съезда КПК выдвинута «новая историческая ориентация развития Китая – социализм с китайской спецификой, вступающий в новую эпоху». Концепция является ответом на глобальные изменения в мире, новые реалии социально – экономического развития КНР. Политическая модернизация Китая в новую эпоху имеет несколько отличительных черт¹⁸³, которые были рассмотрены в третьем параграфе первой главы нашего исследования.

---

¹⁸³ Доклад Си Цзиньпина на 19-м съезде КПК, 2017. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/ztd/19sjd/t1507487.htm> (Дата обращения: 30.10.2023).

Руководство партии видит в партийном лидерстве, во всестороннем внутрипартийном управлении основу политики построения социализма с китайской спецификой в новую эпоху и гарантию стабильного политического развития и модернизации социализма в новую эпоху. В этой связи выдвигается приоритетная задача по отбору и подготовке руководящих кадров; выдвижению и назначению на должность высокоморальных и профессиональных людей. Си Цзиньпин выдвигает критерии кадровых стандартов: «твердое убеждение, служение людям, усердие и прагматичность, смелость брать на себя ответственность, честность и неподкупность»¹⁸⁴.

Результативность экономических реформ в стране и глубочайшие изменения на международной арене, способствуют социальным и структурным изменениям, требуют определенных мер в управлении государством. Проблемы оптимизации политической модели могут решаться различными методами. Китай демонстрирует институализацию своей системы и альтернативный вариант.

В определении классических концепций теории элит часто ссылаются на политические элиты, которые занимаются непосредственно политической деятельностью или тесно связаны с политической деятельностью и политической властью. В Китае, как уже отмечалось, понятие политическая элита заменено концепцией «руководящих кадров партии и правительства». В дополнение к руководящим кадрам, работающим в партийных комитетах и правительственных системах, в него также входят руководители и высокопоставленные интеллектуалы или научно-технический персонал в государственных секторах, таких как государственные предприятия, университеты, исследовательские институты, системы общественной безопасности, международные организации и отраслевые ассоциации. Таким образом, субъекты являются лицами, которые имеют определенный социальный статус и принимают на себя определенную руководящую роль в государственном секторе.

Отбор китайской политической элиты проводят по двум параллельным

---

¹⁸⁴ Си Цзиньпин. Серия важных выступлений Генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина. Издательство: Издательство Учеба. – Пекин, 2016. С. 109.

линиям: лояльность и мудрость. В политической среде Китая под руководством Коммунистической партии Китая лояльность к партии и уровень профессиональной компетентности становятся двумя наиболее важными критериями, влияющими на выбор элит. В эмпирических исследованиях ученые часто используют «членство в партии» и «уровень образования» как параметр этих критериев.

Механизм «назначать на должности только по лояльности» занимал доминирующее положение отбора советских социалистических стран и китайских элит до 1970-х годов. Но экономические и социальные изменения потребовали управленческих и технических компетенций и, таким образом, дали преимущество показателям профессиональных технических возможностей, что сопровождалось масштабной трансформацией и ротацией элит. Группа молодых технических элит постепенно переходит в высшие эшелоны общества со своими интеллектуальными и профессиональными преимуществами. Со времени образования Нового Китая требования лидеров КПК и государства к политическим элитам постоянно менялись. Мао Цзэдун подчеркивал политическую лояльность политических элит. Дэн Сяопин выдвинул принцип «четырех модернизаций» политических элит : кадры должны стать более революционными, более образованными, профессиональными, более компетентным отрядом, а также подчеркнул возрастной фактор и указал на необходимость омоложения. Цзян Цзэминь и Ху Цзиньтао на основе принципа Дэн Сяопина дополнительно подчеркнули важность образования в продвижении политических элит. Си Цзиньпин считает сочетание высокой нравственности и таланта стандартом отбора кадров в новую эпоху.

Ротация политической элиты элит и сменяемость власти существенно влияют на реформу кадровой системы, реформу политической системы и долгосрочную стабильность в стране. Вступление Китая в эпоху реформ, в сочетании с профессиональными знаниями и компетенциями руководящих кадров создало особые преимущества для индивидуального карьерного роста.

Произошла сменяемость тезиса «назначать на должности только по лояльности» на – «назначать на должности не только по лояльности, а по мудрости».

В качестве примера можно привести данные China Economic Net 2016 года¹⁸⁵, где представлен анализ содержания резюме 384 действующих членов Постоянных комитетов СНП из 31 провинции, муниципалитетов и автономных районов КНР. На основе данных можно сделать следующие выводы о факторах влияния на рост политической элиты.

Во-первых, политическая элита демонстрирует тенденцию омоложения. В состав постоянного комитета провинций входят представители политической элиты в возрасте от 51 до 60 лет. Возрастной стандарт является важной частью институционализации руководящих партийных и правительственных кадров в Китае, а также фактом упорядочения системы. Выдвинутый принцип «четырёх модернизаций» политических элит также способствует процессу реформ и открытости, кадровому омоложению и процессу систематизации. Молодой политической элите отводится активная и новационная роль в процессе продвижения реформ, в процессе сменяемости элит, то есть ей отводится важная роль, поскольку она напрямую влияет на рост влияния политической элиты. Это подтверждает и решение 4-го пленума ЦК КПК 14-го созыва по основным вопросам укрепления и совершенствования партийного строительства в новой ситуации: «Активизировать подготовку и отбор выдающихся молодых кадров, сосредоточиться на укреплении партийного духа и практики молодых кадров, твердо понять создание резервных кадров и рационально использовать кадры всех возрастов»¹⁸⁶. Также повышается авторитет образовательного и научного потенциала политической элиты: имеющие степень магистра или выше, особенно престижного университета, получают преимущества в продвижении по службе. Наблюдается смена модели политической элиты Китая, основанной на

¹⁸⁵ Список высших руководителей партийных комитетов, постоянных комитетов СНП, правительств и комитетов НПКСК в 31 провинции и муниципалитете (резюме) 31个省区党委人大常委会政府领导班子名单简历 URL: http://district.ce.cn/zt/rwk/rw/rspd/201302/17/t20130217_766061.shtml?ivk_sa=1025883i (Дата обращения: 30.10.2023), China Economic Net.

¹⁸⁶ 4 Пленум ЦК КПК 14 созыва URL: <https://www.12371.cn/special/lcddh/> (Дата обращения: 30.10.2023)

революционном опыте, на модель в основе которой главный критерий – профессиональные знания.

Важным фактором в карьерном продвижении остается обучение в Центральной партийной школе. То есть партийные школы являются важнейшим звеном в продвижении политических элит, именно данное партийное образование, полученное в специальных партийных образовательных учреждениях, формирует политическую надежность. Образовательный капитал в сочетании с политической надежностью является ключевым фактором роста и качественной характеристикой политической элиты Китая.

В определенной степени политическое, экономическое и социальное развитие страны с момента основания Нового Китая пошло по пути элитарности. Политическая элита в качестве основы элитной группы способствовала процессу политического развития. Исторический процесс перехода Коммунистической партии Китая от революционной к правящей партии также представляет собой исторический процесс непрерывной смены политической элиты. В усложняющихся условиях разнообразной внутренней и внешней среды КПК КНР принимала правильные политические и кадровые решения: своевременно адаптировала стандарты подготовки, отбора и назначения политических элит для повышения качества кадровой системы, повышения способности правящей партии ориентироваться в сложных внутренних и внешних условиях и готовности к риску. Как уже отмечалось, социально-экономическое и политическое развитие страны определили четыре масштабных изменения в современной китайской политической элите. После периода «культурной революции» экономика и общество оказались на грани краха и кризиса, поэтому Дэн Сяопин выдвигает государственную стратегию «реформа и открытость», политический курс из «классовой борьбы» в «экономическое строительство в центре». Однако, политическая элита, сформированная после войны и революции, не обладала должными характеристиками и компетенциями для осуществления практик «реформ и открытости», реализация задач национального развития, экономики,

вопросов социального управления. Стала очевидной необходимость нового типа политической элиты, обладающей профессиональными знаниями, технологиями, практическими лидерскими качествами. Выдвинутый Дэн Сяопином принцип «четырех модернизаций» политических элит : контингент кадров должен стать более революционным, более образованным, профессиональным, более компетентным и моложе по возрасту, упразднив пожизненную систему руководящих кадров и внедрив систему срока службы¹⁸⁷, позволил заместить революционную элиту. Менее чем за десять лет подавляющее большинство пролетарских революционеров, которые внесли свой вклад в развитие страны, но оказались не в состоянии приспособиться к новым условиям, а также те политические элиты, которые вышли из истории, были замены большим числом молодых и средних людей, обладающих знаниями и технологиями¹⁸⁸.

Вторая смена политических элит происходила в начале 1990-х годов, с XIV Всекитайского съезда КПК 1992 г. XIV-ый съезд принял документ «Центральный Комитет Семнадцатого Центрального Комитета по основным вопросам укрепления и совершенствования партийного строительства в новой ситуации»¹⁸⁹, когда начался новый период модернизации Китая. В документе подчеркивается: «Активизировать подготовку и отбор выдающихся молодых кадров, сосредоточиться на укреплении партийного духа и практики молодых кадров, твердо понять создание резервных кадров и рационально использовать кадры всех возрастов»¹⁹⁰. Передача власти в процессе второй смены все еще основывается на рассмотрении преемника лидера, что является переходным периодом от политики персонифицированного сильного человека к институциональной власти. В процессе дальнейшего продвижения реформ и открытости XIV съезд КПК выдвинул

¹⁸⁷ «О некоторых исторических вопросах со времен образования Китайской Народной Республики», 1982 г. URL: <https://courses.edx.org/asset-v1:TsinghuaX+10610224x+1T2016+type@asset+block/关于建国以来党的若干历史问题的决议.pdf> (Дата обращения: 30.10.2023).

¹⁸⁸ Ху Аньган, Ван Шаогуан, Чжоу Цзяньминь. Вторая трансформация: Строительство национальной политики, 2003. С. 217.

¹⁸⁹ Центральный Комитет Семнадцатого Центрального Комитета по основным вопросам укрепления и совершенствования партийного строительства в новой ситуации, отчёт XIV Всекитайского Съезда КПК, 1992.

¹⁹⁰ Там же.

реформу экономической системы и создание социалистической рыночной экономической системы. В целях формирования руководящей идеологии социалистической рыночной экономики была также проведена соответствующая реформа системы отбора кадров и проведен новый раунд замещения элиты. Замена продолжает придерживаться принципа «четырех модернизаций» при отборе кадров, а кадры среднего и молодого возраста также занимают доминирующее положение. Уточнена необходимость больше внимания уделять назначению специалистам по экономическим вопросам, обладающим экономическими и технологическими преимуществами, способностью управлять экономикой, рынком, внешней торговлей и финансами.

Третья смена политической элиты происходила в начале 2000-х годов. В 2002 году состоялся XVI Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая (КПК), тогда впервые политические лидеры на высшем уровне – ЦК осознали институционализированную коллективную передачу власти, была проведена третья замена политической элиты.

В это время реформа и открытость достигли успехов, достижения в области экономического строительства также были значительными. Однако все более заметными становятся такие проблемы как ухудшение состояния окружающей среды, перерасход государственных средств, чрезмерная эксплуатация ресурсов, дисбаланс регионального экономического развития и острые социальные противоречия. Экономическое развитие по-прежнему рассматривается как первоочередная задача страны, но одновременно необходимо учитывать весь комплекс проблем, возникающих в процессе развития страны. В этом контексте начинается новый раунд замены политической элиты, который требует, чтобы политическая элита обладала видением научного развития и могла быстро адаптироваться к требованиям построения гармоничного социалистического общества. Политическая элита должна продолжать придерживаться принципа «четырех модернизаций» ведущих кадров, тем более она должна обладать способностью к всестороннему управлению и сознанию государственной службы,

и основной тенденцией является замена политической элиты чиновниками государственного управления с разумной возрастной структурой и богатой структурой знаний¹⁹¹.

Четвертая смена начинается после того как Китай вступил в новую эпоху социализма в 2017 году. Об историческом этапе в развитии китайской государственной идеологии рассказал Генсек ЦК КПК Си Цзиньпин на XIX Всекитайском Съезде КПК в октябре 2017 года. «Партия должна объединить все национальности китайского народа, повести их к завершению построения общества средней зажиточности и одержать великую победу при вступлении в новую эру социализма с китайской спецификой»¹⁹² – такова повестка дня и курс на будущее.

В отчете XIX Всекитайского съезда КПК рассматриваются и подтверждаются достижения партией в управлении и процессе постоянной борьбы с коррупцией. Особенно отмечены подходы существования истинного политического облика, характеризующегося чертами честности и неподкупности: комплексный механизм проверки, полный механизм отчетности и продвижение антикоррупционного национального законодательства. Честность и неподкупность становятся важными стандартами при отборе кадров, то есть критерии для отбора дополняются новыми требованиями. Более того в отчете XIX съезда отмечается, что партийные кадры являются основой партии и государства, то есть необходимо поставить политическое строительство КПК на первое место, что означает политическую направленность кадровой работы; предлагается сосредоточиться на создании качественной профессиональной кадровой команды. Впервые в партийном отчете указано, «высокое качество» и «специализация» в качестве общей цели подготовки кадрового резерва¹⁹³.

---

¹⁹¹ Всестороннее строительство среднезажиточного общества и создать новую обстановку для дела социализма с китайской спецификой, отчет XVI Всекитайского Съезда КПК, 2002.

¹⁹² Добиться решающей победы в полном построении среднезажиточного общества, одержать великую победу социализма с китайской спецификой в новую эпоху, отчет XIX Всекитайского Съезда КПК, 2017.

¹⁹³ Там же.

Таким образом, трансформация китайских политических элит является составной частью общего политического процесса и частью политической системы КНР. Общее руководство политической реформой осуществляет КПК КНР. Развитие китайской экономики меняет социальную структуру общества, определяет необходимость формирования новых управленческих подходов. Необходимо модернизировать управленческие способности страны путем институциональных изменений и новых компетенций политических элит. Данные задачи являются основой текущей реформы политической системы в Китае.

Современная китайская внешняя политика определяется множеством факторов, в том числе уровнем социально-экономического, политического развития, влияют исторические традиции, цели и задачи государства, национальный интерес. Китайская модель модернизации определяет механизмы формирования современной политической элиты.

Проведенный статистический анализ социальных характеристик, биографий и карьерных стратегий руководителей внешнеполитического ведомства КНР позволяет выявить основные тенденции социальной динамики данной группы по основным социально-демографическим параметрам, образованию, а также параметрам политической социализации и профессиональной подготовки.

Механизмы формирования политической элиты и проблемы ее профессиональных компетенций превращаются в важный аспект внутренней политики КНР и китайской модели политической модернизации.

Следует признать наличие в Китае проблем и ошибок в профессиональной подготовке нынешней политической элиты. Полученный диплом означает овладение профессиональными компетенциями, но лояльность и неподкупность при отборе выше профессиональных компетенций и других характеристик.

Модернизация государственного управления изменяла требования к профессионализации политических элит, они становились все выше и выше, а также менялись требования к дипломам, что в определенной степени приводит к дисбалансу между профессиональными знаниями и профессиональными

способностями кадров. Ведь диплом о высшем образовании не всегда означает высокий профессионализм. Однако требование высшего образования, пренебрежение профессиональными способностями и опытом работы привели к новому недоразумению. На самом деле, диплом – это основа специализации, он предоставляет возможность овладения теорией и практическими знаниями, что не равно сформированным профессиональным способностям. Профессиональная компетентность также требует практики и опыта на определенных должностях.

Уровень профессиональных званий в Китае обычно делится на четыре уровня: служебное звание низшего ранга, среднее служебное звание, второстепенное профессорство и высшее учёное звание.

Отбор выдающихся талантов из высших учёных званий на руководящие должности является важным каналом профессионализации руководящих кадров КНР. Хотя профессиональные звания или звания эксперта представляют уровень профессиональной компетенции, появились ошибки, что профессиональное звание совсем означает профессиональные компетенции. На самом деле, большинство руководящих кадров все еще нуждаются в обучении внутри организации, начиная с ее низового уровня, постоянно повышая свой профессионализм.

Начиная с 2012 года ЦК партии во главе с товарищем Си Цзиньпином системно осуществляет политику постоянной борьбы с коррупцией. Среди механизмов реализации следует выделить: комплексный механизм проверки, полный механизм отчетности и продвижение антикоррупционного национального законодательства. Честность и неподкупность становятся важными стандартами при отборе кадров. Но все же еще есть небольшое количество членов партии и кадров, которые действуют в личных целях, провозглашая при этом лояльные политические лозунги. Такая ложная преданность препятствует профессиональному росту современной политической элиты¹⁹⁴.

---

¹⁹⁴ Чжэнь Ваньцзюнь. Ошибки и ответные меры в профессиональном построении руководящих кадров в новую эпоху КНР. URL: <http://www.ldkxzs.com/index/mag-article/4394> (Дата обращения: 30.10.2023).

Необходимо сказать, что практически все исследователи отмечают, что система подбора и выдвижения высшего политического руководства в период создания КНР и на ранних этапах отличалась непрозрачностью. В этой связи сразу необходимо отметить отсутствие необходимого правового обеспечения и других регламентирующих документов по кадровой политике и процедуре выдвижения партийных функционеров на высшие партийные должности. Приход к власти Дэн Сяопина (1978 г.) и этап реформ обусловили реформирование партийно-политической системы. Был выработан механизм назначений и циркуляции кандидатур для высшего политического эшелона страны, который основывался на профессиональных и деловых качествах будущих лидеров; определены основы формирования и формы управления правящей элиты, что нашло отражение в партийных и государственных документах.

Структура элиты КНР и отдельно политической элиты

Наиболее влиятельным социальным классом в системе социальной стратификации является элита. Элитная группа в современном китайском обществе состоит из трех частей: экономической элиты, политической элиты и интеллектуальной элиты. После реформ и открытости три элитные группы добились синхронного развития, что изменило прежнюю ситуацию. Сформировались ведущие силы во всех важных областях модернизации, а структура распределения социальных сил, необходимых для модернизации, становится все более нормализованной и сбалансированной.

Элитная группа КНР примерно можно представить так: группа экономической элиты включает владельцев и высший управленческий персонал крупных и средних частных предприятий, высший управленческий персонал крупных и средних государственных предприятий, а также высший управленческий персонал некоторых групп, тесно связанных с рыночной экономикой. В группу политической элиты входят государственные служащие среднего и старшего звена в партийных, правительственных и военных ведомствах, а также сотрудники среднего и старшего звена некоторых

квазигосударственных организаций и социальных институтов. В группу интеллектуальной элиты входят профессора, исследователи и старшие инженеры¹⁹⁵.

В определении классических концепций политических элит чаще рассматриваются политические элиты, которые занимаются политической деятельностью или тесно связаны с политической деятельностью и политической властью. Субъектами политических элит являются лица, которые работают и принимают на себя определенную руководящую роль в государственном и политическом секторе.

Изучение процесса развития системы государственных служащих имеет большое значение для понимания трансформации китайских элит. Система найма остается наиболее важным каналом в подготовке китайской политической элиты. Использованный метод политического анализа при изучении нормативно-правовой базы госслужбы КНР, позволяет нам выделить структурные звенья, основные направления реформы, механизмы найма и особенности институализации.

Анализ реформирования системы государственной службы в КНР, показывает, что как и многие другие процессы в модернизации Китая, она по – прежнему сохраняет сочетание старой советской и новой модернизированной системы.

Необходимо отметить, что Китай продолжает сохранять высокий уровень развития, несмотря на некоторое замедление. Также необходимо отметить диспропорцию, неравномерность развития при реализации реформ. Отмечается разница в развитии прибрежной и внутриконтинентальной частей страны. Модернизация выявляет многие управленческие проблемы разных уровней власти и компетенций. Современный Китай остается государством, где власть всех уровней формируется партийными органами. Мы ранее уже рассматривали некоторые исследования особенностей кадровой политики госслужбы КНР.

---

¹⁹⁵ У Минь. Эволюция и проблемы элитных групп Китая после реформ и открытости, журнал философии и политологии Китая, № 3, С. 306.

Следует в этой связи назвать имена отечественных и китайских исследователей: В.Г. Гельбраса, Л.М. Гудошникова, А.А. Демина, В.Л. Иноземцева, А.В. Копкова и др., Цзян Мин'ань Жэнь Гун, Ши Цинхуань, Чжан Биньбинь, Хао Луна, которые изучают различные аспекты и этапы реформирования китайской системы госслужбы.

Современная система найма государственных служащих КНР включает определенные каналы. Для поступления на государственную службу необходимо: сдача экзамена для поступающих на госслужбу (система найма), участие в публичном отборе или выборах (система должностей, система повышения и понижения в звании), прямой перевод (система контакта), поступление демобилизованных военнослужащих, приглашенный быть государственным служащим (система постового приглашения).

Отдельного исследовательского внимания заслуживает изучение системы экзаменов. В соответствующих законах и практике его называют «системой найма государственных служащих». Отбор должностных лиц путем публичных конкурсных экзаменов происходит из системы имперских экзаменов «Кэ Цзюй» в древнем Китае. Экзамен «Кэ Цзюй» означает «учредить систему экзаменов и брать на службу лучших». Просуществовавшая система от династий Суй и Тан до маньчжурской (цинской) династии, т.е. в течение более чем 1300 лет, обеспечила огромное количество политиков и талантов административного управления для правящих династий. Данная система занимает важное место в китайской истории, в истории формирования китайской элиты. Она существенно повлияла на создание систем гражданской службы и в западных странах. Г-н Сун Ят-сен, великий политик, революционер и инициатор национально-демократической революции в современном Китае, однажды отметил: «Британская система экзаменов была самой ранней, а американской системе экзаменов всего 20-30 лет. Британия переняла систему экзаменов у нас. Китайская система экзаменов является лучшей в мире. Сейчас все страны учатся у Великобритании в сфере

экзаменационной системы»¹⁹⁶. Система найма государственных служащих в Китае основана на усвоении традиции древних государственных экзаменов «кэцзюй» императорского Китая и опыта набора кадров в Новом Китае, а также осмысленных заимствований из западных систем. Рассматривая в целом историю функционирования системы государственных служащих, обычно выделяют следующие этапы:

1) Начальный – этап создания системы найма кадров (1949-1978 гг.)

После основания Китайской Народной Республики отбор кадров в Китае в основном осуществляется в трех форматах: 1. – директивное распределение государства: различные органы принимают выпускников высших и средних специальных учебных заведений; 2. – размещение демобилизованных кадров армии путем централизованного распределения государства; 3. – запланированное привлечение из общества людей, соответствующих требованиям. Первые два формата являются основными источниками кадров на ранних этапах развития Нового Китая, они более независимы, в то время как третий вариант меняет требования к характеристикам. На начальном этапе своего существования Китайская Народная Республика испытывала катастрофический недостаток кадров, поэтому государство целенаправленно и открыто привлекало кадры из населения. Набор кадров в этот период имеет следующие требования: во-первых, основное внимание на выбор активистов из различных организаций и на степень эффективности их работы; во-вторых, большое внимание уделяется политической истории и личному происхождению, в-третьих, акцент смещается на подготовку кадров, подчеркивая тесное сочетание отбора и обучения. То есть, на данном этапе набранные кадры выполняли политическую роль проводников политики КПК и специальное образование было необязательно.

В 1953 году были обнародованы «Временные меры (проект) по набору персонала в государственные органы»¹⁹⁷, в которых четко прописаны порядок и условия найма кадров из общества, требующие, чтобы зачисление новых

¹⁹⁶ Сун Ят-сен. Антология // издательство Цзючжоу, 2012. С. 355.

¹⁹⁷ «Временные меры (проект) по набору персонала в государственные органы» КНР, 1953.

сотрудников было основано на восполнении вакансий, а отдел кадров должен внимательно изучить резюме, автобиографию, медицинское свидетельство и другие соответствующие материалы, провести исследования в случае необходимости, претенденты могут быть приняты только после полного рассмотрения. Это первый комплексный нормативный документ о наборе кадров в Новом Китае. Он означает, что работа по подбору кадров постепенно переходит на стандартизированный вариант. Однако, экономические задачи страны того периода требовали большого количества кадровых сотрудников во всех сферах жизни, одновременно наблюдается некоторая степень безрассудства при найме кадров. С 1953 по 1956 г.г. в стране насчитывалось 2,6 миллиона новых кадров, сложилась ситуация с избыточным кадровым аппаратом.

Далее наблюдается улучшение экономической ситуации в стране, в начале 60-х гг. частично возобновляется набор кадров в торговлю, финансы и банковское дело. В 1964 году департаментом кадров разработаны «Временные меры по набору кадров государственными органами, предприятиями и учреждениями». Обобщая опыт и уроки кадрового найма со времен основания Китайской Народной Республики, уделяя особое внимание плановому управлению и строгим процедурам найма, документ регламентировал, что планы найма работодателя обязательно должны быть рассмотрены органами, находящимися выше уездного народного комитета и далее направлены в партийные комитеты и народные комитеты провинций, автономных районов, городов центрального подчинения для утверждения; все департаменты центральных государственных органов подают документы на утверждение Центральному комитету партии и Государственному совету; если работодатели не получили подтверждения, они не могут нанимать самовольно. Хотя этот документ официально не был опубликован, но его базовый дух был реализован, он сформировал базовую структуру управления планом найма кадров в Китае.

С 1966 по 1976 г. в период «культурной революции» система кадрового найма была уничтожена, плановая система распределения разрушена, и работа по

набору кадров из общества прекратилась. Чтобы восполнить нехватку персонала, правительственным учреждениям, предприятиям приходилось назначать кадры самостоятельно, в результате чего появилось большое количество «работников, разрешенным действовать в качестве кадров».

2) Второй этап реформ в системе найма кадров (1978-1993 гг.)

После политики реформ и открытости экономическая и политическая системы Китая претерпели глубокие изменения, и спрос на талантливые управленческие кадры в стране возрос, однако на практике все более заметными становятся недостатки существовавшей системы найма кадров, такие как: разные нормы принятия и большая произвольность, работодателям не хватает прав на самохозяйствование, а механизмы конкуренции и надзора несостоятельны.

После 3-го пленума ЦК 11-го созыва Дэн Сяопин выступил с важной речью «О реформе системы руководства партии и государства»¹⁹⁸, и выдвинул ряд важных реформистских идей по существующим проблемам в кадровой системе: «Нужно сломать старую структуру и быть смелым, чтобы реформировать устаревшую организационную систему и кадровую систему»; «В основном нужно укрепить систему кадровых выборов, объявления о наборе, назначения и увольнения, проверки, импичмента, ротации»; «С развитием строительства экономики государства мы также должны развивать различные новые требования и новые методы для продвижения кадров и использования талантов. В будущем многие должности и звания должны занимать и предоставляться тем, кто успешно сдает экзамен». Эти положения легли в основу политики реформирования кадровой системы Китая. В 1982 году был обнародован первый комплексный документ Китая «Несколько положений о найме кадров»¹⁹⁹, четко определяющий наём кадров путем экзамена. Документ, регламентирует, что государственные органы, предприятия и учреждения должны осуществлять открытый набор, добровольную регистрацию и проведение всесторонней проверки этического,

---

¹⁹⁸ Дэн Сяопин. «О реформе системы руководства партии и государства», 1980. URL : <http://www.yhcqw.com/36/9916.html> (Дата обращения: 30.10.2023).

¹⁹⁹ «Несколько положений о найме кадров» КНР, 1982. URL: <http://www.law-lib.com/law/law view.asp?id=2497> (Дата обращения: 30.10.2023).

интеллектуального и физического воспитания, придерживаться результатов экзамена и отбирать лучших кандидатов; в документе также указываются конкретные методы и процедуры экзамена, определяется ведущая роль департамента кадров правительства, заменены предыдущие разрозненные экзамены в разных системах и отделах на единую систему. Таким образом, в Китае появился базовый стандарт набора кадров для системы государственной службы.

В 1988 году отделом по труду и кадрам был организован общенациональный единый экзамен на «переход не-кадров в кадры». Число заявителей достигло 1,05 млн. человек, было принято 80 000 человек. Этот процесс нашел большую поддержку в обществе, что сделало концепцию найма путем экзамена весьма популярной. С целью решения проблемы, связанной с тем, что объем кадров слишком велик и не хватает систематического управления, реформа кадровой системы в этот период также направлена на содействие реформе управления различными типами кадров, включая систему найма. В 1984 году центральное правительство начало изучать и формулировать «Закон о персоналах государственных органов», предшественника «Временного положения о государственных служащих». В 1989 году Организационный департамент и департамент кадров выпустили «Уведомление об проведении экзаменов для дополнения персоналов в административный аппарат страны»²⁰⁰, который является первым документом в Китае, в котором четко оговариваются необходимость использования методов экзамена для дополнения государственных служащих, принципы соответствующих работ, область применения, источники, разновидности экзаменов, методы, процедура и контроль. С 1989 по конец 1992 года административные органы по всей стране приняли 71 000 человек путем экзамена²⁰¹. Реформа системы найма была еще более углублена.

---

²⁰⁰ «Уведомление об проведении экзаменов для дополнения персоналов в административный аппарат страны» КНР, 1989. URL: <http://www.lscps.gov.cn/html/18694> (Дата обращения: 30.10.2023).

²⁰¹ Ян Шицю, Ван Цзинцин. Найм государственных служащих в Китае // Издательство "человеческие дела Китая", 2019. С.101.

3) Новый этап создания и развития системы найма государственных служащих с 1993 г. по настоящее время.

Началом становления современной государственной службы КНР считают 1993 год, когда на 2-м заседании Постоянного бюро Государственного Совета КНР (Правительства КНР) 1 октября приняли Временное положение о государственных служащих, а с 1994 г. Государственным советом начали реализовываться конкретные меры. Это Положение состоит из 18 глав и 83 статей, его значение признается основополагающим для трудовых отношений в системе госслужбы²⁰². Таким образом, была официально создана система государственной службы Китая, а также введена система зачисления по результатам экзамена. Положение гласит: «Государственные органы нанимают государственных служащих на неруководящие должности, находящиеся в ранге ниже заведующих отделением, придерживаясь открытым экзаменом и строгими методами оценки и отбирая в соответствии с критерием обладания высокими моральными и деловыми качествами». В июне 1994 года департамент кадров обнародовал «Временные положения о найме государственных служащих», что означало, что работа по найму госслужащих по экзамену в Китае вступила на путь легализации и стандартизации. Во второй половине 1994 года впервые был проведен экзамен по найму на государственную службу в центральные государственные административные органы, и система найма на государственную службу по экзамену была официально введена в действие по всей стране.

«Закон о государственных служащих Китайской Народной Республики» вступил в силу 1 января 2006 года, в статье 21 говорится: «Нанимая государственных служащих на неруководящие должности, находящиеся в ранге ниже заведующих отделения, нужно отбирать лучших из поступающих, придерживаясь методом публичного экзамена, строгой проверки и равноправному конкурсу. 29 декабря 2018 года был обнародован новый

---

²⁰² «Временное положение о государственных служащих» КНР, 1993. URL: <https://baike.baidu.com/item/国家公务员暂行条例/4307358?fr=aladdin> (Дата обращения: 30.10.2023).

переработанный и дополненный «Закон о государственных служащих»²⁰³, а соответствующие положения скорректированы, это означает, что система найма госслужащих по экзамену в Китае вступила в новую фазу легализации. Полное внедрение и осуществление системы найма государственных служащих по экзамену в Китае обеспечивает высококвалифицированных работников в команду госслужащих и значительно способствует совершенствованию ее структуры.

Согласно статистическим данным, в период с 1994 по 2010 год более 1,1 миллиона государственных служащих были набраны на основе открытого объявления о наборе²⁰⁴; число должностей и людей, требуемых на государственную службу, количество людей, принимавших участие в экзамене увеличивалось с каждым годом, а конкуренция становилась все более жесткой. Соотношение отобранных в 2003 году составляло 16 : 1, в 2018 году это соотношение достигло 58: 1 (см. Таблицу 1), по сравнению с 2006 годом в 2017 году доля госслужащих с высшим образованием увеличилась с 43% до 71,9%, а доля моложе 35 лет – увеличилась с 25,6% до 27,8%, доля женщин увеличилась с 22,8% до 26,5%²⁰⁵.

Внедрение канала найма государственных служащих по экзамену оказало глубокое влияние на китайское общество и саму систему госслужбы. Некоторые ученые считают, что реформа кадровой системы в Китае после политики реформ и открытости, особенно в 1980-х годах, вызвала значительную трансформацию политической элиты, имеющую глубокое и далеко идущее значение²⁰⁶.

---

²⁰³ «Закон о государственных служащих» КНР, 2018 г. URL: http://www.gov.cn/guowuyuan/2018-12/30/content_5353490.htm

²⁰⁴ Ян Шицю, Управление страной- Создание системы государственных служащих с китайскими спецификами.[М]// издательство "человеческие ресурсы и социальное обеспечение Китая" 2011г. с.131

²⁰⁵ Реформа и улучшение системы государственных служащих Китая. Агенство «Синьхуа». 2018//http://www.gov.cn/guowuyuan/2018-12/30/content_5353506.htm

²⁰⁶ Сюй Снялин, Трансформация политических элит после эпохи маоцзэдуна// издательство "Стратегия и управление" 2011г. с.6

Таблица 1. Статистические данные о количестве регистраций государственных экзаменов государственных служащих за прошедшие годы²⁰⁷.

Год	количество вакансий/человек	Числа приема/человек	утверждение/миллион	Количество тестируемых/миллион	окончательная доля
2019	9657	14537	0.635113		44:1
2018	16144	28533	1.6597	1.134	58:1
2017	15589	27061	1.338	0.984	49:1
2016	15659	27817	1.28	1.395	46.11:1
2015	13475	22000	1.41	1.05	47.2:1
2014	11729	19538	1.404	1.1195	57.3:1
2013	12927	20879	1.383	1.117	53.5:1
2012	10486	17941	1.3	0.96	53:1
2011	9763	15290	1.415	1.902	59:1
2010	9275	15526	1.443	0.927	59:1
2009	7556	13566	1.052	0.775	58:1
2008	6691	13787	0.8	0.64	46:1
2007	6361	12724	0.74	0.535	42:1
2006	6053	10282	0.54	0.5	48.6:1
2005	5456	8271	0.31	0.29	35:1
2004	4036	7572	0.182	0.12	15:1
2003	5400	5475	0.125	0.87609	16:1

²⁰⁷ URL: <http://he.huatu.com/2019/1011/873606.html>

Система найма государственных служащих продолжает развиваться, демонстрируя такие изменения, как совершенствование условий найма, экзаменов и стандартизация управления зачисления. Она предоставила большое количество талантов для политической элиты в Китае и оптимизировала структуру политической элиты, в значительной степени способствовала повышению уровня модернизации национальных управленческих возможностей.

Выводы к главе II

По Веберу²⁰⁸ для определения государственной службы как бюрократии применяются термины «публичная» или «гражданская служба», в Китае это термин – 公员 (Gong Wuyuan).

Система госслужбы или «Система отбора чиновников» – это всегда система определенных требований, обусловленных конкретным этапом исторического, в том числе социально-политического развития. К характерным признакам госслужбы как системы следует отнести стандартизацию, профессионализм, компетентность, стабильность, иерархичность и самостоятельные функции. В случае КНР, необходимо отметить сохранившееся влияние бюрократической системы феодального Китая, под значительным влиянием конфуцианства, которая действовала более 2 тысяч лет. Данный факт служит доказательством фундаментальной основы системы власти и политического управления в Китае с учетом национальной специфики, соединяет в себе черты традиционной системы управления с современными методами, воплощает основы нравственности и культуры.

Актуальным остается вопрос о разграничении полномочий между партийными и государственными организациями и их взаимодействие.

---

²⁰⁸ Weber M. Bureaucracy, in: "From Max Weber. Essays in Sociology". Translated and edited by H.H. Gerth and C. Wright Mills. Translated and edited by H.H. Gerth and C. Wright Mills. New York: Oxford Univ. Press. New York: Oxford Univ. Press. N.Y., 1946. – pp. 196-244.

Действующая Конституция расширила компетенции Председателя КНР, но прекращено пожизненное пребывание на руководящих должностях.

Остаются незыблемыми «4 основных принципа»: руководящая роль принадлежит Компартии, как главному фактору обеспечения политической стабильности, марксистская теория составляет идеологическую основу, расширено понятие «демократическая диктатура народа + представители национальной буржуазии», курс на строительство социализма? =скорее государственный капитализм.

Проводится большая серьезная работа аналитическая работа для принятия политических решений. Дэн Сяопин говорил: «нетвердой рукой нельзя искоренить преступность и социальные уродства»²⁰⁹.

Изменение системы взаимодействия государства с гражданами, институтами, появление новых форм и методов гражданского участия, новый этап в развитии экономической и политической систем выступили определяющим вектором в реформировании государственной службы. Важным обстоятельством выступает и международное позиционирование КНР, ее имидж на международной арене, в том числе в условиях жесткой мировой политической конкуренции, что также требует реформирования основных элементов государственного управления.

Внешняя политика КНР в современных геополитических условиях зависит от многих факторов, как внутренних, так и внешних и определяется уровнем социально-экономического развития страны, национальными интересами и безопасностью, культурно-историческими традициями. Совокупность указанных факторов влияет на формирование внешнеполитических приоритетов КНР. Невозможно не доценить роль политической элиты при разработке внешнеполитической стратегии КНР и концепции национального брендинга, что особенно важно в современных геополитических условиях, когда происходит изменение глобального политического ландшафта.

---

²⁰⁹ <http://live-imho.livejournal.com/221213.html> (Дата обращения: 30.10.2023).

Глава III. Политическая элита КНР в условиях мировой политической конкуренции

3.1. Эволюция внешнеполитического курса КНР

Окончание холодной войны, распад СССР, изменение геополитической ситуации повлияли на структуру международных отношений. Двухполюсный мир, просуществовавший с 1945 г. до разрушения СССР, служил стабилизирующим фактором для всей системы, наличие СССР препятствовало распространению американо-западноевропейских рецептов. Существование СССР сдерживало реализацию глобальной американской мечты об избранности США и их роли в мировом политическом процессе. Как отмечал Евгений Примаков в своей книге «Мир без России? К чему ведет политическая близорукость»: «США больше не являются единоличным лидером», и это предполагает новый этап в развитии международных отношений²¹⁰.

Новая международная система отношений, пришедшая на смену биполярному миру породила три концепции международных отношений, которые во многом противоречили друг другу, но все они нашли и теоретическое, и практическое воплощение.

В основу первой положена снижающаяся роль государства в новом миропорядке, основными субъектами международных отношений теперь также признаются международные организации и экономические субъекты. Концептуальная основа данного направления заключается в смене политики силы

---

²¹⁰ Primakov M. The World without Russia? What is political myopia. М.: ИК «Rossiyskaya Gazeta», 2009. 239 p.

на сотрудничество и либеральное восприятие международных отношений²¹¹. К сторонникам данного направления причисляют Фрэнсиса Фукуяму, который в своей работе «Конец истории и последний человек», опубликованной в 1992 году, писал: «Либерализм – это конечная точка идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы человеческого правления. Победа либерализма в реальном или материальном мире еще не завершена, что означает «общую маркетизацию» политического и международных отношений, уменьшение вероятности крупномасштабных конфликтов между государствами²¹². Можно отметить, что слова Фукуямы о «конце истории» не сбылись, как и не оправдываются его надежды на либерализм.

Ответом на концепцию «нового мирового порядка» развивается концепция многополярного мира. В ее рамках, например, Пол Кеннеди («Взлеты и падения великих держав») использует понятие «имперское перенапряжение», с помощью которого описывает природу империи, стремящейся выйти за рамки возможностей поддерживать и контролировать свои военные и экономические обязательства, что неизменно приводит к многополярности²¹³. В доказательство сторонники приводят возрастающую значимость на международной арене в тот период Японии, ЕС, Китая.

При анализе данной концепции необходимо отметить пессимистическое к ней отношение известного американского профессора Джона Миршаймера, считавшего, что путь от биполярности к многополярности ведет к катастрофическим последствиям для великих держав. Особенность его теории заключается в соответствии теории политического реализма Моргентау. Он рассматривает великие державы как особую категорию международных отношений на различных исторических этапах, обозначает их стремление к

---

²¹¹ Барановский В. Г. Новый миропорядок: преодоление старого или его трансформация? // Мировая экономика и международные отношения. 2019. № 5. С. 9.

²¹² Fukuyama F. The end of history and the last man. New York: Free Press, 1992. P.45.

²¹³ Kennedy P. The rise and fall of the great powers: economic change and military conflict from 1500 to 2000. New York: Vintage Books, 1989. P.111.

выживанию, характеризует систему международных отношений, подвергает критике оптимистичные аргументы о гарантии мирного будущего из-за высоких издержек современной войны²¹⁴. Окончание холодной войны рассматривается оптимистами как отрицание военного прошлого, пессимисты видят в этом возвращение старого миропорядка.

Третий вариант развития международных отношений – это концепция однополярного мира, автором можно считать американского политолога и журналиста Чарльза Краутхаммера, опубликовавшего в 1990 году статью «Однополярный мир». Он предсказал, что однополярный мир продлится примерно десять лет, прежде чем возникнет нестабильный многополярный мир и привел аргументы в пользу доминирования США²¹⁵. Многие теоретики политической науки считают, что после распада СССР существует только одна сверхдержава — США, и поэтому логично, что мир превратился из биполярного в однополярный²¹⁶. Определение однополярности как системы с одним полюсом, выдвинутое Краутхаммером имело значение только когда США после распада СССР превратились в центр принятия решений за другие страны, собственно это десять лет после окончания холодной войны, но потом все изменилось, и не только по причине отсутствия равного соперника, но и в связи с ростом глобальных проблем на Земле, решение которых не под силу одному государству²¹⁷.

Анализ трех перечисленных подходов к оценке развития международных отношений можно определить лишь частично верными, и в целом, неспособными полностью объяснить суть современных международных отношений и архитектуры всей системы.

Очевидно, что получила теоретическое и практическое развитие модель политического устройства мира с многополярным содержанием. Даже неглубокий

---

²¹⁴ Mearsheimer J. The tragedy of Great Power Politics. New York: Norton, 2001. P.47.

²¹⁵ Krauthammer C. The unipolar moment// Foreign Affairs. 1990. №.3. P. 29.

²¹⁶ Брутенц К. После однополярного мира // Свободная мысль. 2009. №. 6. С. 77.

²¹⁷ Brook's S. American primacy in perspective // Foreign Affairs. 2002. №. 4. P. 203.

анализ концепции многополярности показывает сложность феномена, множественность подходов к концепции и различное осмысление заложенной основы. Но безусловно растет число сторонников данного проекта среди современных исследователей. Причинами формирования многополярности определяют развитие новых центров силы, прежде всего как такового КНР, и угасание роли гегемона США. Многополярность превращается в серьезную характеристику внешней среды и мировой системы, которые влияют на все звенья этой системы.

СССР был для многих стран мира политическим ориентиром и гарантом безопасности. Поэтому когда с политической карты мира исчез один из двух центров силы, на котором без преувеличения крепился каркас биполярной системы, на международной арене произошли грандиозные изменения. С точки зрения международных отношений, исчезновение СССР и соцлагеря открыло путь к однополярности, открыло возможности для усиления роли США как единственного представителя мировой власти.

Становление новой модели международных отношений происходило в новых политических условиях. Многие политологи считают, что процесс формирования многополярности продолжается и сейчас, данный этап рассматривается как гибридный = «унимультipoлярная» система (или «плюралистическая однополярность»)²¹⁸, что однополярный мир закончился, но он еще далек от многополярности и гораздо ближе к однополярности. С. Хантингтон так охарактеризовал это состояние: «Сейчас существует только одна сверхдержава. Но это не значит, что мир однополярный. Однополярная система имела бы одну сверхдержаву, отсутствие значительных крупных держав и множество второстепенных держав. Многополярная система имеет несколько крупных держав сопоставимой силы, которые сотрудничают и конкурируют друг с другом в меняющихся моделях. Современная международная политика не вписывается ни в одну из этих моделей. Вместо этого это странный гибрид,

---

²¹⁸ Лулин Юй. Шилунь Эрши Ши Цзиси Фанго Цзи Гуаньси Лилунь Дэянь Бянь // Шицзе Цзинци Юй Чжэн Чжи [Лу Линью. Дискуссия об эволюции западной теории международных отношений в 20 веке] . 2000. №.10. С. 19.

однополярная система с одной сверхдержавой и несколькими крупными державами»²¹⁹. Не менее любопытно и мнение Ричарда Хаасса: «Основной характеристикой международных отношений двадцать первого века оказывается неполярность: в мире доминируют не одно, два или даже несколько государств, а скорее десятки субъектов, обладающих и осуществляющих различные виды власти. В отличие от многополярности, которая включает в себя несколько различных полюсов или концентраций власти, неполярная международная система характеризуется многочисленными центрами, обладающими значимой властью»²²⁰. Таким образом, Хаасс объясняет отличие современного мира и мира классической многополярности наличием большого количества центров силы, многие из которых не являются национальными государствами. Концепцию неполярности Хааса использовали в объяснительных целях распределения власти, в том числе в глобальный финансовый кризис 2008 года, интерпретируя как начало американского экономического упадка, особенно из-за банкротства Lehman Brothers²²¹. Однако противники данной концепции считали, что экономическому доминированию США ничто не угрожает. Так считает и Джозеф Иоффе в статье «Власть по умолчанию», опубликованной в 2009 году в журнале *Foreign Affairs*: «Текущие цифры показывают, что экономика США оценивается в 14,3 триллиона долларов, что в три раза больше, чем у второй по величине экономики мира, Японии, и лишь немного меньше, чем у экономик ее четырех ближайших конкурентов вместе взятых — Японии, Китая, Германии и Франции. Сегодня доминированию экономики США угрожает только один вызов: совокупный ВВП Европейского союза в размере 18 триллионов долларов. Но более уместным может быть сравнение с Еврозоной, состоящей из 16 членов, которая имеет общую денежно-кредитную политику и налогово-бюджетную политику, а совокупный ВВП составляет 13,5 триллиона долларов»²²².

---

²¹⁹ Huntington S. The lonely superpower // *Foreign Affairs*. 1999. № 2. P. 37.

²²⁰ Haass R.N The age of nonpolarity, what will follow US dominance? // *Foreign Affairs*. 2009. № 4. P. 39.

²²¹ Nye J. The future of American power, dominance and decline in perspective // *Foreign Affairs*. 2010. № 10. P.11.

²²² Joffe J. The default power, the false prophecy of America's decline. *Foreign Affairs*. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/65225/josef-joffe/the-default-power> (Дата обращения: 30.10.2023).

Совершенно очевидно, что за пределами анализа оказалась развивающаяся экономика КНР. Интересен взгляд Дж. Ная, который отмечает, что «власть сегодня распределяется по схеме, напоминающей сложную трехмерную шахматную партию. На верхней шахматной доске военная мощь в значительной степени однополярна, и США, вероятно, сохранят первенство в течение довольно долгого времени. На средней шахматной доске экономическая мощь уже более десяти лет является многополярной, причем США, Европа, Россия и Китай являются основными игроками, а другие приобретают все большее значение. Нижняя шахматная доска – это сфера транснациональных отношений. В него входят негосударственные субъекты, которые переводят средства электронным способом, террористы, которые торгуют оружием, хакеры, которые угрожают кибербезопасности»²²³.

Отмечая тенденцию к многополярности, в теоретическом плане наиболее дискуссионным и идеологизированным вопросом остается и на текущий политический момент вопрос об определении типа современного миропорядка и обосновании предпочтительной системы международных отношений.

Важной тенденцией современных международных отношений является глобализация, последствия которой для системы международных отношений можно охарактеризовать как противоречивые. Сформированная Вестфальская система с самостоятельными национальными государствами и принципом «баланса сил» в основе изменилась. Распад СССР и социалистической системы послужили мощным толчком в развитии новых тенденций в системе международных отношений, прежде всего в экономической сфере, констатируется активное функционирование транснациональных корпораций²²⁴.

Глобализация выступает стимулирующим фактором процесса интеграции, отмечается их взаимосвязь и взаимозависимость. Интеграционные экономические процессы находятся в многоуровневой зависимости с глобальным политическим

---

²²³ Nye Jr J. S. The twenty-first century will not be a «post-American» world // New York: International Studies Quarterly. 2012. №. 1. P. 217.

²²⁴ Саямов Ю.Н. Международные отношения в контексте следующей волны глобализации // Междисциплинарные проблемы международных отношений в глобальном контексте. 2019. С. 29.

процессом, происходит влияние и на государственном уровне. В задачи исследования не входит анализ сущностных отличий интеграционных и глобализационных характеристик, лишь подчеркнем наличие и развитие этих параллельных тенденций, развитие которых доказывает и активное сотрудничество государств в рамках региональных организаций с конца XX века²²⁵.

Рассматривая тенденции в развитии современных международных отношений необходимо выделить роль международных межправительственных и неправительственных организаций; транснациональных корпораций, которые стремятся к созданию единой производственной сети; международных финансовых институтов и глобальных торговых сетей. Воздействие и характер указанных тенденций необходимо анализировать в конкретных политических условиях. Так, например, сегодня можно утверждать об ослабевающей способности международных организаций в управлении международными вопросами, в качестве примера приведем деятельность ООН и ЮНЕСКО. На современном этапе очевидна потребность в создании новых международных институтов, способных осмысливать и разрабатывать комплекс мер для разрешения кризисных вопросов в мировом развитии. Истории известны такие примеры: «Большая восьмерка» не смогла решить глобальные экономические проблемы, появилась «Большая двадцатка»; в ответ на трудности в восточноазиатской экономической сфере сотрудничества появилось Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), и далее – АТЭС 10+1, 10+3 и 10+8²²⁶.

К механизмам политического взаимодействия государств на международной арене следует отнести международные саммиты. Однако достигнутый на них консенсус чаще имеет писабильный характер и не подкрепляется практическими шагами. Даже существует мнение, что

---

²²⁵ Танделова Д. В. Экономика в процессе глобализации // Актуальные вопросы современной экономики. 2018. №. 5. С. 296.

²²⁶ Dingwerth K. International organizations under pressure: Legitimizing global governance in challenging times. Oxford University Press, 2019. P.114.

международные организации продвигаются в направлении расхождения взглядов, а не решения практических проблем²²⁷.

Китаю предстояло в новых международных обстоятельствах искать свой путь. Можно сказать, что случившийся распад СССР и всей системы соцлагеря послужили во многом стимулом для КНР в поиске своего пути и собственной модели социалистического развития, в том числе как избежать финал СССР. Поэтому важнейшей задачей стало сохранение стабильности политической системы, руководящей роли КПК и функционала административно-политической элиты.

Система государственной службы как важнейший управленческий институт государства играет большую роль в решении как внутривнутриполитических государственных задач, так и при формировании внешнеполитической стратегии.

В огромном комплексе решаемых задач необходимо сохранять и оберегать суверенитет и целостность государства, идеологическую линию КПК, авторитет государственной власти. Эффективность выполняемых функций во многом зависит от разработанного механизма управления на различных уровнях.

Необходимо отметить, что возрастание политической роли элит и их влияния в КНР идет параллельно с успешным социально-экономическим развитием китайского государства, ростом его авторитета на международной арене. Политическая и экономическая элиты выступают не только важнейшим актором внутривнутриполитического, но и внешнеполитического процесса. Рост политического и экономического влияния КНР глобально влияет на мировую политику, в этой связи можно говорить не только о региональной, но и о глобальной роли политической элиты КНР. Поэтому выявление факторов, которые влияют на формирование политической элиты государства, на рекрутирование и ротацию, обеспечение преемственности государственной власти в традициях Китая, анализ смены элиты, и как важнейший аспект нашего

---

²²⁷ Там же. Р. 119.

исследования – влияние элит на формирование внешнеполитического курса КНР – представляются особенно значимыми.

Усиление глобального влияния Китая не вызывает сомнений. Современный Китай демонстрирует миру успешность проводимых реформ, особую модель экономической трансформации и эффективную модель управления.

В современных условиях политико-экономических трансформаций взаимодействие основных внутренних игроков – политических и бизнес-элит превращается в решающий фактор, именно эти два актора оказываются основными игроками при формировании внутреннего и внешнего курсов государств.

Для поддержания статуса сверхдержавы, на которую претендует КНР по основным параметрам (размер ВВП, размер военного бюджета, общий объем золотовалютных запасов и т.д.), а также для поддержания конкурентоспособности выпускаемой продукции требуется трансформация модели управления, идет поиск наиболее эффективной модели. Современный Китай – это вторая экономика мира по номинальному ВВП, третье место в мире по занимаемой территории, первое – по численности населения, член международных организаций ООН (Постоянный член Совета Безопасности), АТЭС, G20, ВТО, ШОС, БРИКС. Китай – ядерная держава, у него самая многочисленная армия. Доминирующее положение КНР во многих сферах, факт расширения его политического влияния вызывают обеспокоенность многих стран, особенно на региональном уровне. Только эти перечисленные доводы уже достаточны для формирования исследовательского интереса к китайской модели модернизации, политическим преобразованиям, системе государственного управления, функциям политической элиты. В этой связи также важно исследовать эволюцию внешнеполитического курса КНР, определить ее тенденции на современном этапе.

Население современной КНР насчитывает более 1 млрд 410 млн человек, страна имеет большую территорию с 34 административными единицами,

отличающимися историей, культурой, традициями и т.д. Отличительной чертой развития КНР являются скорость и результативность процесса, в отличие, например, от соседних Японии и Кореи²²⁸. Претендуя на статус сверхдержавы, являясь второй экономикой мира, крупнейшей экспортной экономикой, государство активно использует и создает различные механизмы для расширения международного экономического и политического взаимодействия, например, в рамках инициативы «Пояс и путь» расширяет инвестиции в инфраструктуру стран, создан Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и др.

В последние годы в политических и академических кругах вне КНР развернулась активная дискуссия о характере и направленности внешней политики Китая. Многие исследователи и эксперты соглашались с выводом об активизации китайской внешней политики особенно на региональном уровне, в Азиатско-Тихоокеанском регионе²²⁹ и даже называют ее жесткой и агрессивной. Брэд Глоссман характеризует современный курс Китая как «катастрофу великой стратегии»²³⁰. Некоторые политологи считают, что подобная активность Китая подрывает региональную стабильность, наносит ущерб национальным интересам Китая и в конечном счете означает отход от политики «мирного подъема»²³¹.

Высказываемые опасения по поводу растущего влияния Китая не признаются в Китае, но все же некоторые официальные лица в сфере внешней политики советуют смягчить риторику на международной арене.

Подобный дискурс свидетельствует о сложности анализа и понимания содержания внешней политики Китая, его дипломатических стратегий на различных исторических этапах. Особенность внешней политики Китая определяется прежде всего собственно китайской философией, логикой, что во многом формирует особенность мышления, особое мировоззрение.

---

²²⁸ Malesky E. The political economy of development in China and Vietnam // *Annual Review of Political Science*. – 2014. – С. 395-419.

²²⁹ Michael Y. China's New Assertiveness in the South China Sea // *Journal of Contemporary China*. 2013. P. 446.

²³⁰ Brad G. China's Grand Strategy Disaster // *National Interest*. URL: <http://nationalinterest.org/feature/chinas-grand-strategy-disaster-10492> (Дата обращения: 30.10.2023).

²³¹ Goldstein A. China's grand strategy under Xi Jinping: reassurance, reform, and resistance // *International Security*. 2020. № 1. P. 164.

В периодизации внешнеполитических стратегий исследователи чаще выделяют четыре этапа, традиционно определяя их связь с основными этапами развития государства. В этой связи вызывает интерес Справочник «Прикладной справочник по международным отношениям» 2013г. издания, где представлена пятиэтапная периодизация²³².

В контексте рассматриваемой проблемы представляется необходимым определить этапы и основные идеологемы современного внешнеполитического курса КНР, начиная с 1990-х годов.

Распад социалистической системы, прекращение существования СССР, окончание холодной войны существенным образом изменили политическую карту мира. На Мюнхенской конференции (2007 г.) по безопасности Президент РФ В.В.Путин отметил, что с распадом СССР был нарушен баланс сил в мире, стратегический паритет между СССР и США. Нарушенный баланс модели биполярной системы международных отношений, когда СССР исчез как центр силы, привел к изменениям структуры самой системы. Изменялась сфера влияния стран-гегемонов, прекратилось влияние СССР. В этот период высказывалось предположение, что КНР может заместить роль СССР.

Определенно в истории международных отношений начался новый этап, процесс формирования новой модели международных отношений. Он характеризуется продолжительностью и неясностью понимания в выборе лучшей структуры миропорядка, обострением региональных конфликтов, несоблюдением норм международного права, выходом некоторых стран (США) из международных соглашений и организаций, возросшим уровнем конкуренции между странами и элитами, усилившейся регионализацией и глокализацией.

25 декабря 1991 г. Российская Федерация (правопреемник СССР и РСФСР) и КНР подписали «Протокол переговоров о российско-китайских отношениях» с целью установления официальных дипломатических отношений. При этом Китай

---

²³² Прикладной справочник по международным отношениям под ред. Хуан Жиханя и Яо Юйфэя

заявлял, что будет «развивать отношения на основе пяти принципов мирного сосуществования, включая политические отношения, и не вступать в идеологические споры»²³³.

В рассматриваемый период переформатирования структуры миропорядка усиливается роль США. Данный факт лег в основу мнений об архитектуре миропорядка в сторону однополярности, а не многополярности. Соединенные Штаты превратились в единственную сверхдержаву в мире, имели абсолютные политические, экономические и военные преимущества, что позволило им влиять на общую безопасность²³⁴.

Вопрос о модернизации страны и создании стабильной внешней среды для подъема Китая являлся и является важным политическим вопросом, напрямую связанным с проблемой общей безопасности – «как объективный факт, невозможно отрицать, что Китай находится на подъеме. После развития реформ и открытости темпы экономического роста Китая ускорились, увеличилась национальная мощь, международный статус повысился, расширилось международное влияние. Однако для того, чтобы подтвердить мирную и неагрессивную политику Китая, необходимо делать акцент на мирном развитии»²³⁵ и особенностях китайского понимания данного тезиса.

В этот период в рамках выдвигаемой концепции мирной внешней политики²³⁶ Китай инициирует следующий тезис – «Создание общей безопасности является надежной предпосылкой для предотвращения конфликтов и войн. Следует полностью отказаться от менталитета холодной войны и создать новую концепцию безопасности, в основе которой лежат взаимное доверие,

---

²³³ Ден С, Вэнь Сюань. Дисаньцзюань [Избранные произведения Дэн Сяопина Том 3] Пекин: Народное издательство, 1993. С.35.

²³⁴ Гатилев В. С. Историография о внешней политике США в период распада СССР // Общество и власть. 2019. С. 235.

²³⁵ Там же, С.4.

²³⁶ Там же, С. 91.

взаимная выгода, равенство и сотрудничество»²³⁷ – как основа для решения территориальных споров и пограничных вопросов.

Необходимость создания общей системы безопасности получила развитие на 16-м съезде КПК КНР: «Все страны должны доверять друг другу в вопросах безопасности и совместно поддерживать ее, создать новую концепцию безопасности, основанную на взаимном доверии, взаимной выгоде, равенстве и сотрудничестве, и разрешать споры путем диалога и сотрудничества, не прибегая к силе или угрожая друг другу силой»²³⁸.

По мнению китайской стороны, содержание новой концепции безопасности определяется через идеологию взаимного доверия, что на практике означает отказ от мышления периода холодной войны и политики власти, взаимного недоверия и презрения. Так, Хун Ян отмечает, что «взаимное доверие означает стремление к безопасности посредством сотрудничества и мирное разрешение споров посредством дружественных консультаций. Безопасность всех стран должна представлять взаимозависимую систему и не находиться в зависимости от статуса сильной страны, обеспечиваться международным сотрудничеством»²³⁹. Это возможно, когда страны перейдут от военных методов разрешения споров и конфликтов к инструментам переговорного процесса.

В целях достижения экономической выгоды всеми странами в новой концепции безопасности Цзян Цзэминь, Генеральный секретарь ЦК КПК в 1989 – 2002 гг., отметил – «Равенство является основной гарантией реализации новой концепции безопасности Китая» и предложил, чтобы «развитые страны несли ответственность за оказание помощи развивающимся странам в развитии их экономики и сокращении разрыва между Севером и Югом»²⁴⁰. Предлагаемая

---

²³⁷ Цзян Ц. Вэньсюань Ди Саньцзюань. [Избранные эссе Цзян Цзэминя Том 3] Пекин: Народное издательство, 2006. С. 77.

²³⁸ Гайгэ Кайфансань Шинянь Чжунъяо Вэньсянь Сюаньбянь [Избранные работы по важным документам за 30 лет реформ и открытости] Пекин; Жэньминь Жибао, 2008. С.126.

²³⁹ Хун Ян. Шанхай Цзиншэнь Цуцзинь Шицзе Хэпин [Двигайтесь вперед. Дух Шанхая способствует миру во всем мире]. Жэньминь Жибао, 2002. С.13.

²⁴⁰ Ramadhani S. S. The Strategy of Jiang Zemin to Restore China's Economy // Contemporary Chinese Political Economy and Strategic Relations. 2021. №. 1. P. 325.

модель построена на равноправии и уважении всех стран мира, на сохранении и уважении разнообразия мира, на учете интересов как развитых, так и развивающихся стран. Данная концепция безопасности предлагала интеграцию всех стран в единый международный механизм с многоуровневой системой безопасности в сфере политики, экономики, вооруженных сил, науки, техники, технологий, культуры и экологии и др. Для реализации этой целостной концепции безопасности КНР разработала несколько вариантов²⁴¹.

К механизмам практической реализации данной концепции следует отнести образование и функционирование «Шанхайской организации сотрудничества». Инициаторами проекта ШОС выступили Китай и Россия. Основная задача организации заключается в межгосударственном сотрудничестве на различных уровнях и в различных сферах с целью обеспечения безопасности²⁴². Необходимо отметить большой вклад ШОС за в поддержании региональной безопасности, развитии регионального сотрудничества в современных политических условиях.

Развитие процесса глобализации сформировало новые вызовы и угрозы, многие проблемы приобрели глобальный характер. Китайский автор Ли Цзинчжи пишет: «Влияние нетрадиционных проблем безопасности, таких как терроризм, транснациональная преступность и распространение оружия массового уничтожения, постоянно возрастает. В то же время в регионе продолжают возникать острые проблемы, часто вспыхивают локальные войны и насильственные конфликты»²⁴³. В современных условиях развивающейся мировой многополярности и экономической глобализации традиционные и нетрадиционные угрозы безопасности только усиливаются.

Внешняя политика Китая, мирная по своему содержанию, в условиях глобальных изменений получила новое развитие, скорректировала свои цели и

---

²⁴¹ Мокрецкий А. Ч. Международное влияние китайской концепции безопасности // Восточная Азия и изменения глобального миропорядка. 2018. С. 6.

²⁴² Рахимов К. Х. Роль ШОС в обеспечении безопасности в Центральной Азии // Современное российское право: взаимодействие науки, нормотворчества и практики. Московская юридическая неделя. 2018. С. 504.

²⁴³ Лиц Ч. Д. Чжунго Хэпин Фачжань Юйгоу Цзяньхэ Се Шицзе Яньцзю [Исследование мирного развития Китая и построения гармоничного мира] Пекин: Пресс-служба Национального народного университета, 2011. С.11.

задачи. Так, необходимо отметить, что анализ внешнеполитической стратегии КНР в XXI в. под руководством КПК в период пребывания Ху Цзиньтао, на посту Генерального секретаря ЦК КПК с 2002 по 2012 гг., показывает, что в рамках теории мирной внешней политики Китая выдвигались новые дипломатические концепции «мирного развития» и «гармоничного мира», в которых «великие державы являются ключевыми, периферия является первоочередной задачей, развивающиеся страны являются основой, а многосторонность является важным этапом»²⁴⁴.

Рассматривая эволюцию китайского внешнеполитического курса, часто вспоминают речь Премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао в Гарвардском университете «Взгляд на Китай» (декабрь 2003 г.), где впервые от имени китайского правительства предлагалась позиция Китая по его мирному подъему²⁴⁵. Затем введенный термин «мирный подъем Китая» был заменен на концепцию «мирного развития»²⁴⁶ для успокоения окружающего мира, что Китай не будет угрожать мировой безопасности²⁴⁷.

В августе 2004 года Ху Цзиньтао в речи на Юбилейной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Дэн Сяопина²⁴⁸, предложил «придерживаться пути мирного развития». Также опубликованная в декабре 2005 года Информационным бюро ГС КНР Белая книга «Путь мирного развития Китая» определила и охарактеризовала цели мирного развития и стратегические ориентиры дипломатии. Доклад 17-го съезда КПК (октябрь 2007г.) зафиксировал:

---

²⁴⁴ Танши Ч., Хэпин Вайцзяо, Чжэнцэ Яньцзинь, Ли Чэн, Цицизи Бэньцзин, Янь Яньцзю [Танская поэзия. Исследование эволюции Истории и основного опыта мирной внешней политики Китая]. Северо-Восточный университет, 2019. С.13.

²⁴⁵ Turning Your Eyes to China. Speech by Premier Wen Jiabao at Harvard University // Fmprc. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/ce/ceun/eng/zt/wfm/t56090.htm> (Дата обращения: 30.10.2023).

²⁴⁶ Жухэ Лицзе Цзяньчи Хэпин Фачжань Даолу [Как понимать придерживаться пути мирного развития] // Жэньминь Жибао, 2019. С. 32.

²⁴⁷ Хэпин Ф. Даолу Дэли Шици Шиюй Шицзянь Юаньцзэ [Историческое вдохновение и практические принципы пути мирного развития] // Журнал колледжа Диншань. 2020. №. 1. С. 3.

²⁴⁸ Выступление Ху Цзиньтао на праздновании 100-летия со дня рождения товарища Дэн Сяопина // Gov. URL: http://www.gov.cn/test/2009-11/16/content_1465442.htm (Дата обращения: 30.10.2023).

«Китай будет неуклонно следовать по пути мирного развития»²⁴⁹. Мы уже отмечали в нашем исследовании особую роль конфуцианства в управлении китайским обществом еще с древнего периода. В рассматриваемый период понятие «гармония» начинает активно употребляться в сфере внешней политики КНР. В конфуцианстве гармонии принадлежит особая роль как высшей ценности, когда «одно дополняет другое», «в гармонии осуществляется совместное развитие, от противника нужно перенимать все лучшее»²⁵⁰. В системе управления необходима гармония между властными структурами и всем обществом. Три принципа, составляющие основу представлений о гармоничной культуре: 1) «единство Неба и человека»; 2) «единство всех людей» (в Поднебесной); 3) «гармония внутри самого человека» (гармония души и тела). То есть философско – этическая доктрина конфуцианства является основой современных внешнеполитических установок КНР, понятие «гармония» является основным принципом при формировании внешнеполитического курса. Особенно это доказывает реализация политики мягкой силы, выступления Генерального секретаря КПК и других представителей руководства, и собственно эволюция самого внешнеполитического курса.

Итак, новая дипломатическая стратегия КНР «путь мирного развития» является разработкой КПК КНР дипломатической стратегии в контексте новой эры – как развитие независимой и мирной внешней политики Китая, придается большое значение роли Китая в мировой цивилизации. КНР во главе с КПК, разделяя социалистические идеалы, провозгласил на основе независимости и самостоятельности проведение внутренних реформ и открытие внешнему миру для реализации общих интересов всех стран мира²⁵¹.

---

²⁴⁹ Гоу Ю. Вэньбань ФабяоЧжунго Дэхэ ПинфачжаньБайпи Шу (Цюаньвэнь) [Информационное бюро Государственного совета выпустило белую книгу на тему Мирное развитие Китая] // Gov. URL: http://www.gov.cn/jrzq/2011-09/06/content_1941204.htm (Дата обращения: 30.10.2023).

²⁵⁰ Hu Jintao, “Hold High the Great Banner of Socialism with Chinese Characteristics and Strive for New Victories in Building a Moderately Prosperous Society in All Respects (Report to the Seventeenth National Congress of the Communist Party of China on Oct. 15, 2007),” Renmin Ribao [People’s Daily], October 25, 2007.

²⁵¹ Zeng L. Contemporary International Law and China's Peaceful Development. Springer, 2021. P.11.

Концепция «гармоничного мира» внесла свой вклад в план Китая по построению мироустройства, основанном на прочном мире и общем процветании. В апреле 2005 года Ху Цзиньтао на Азиатско-Африканском саммите в Джакарте предложил, чтобы азиатские и африканские страны способствовали дружественному сосуществованию, равноправному диалогу, развитию и процветанию между различными цивилизациями и совместному построению гармоничного мира²⁵².

В июле 2005 года Ху Цзиньтао посетил Москву, а саму концепцию «гармоничного мира» включили в «Совместное заявление Китая и России о международном порядке века», которое характеризуется как консенсус между двумя странами²⁵³. В сентябре Ху Цзиньтао дал всестороннее пояснение термина «гармоничный мир» в своей речи «Стремление построить гармоничный мир прочного мира и общего процветания»²⁵⁴. Основные тезисы доклада: «поддержание демократии и равенства, достижение координации и сотрудничества; поддержание гармонии и взаимного доверия и достижение общей безопасности; поддержание справедливости и взаимной выгоды и достижение общего развития; поддержание терпимости и открытости и достижение цивилизованного диалога»²⁵⁵. Цель «гармоничного мира» – создать демократический, гармоничный, справедливый и инклюзивный мир.

На 17-м съезде КПК КНР отмечалось, что «будущее и судьба Китая все более тесно связаны с будущим и судьбой мира. Независимо от того, как изменится международная ситуация, правительство и народ Китая будут высоко держать знамя мира, развития и сотрудничества, проводить независимую внешнюю политику мира и придерживаться внешней политики поддержания

---

²⁵² Wang R. China's Peaceful Development and New Globalization // China's major country diplomacy: Chinese Characteristics, Connotations, and Paths. 2021. P. 143.

²⁵³ Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международном порядке в XXI веке // Kremlin . URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3660> (Дата обращения: 30.10.2023).

²⁵⁴ Го В. Чжунго Вайцзяо Даши Цзи. [Государственная сеть. Важнейшие события дипломатической истории Китая // International. URL: http://www.china.com.cn/international/txt/2009-07/28/content_18220207_7.htm.2009-07-28 (Дата обращения: 30.10.2023).

²⁵⁵ Жэньминьван Гоу Юаньсинь : Чжунго Байпи Шу [Онлайн-пресс-служба Государственного совета. Белая книга о пути мирного развития Китая] // Politics. URL: <http://politics.people.com.cn/GB/1026/3965180.html.2005-12-22> (Дата обращения: 30.10.2023).

мира во всем мире и содействия общему развитию»²⁵⁶. В докладе 17-го съезда партии предлагалась усовершенствованная концепция гармоничного мира в пяти аспектах: в политике, экономике, культуре, безопасности и окружающей среде.

Таким образом, концепция «гармоничного мира» подняла идею «мирного сосуществования» на более высокий уровень. Применение и развитие Пяти принципов мирного сосуществования составляет основу «мирного развития» внешней политики Китая.

Итак, можно сделать вывод, что с начала 2000-х годов Китай приступил к разработке концепции «мирного развития» как важнейшей составляющей своей внешней политики. Изначально предложенная видным политическим советником китайских лидеров, исследователем Высшей партийной школы Чжэн Бицзянем концепция получила дальнейшее развитие. Концепция была одобрена китайскими лидерами. Но необходимо убедить другие страны, что возвышение Китая не грозит их безопасности и развитию. Но также очевидно, что становление новой великой державы отчасти дестабилизирует привычный установленный международный порядок по многим направлениям. Данная концепция была направлена на устойчивое развитие и дальнейший подъем Китая для приобретения статуса великой державы, но только мирным путем²⁵⁷. Позднее в официальных документах термин «мирный подъем» был заменен на «мирное развитие», отчасти для успокоения общественного мнения за пределами Китая²⁵⁸.

Политика «мирного подъема» или «мирного развития» Китая содержалась в двух официальных документах по внешней политике 2005 и 2011 годов. Приоритет внешней политики определялся как смягчение внешних опасений, связанных с предполагаемой угрозой со стороны растущего Китая, с целью поддержания мирной и стабильной внешней среды, благоприятствующей экономическому развитию Китая. Следует отметить, что в этот период Китай

---

²⁵⁶ Гайгэ Кайфан Саньши Няньчжун Яовэнь Сянь Сюаньбянь [Избранные работы по важным документам за 30 лет реформ и открытости] Пекин: Центральное литературное издательство, 2008. С.17.

²⁵⁷ Zheng B. China's Peaceful Rise To Great-Power Status. // Foreign Affairs. 2005. P. 18.

²⁵⁸ China's Peaceful Development Road // China Daily. URL: http://www.chinadaily.com.cn/english/doc/2005-12/22/content_505678.htm (Дата обращения: 30.10.2023).

существенно улучшил свои отношения с внешним миром, со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, посредством расширения торгово-экономических связей и расширения взаимодействия с региональными институтами²⁵⁹.

Дальнейшее теоретическое развитие внешнеполитического курса КНР и инструментария его реализации связано с именем Си Цзиньпина. Китай остался верен пути мирного развития, но в руководящих принципах и практике китайской дипломатии определяются важные изменения. Теоретическая разработка внешнеполитического курса в комплексе с внутригосударственными идеологемами направлены при Си Цзиньпине на формирование нового внешнеполитического мышления, которое определяется как «Мирный подъем 2.0»²⁶⁰, имеет некоторые отличия:

Во-первых, приоритет защиты национальных интересов Китая. В январе 2013 года на заседании Политбюро по изучению политики мирного развития Китая в своей речи Си Цзиньпин подчеркивая приверженность Китая мирному развитию, уточнил, что Китай «будет продолжать идти по пути мирного развития, но мы не должны отказываться от наших законных прав и интересов, не должны жертвовать основными национальными интересами, ни одна страна не должна ждать, что Китай проглотит «горькие плоды», которые подрывают наш суверенитет, безопасность и интересы развития»²⁶¹.

С этого времени начинается системное употребление понятия защиты национальных интересов Китая в выступлениях Си Цзиньпина по внешнеполитической повестке, что позволяет говорить о качественно новом этапе в развитии стратегии. В этой связи необходимо отметить первенство Китая в позиционировании национальных интересов и внешней политики в контексте

---

²⁵⁹ Joshua K. How China's Soft Power is Transforming the World // New Haven, CT: Yale University Press, 2007. P. 13.

²⁶⁰ Araszkievicz A. The Concept of China's Peaceful Rise and Offensive Realism // Przegląd Strategiczny. 2021. №. 14. P. 297.

²⁶¹ Си Цзиньпин цзай чжунгонг чжуньян чжэнчжиджу ди сан чи джей сюэсиши цяньдяо гэнхао тунчоу гуонэй гоци лянге даджу, ханши цзоу хэпин фажань даолу де цзичу [Си Цзиньпин подчеркнул на 3-м учебном заседании Политбюро необходимость координации внутренней и международной стратегической ситуации, создания прочной основы для продвижения по пути мирного развития], People's Daily, January 30, 2013. <https://m.gmw.cn/baijia/2021-06/27/34952499.html> (Дата обращения: 30.10.2023).

политики мирного развития. Анализ документов, и прежде всего заявлений Си Цзиньпина, показывают приоритет национальных интересов и неготовность Китая жертвовать ими ради поддержания мира. В качестве примера, следует привести речь Си Цзиньпина перед делегацией Народно-освободительной армии Китая на сессии Всекитайского собрания народных представителей в начале 2014 года «Мы страстно желаем мира, но в любое время и при любых обстоятельствах мы не откажемся от защиты наших законных национальных интересов и прав и не поступимся нашими основными национальными интересами»²⁶². Данный факт говорит о переносе акцента на приоритеты национальных интересов.

Заявления лидера ориентировали китайских ученых на переосмысление понятия «мирное развитие». Таким образом, политика мирного развития Китая концептуально означает исключение конфликтов вообще, но в случае возникновения конфликтов между КНР и другими странами, они не изменят общий тренд КНР на мирный характер развития.

Озабоченность внутриполитическими проблемами мирного развития Китая в последние годы существует параллельно с негативными внешнеполитическими проявлениями (например, спорах об островах в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях)²⁶³, со сложной динамикой системы международных отношений. Отдельные эксперты считают, что предшествовавший осторожный подход Китая не смог создать стабильную и благоприятную внешнюю среду²⁶⁴, поэтому можно допустить, что в будущем он станет проявлять более жесткую линию в спорных ситуациях с другими странами. Сама концепция «национальных интересов» КНР также существенно расширилась: от интересов безопасности (внутренних и внешних) до «интересов развития». Таким образом, отдавая

---

²⁶² Си Цзиньпин подчеркивает важность создания сильной армии и защиты основных интересов [Xi Jinping emphasizes building up a strong military and protecting 'core interests'], BBC Chinese net. URL: <http://www.bbc.co.uk/zhongwen/simp/china/2014/03/140312> (Дата обращения: 30.10.2023).

²⁶³ Пинлунь Ч. Чжунго Дэхэ Пинцзюэ Цичжэн Цэбуин Чэнвэйсянь Чжичжун Гоцзай Наньхай Вэйху Ци Цюань И Дэ Нули Дэцзинь Шэньи [Комментарий утверждает, что политика мирного подъема Китая не должна быть смиренной рубашкой, ограничивающей усилия Китая по защите своих прав и интересов в Южно-Китайском море] // Mil news. URL: <http://mil.news.sina.com.cn/2011-06-27/0849654058.html> (Дата обращения: 30.10.2023).

²⁶⁴ For example, see Yan Xuetong, 'From Keeping a Low Profile to Striving for Achievement'.

приоритет экономическому развитию, любые угрозы национальным интересам в чем бы они не выражались получают решительный ответ²⁶⁵.

Структурно и содержательно национальные интересы Китая дополняются возросшим экономическим присутствием и влиянием Китая за рубежом, чему способствует стратегия Китая «выйти на глобальный уровень». В 2012 году Китай располагал более 2 триллионами долларов США зарубежных активов, общий объем накопленных прямых иностранных инвестиций составлял 500 миллиардов долларов США. Министр иностранных дел Ван И заявлял, что защита такого «оффшорного Китая» составляет «важную» часть общих национальных интересов Китая, становится основной задачей внешней политики Китая²⁶⁶, что безусловно осложняет отношения Китая с другими странами.

Следующая специфическая характеристика «мирного подъема 2.0» заключается в том, что в основе лежит взаимность, взаимные обязательства других стран²⁶⁷ – то есть «не только Китай должен придерживаться пути мирного развития, но и другие страны также должны взять на себя обязательство следовать по пути мирного развития», и тогда «страны мира смогут мирно сосуществовать». Китай определяет необходимость ответной стратегии других стран.

Можно сделать вывод, что Си Цзиньпину удалось переформатировать характер и цель политики «мирного развития» Китая. Такое требование взаимных стратегических гарантий было и явно, и косвенно подчеркнуто в ряде других выступлений Си Цзиньпина и других китайских лидеров на различных важнейших международных форумах. Например, в речи, произнесенной на Азиатском форуме в Боао в апреле 2013 года, Си Цзиньпин призвал все страны «работать вместе для поддержания мира», настаивая на том, что международное

---

²⁶⁵ Zhu X. *China's Peaceful Rise: A Necessary Path with Challenges* // 6th International Conference on Humanities and Social Science Research. Atlantis Press, 2020. P. 81.

²⁶⁶ Wang Yi, 'Jianding buyi zou heping fazhan daolu, wei shixian minzu fuxing zhongguo meng yingzao lianghao guoji huanjing' [Insisting on a peaceful development road and creating a favourable external environment conducive to the realization of the Chinese dream of national rejuvenation], *Guoji wenti yanjiu* [International Studies], no. 1.

²⁶⁷ Wang Yiwei, 'Zhongguo heping jueqi bingfei jinguzhou, qianti shi bieguo yeyao heping'.

сообщество должно сотрудничать, чтобы превратить «глобальную деревню в большую сцену для общего развития, а не арену, где гладиаторы сражаются друг с другом». В частности, прозвучало предостережение – «никому не следует позволять ввергать регион и более того весь мир в хаос ради эгоистичной выгоды»²⁶⁸.

Можно предположить, что предупреждение направленно против дестабилизирующих действий США в регионе²⁶⁹. Развитие данной концепции можно увидеть в выступлении Премьер-министра Китая Ли Кэцзяна в 2014 году, где прозвучал призыв к созданию «азиатского сообщества общей ответственности». Тем самым утверждалось, что все азиатские страны должны выполнять свои «надлежащие обязанности» в целях поддержания регионального мира и стабильности²⁷⁰.

«Мирный подъем 2.0» отличает скоординированный подход к выработке стратегии по созданию и формированию стабильной внешней среды, которая послужит внутреннему развитию Китая. Это новый акцент Си Цзиньпина – «проектирования на высшем уровне» при разработке внешней политики. Подчеркивается необходимость учета разработки внешнеполитической стратегии при стратегическом планировании и координации на национальном уровне. Американский журнал *The National Interest* в сентябре 2013 года опубликовал статью члена Госсовета Китая по иностранным делам Ян Цзечи, который отметил с приходом к власти нового лидера новую тенденцию – во внешнеполитической практике Китая – «усиление планирования на высшем уровне и среднего – к долгосрочному стратегическому планированию»²⁷¹.

---

²⁶⁸ Working Together Toward a Better Future for Asia and the World // Boaforum. URL: <http://english.boaforum.org/mtzxxwz xen/7379.jhtml> (Дата обращения: 30.10.2023).

²⁶⁹ Zachary K, Did Xi Jinping Really Rebuke North Korea? // Diplomat, URL: <http://thediplomat.com/2013/04/did-xi-jinping-really-rebuke-north-korea> (Дата обращения: 30.10.2023).

²⁷⁰ Full Text of Li Keqiang's Speech at Opening Ceremony of Boao Forum // China Daily. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2014-04/11/content_17425516.htm. (Дата обращения: 30.10.2023).

²⁷¹ Implementing the Chinese Dream, National Interest // National Interest. URL: <http://nationalinterest.org/commentary/implementing-the-chinese-dream-9026> (Дата обращения: 30.10.2023).

В целях регламентации системы разработки и осуществления внешней политики после 18-го съезда КПК в ноябре 2012 года, по словам Яна Цзечи, новое руководство предложило новые меры для обеспечения «целостного подхода» и к системе управления дипломатическими вопросами. Речь шла о необходимости применения принципов планирования и координирования при разработке различных уровней политики и с участием различных акторов с целью большей эффективизации внешней²⁷².

В качестве доказательства такого сформированного подхода можно привести рабочее совещание по «периферийной дипломатии». «Рабочая конференция по периферийной дипломатии» состоялась 24-25 октября 2013 года, впервые после 1949 г., на ней присутствовали все семь членов Постоянного комитета Политбюро, руководители провинций, высокие должностные лица из различных ведомств центрального правительства, в том числе МИДа, органов государственной безопасности, финансовых учреждений, ключевых государственных предприятий. На конференции выступил Си Цзиньпин, который изложил актуальность и перспективные направления китайской дипломатии. В принятых документах на ближайшие 5-10 лет определялись стратегические цели, основные принципы и конкретные планы китайской «периферийной дипломатии»²⁷³. Также Си Цзиньпин призвал в целях создания общей благоприятной внешней среды активизировать отношения Китая с соседними странами. Предложение было реализовано в решениях 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва в ноябре 2013 года путем организации Комиссии по национальной безопасности (СНБ) для «совершенствования систем и стратегий национальной безопасности страны». Как считает китайский ученый Лу Ган, создание такой комиссии – СНБ имело большое значение для реформирования системы управления внешней политики и политики безопасности, которые в тот момент не

---

²⁷² Implementing the Chinese Dream, National Interest // National Interest. URL: <http://nationalinterest.org/commentary/implementing-the-chinese-dream-9026> (Дата обращения: 30.10.2023).

²⁷³ Decision of the Central Committee of the Communist Party of China on Some Major Issues Concerning Comprehensively Deepening the Reform // China Daily. URL: http://www.china.org.cn/china/third_plenary_session/2014-01/16/content_31212602.htm (Дата обращения: 30.10.2023).

имели координационного центра, наблюдалось дублирование функций и полномочий²⁷⁴.

Эволюция новой концепции «общих перспектив национальной безопасности», предложенная Си Цзиньпином, продолжена на первом заседании СНБ в апреле 2014 года. Отмечая, что в настоящее время Китай находится в более сложных условиях, Си Цзиньпин заявил, что при принятии решений по вопросам национальной безопасности СНБ необходимо учитывать новые и традиционные вызовы и угрозы как внутри, так и во внешней среде. Сформулированная концепция «общих перспектив национальной безопасности» имела большое значение при формулировании задач по разработке «пути обеспечения национальной безопасности с учетом китайских особенностей»²⁷⁵.

Еще одним новым дополнением в дискурс внешнеполитического мышления следует считать предложенный Си Цзиньпином тезис «стремление к лучшему, но подготовка к худшему». В понимании Китая это жесткое отстаивание своих национальных интересов путем установления так называемой «красной черты» для других стран. С этого момента можно отметить изменившийся тон заявлений лидера и официальных лиц. В качестве примера – изменившийся подход КНР к отношениям с КНДР. В течение долгого времени, даже в случае провокационных действий Пхеньяна, из Пекина звучала весьма корректная критика действий Кореи²⁷⁶. Но в начале 2013 года после третьего ядерного испытания Северной Кореей, в МИД КНР впервые официально пригласили посла КНДР в Пекине, чтобы выразить несогласие КНР по случаю испытания. Ван И, тогда новый министр иностранных дел Китая отметил, что Китай «выступает против любых провокационных слов и действий любой стороны в регионе и не допускает

---

²⁷⁴ Гоцзя Аньцюань Вэйюань Хуэйтуй Дунвай Цзяочжэн Цэцзюэ Цэ Гайгэ [Комиссия национальной безопасности продвигает реформы в процессе принятия внешнеполитических решений] // Пекин: Пекинская Газета. 2013.Р. 36.

²⁷⁵ Сицзинь Пин : цзяньчи Чжэнти Гоцзя Аньцюань Гуаньцзоу Чжунго Тэсэ Го Цзя Аньцюань Даолу [Си Цзиньпин: настаивая на общих перспективах национальной безопасности, идя по пути национальной безопасности с китайскими особенностями], Xinhua Net, 2014. С. 13.

²⁷⁶ Mastro O. S. Why China won't rescue North Korea: What to expect if things fall apart // Foreign Affairs. 2018. №. 1. P. 58.

создания проблем на пороге Китая»²⁷⁷. Такое заявление КНР в адрес КНДР было правильно воспринято мировым сообществом. Такое же мнение Ван И озвучил на своей пресс-конференции на ежегодной сессии Всекитайского собрания народных представителей в начале 2014 года: «красная линия» Китая в отношении ситуации на Корейском полуострове заключается в том, что «мы не допустим войны или нестабильности на Корейском полуострове»²⁷⁸. Отсутствие визитов или встреч между высшими руководителями двух стран свидетельствует об отсутствии важного этапа дипломатических отношений.

Выдвинутая идея «стремления к лучшему, но подготовка к худшему» во внешнеполитическом курсе выразилась прежде всего в формировании четкого, если не сказать жесткого, подхода КНР к территориальным спорам с другими странами в Восточно- и Южно-Китайском морях. С этого периода формируется бескомпромиссная позиция Китая в отношении собственной территориальной целостности²⁷⁹. Например, премьер-министр Ли Кэцян, в 2014 году выступая на Азиатском форуме в Боао, отметил стремление КНР мирным путем урегулировать спорные вопросы по Южно-Китайскому морю, но в то же время заявил «мы будем твердо реагировать на провокации», и «мы, китайцы, верим в то, что за доброту нужно отвечать добротой, а за проступки – справедливостью»²⁸⁰. Таким образом, проведена «красная линия» в споре по Южно-Китайскому морю для других претендентов с предупреждением не предпринимать провокационных действий²⁸¹.

Необходимо отметить, что демонстрируемая жесткая позиция Пекина вызвала серьезную озабоченность на международной арене, но в то же время

²⁷⁷ Chinese FM, UN Chief Discuss Korean Peninsula Tensions // Xinhua. URL: http://news.xinhuanet.com/english/china/2013-04/06/c_132288307.htm (Дата обращения: 30.10.2023).

²⁷⁸ R China Draws Red Line on North Korea, Says Won't Allow War on Peninsula // Reuters. URL: <http://uk.reuters.com/article/2014/03/08/uk-korea-north-china-idUKBREA2703T20140308> (Дата обращения: 30.10.2023).

²⁷⁹ Суньдун Фан. Жухэ Лицзе Цзяньчи Хэпин Фачжань Даолу [Как понимать придерживаться пути мирного развития] // Xinhua, 2019. С. 111.

²⁸⁰ Andrew B. Chinese Premier Li Warns Southeast Asia Nations Against Provocation // Wall Street Journal, 2014. P. 17.

²⁸¹ Наньхай Дэтяо Синь Кэньдин Хуэйи Го Дуань Дэ Фан Ши Дэ Дао Хуэй Ин [На провокации в Южно-Китайском море, безусловно, будет дан решительный ответ], People's Daily. URL: http://paper.people.com.cn/rmrbhwb/html/2014-04/11/content_1413618.htm (Дата обращения: 30.10.2023).

определенная решимость Китая защищать свои национальные интересы в международных делах на практике снизила общую стратегическую неопределенность.

Вывод. Таким образом, можно сделать вывод, что внешнеполитический курс КНР существенно трансформируется под влиянием как внутренних, так и внешних обстоятельств. Трансформация представляет собой сложный процесс и нуждается в отдельном исследовании. Теоретическую основу внешнеполитического курса составляют основные концепции внешней политики КНР, которые корректировались на каждом историческом этапе, имеют свою структуру приоритетов и связаны с деятельностью китайских лидеров. Совокупность национальных ресурсов составляет потенциал страны, который и обеспечивает установки и реализацию внешнеполитических установок. В 1978 г. на III Пленуме ЦК КПК одиннадцатого созыва заложена основа исторического поворота и в дальнейшем развитии КНР, и в модернизации внешнеполитического курса – курс «четырех модернизаций», таким образом, начинается разработка теоретической основы современного внешнеполитического курса с учетом международной ситуации.

Лидер КПК Си Цзиньпин внес значительные изменения во внешнеполитическое мышление высшего руководства и реализуемый внешнеполитический курс КНР. Под руководством Си Цзиньпина китайская дипломатия реализовывала качественно новый этап, названный «Мирный подъем 2.0». Главной целью «Мирного подъема 2.0» объявлено обеспечение мирной внешней среды, которая будет способствовать подъему и устойчивому развитию Китая. Перенесенный акцент Си Цзиньпином на защиту национальных интересов Китая демонстрирует иную позицию Китая на международной арене. Национальная безопасность, национальные интересы КНР становятся важным вектором функционирования китайской дипломатии, направленным на стратегическое взаимодействие в этом направлении с другими странами. Внешнеполитическая повестка, которая может влиять на экономическое развитие

Китая, ресурсное обеспечение и национальную безопасность будет осмысливаться как национальный интерес государства. Растущее экономическое присутствие Китая за рубежом также дополняет новыми элементами национальный интерес Китая.

Новое позиционирование КНР на международной сцене, исчезнувший с политической карты мира СССР, нарушенный баланс сил, обострение многих конфликтов, возвышение новых стран и центров силы определили ряд особенностей в процессе формирования новой модели международных отношений. Новая политическая международная ситуация оказалась неожиданной для международного сообщества и теоретического быстрого осмысления и описания происходящего. Сегодня продолжается формирование новой модели миропорядка. Успех многополярности зависит от договороспособности великих держав, их союзников, от умения находить компромиссы между национальными интересами и глобальной задачей по обеспечению мира и безопасности.

Таким образом, необходимо отметить, что после разрушения биполярной системы международных отношений начался новый этап – этап становления новой модели международных отношений, который продолжается и характеризуется обострением старых конфликтов, появлением новых конфликтов и отсутствием общих базовых ориентиров предпочтительного будущего, неготовностью международного сознания к новой политической ситуации.

Тенденции в процессе формирования архитектуры глобальной системы международных отношений зависят от многих факторов, но прежде всего от роли стран – великих держав, от складывающихся новых блоков сил. Наличие взаимосвязи и зависимости национальных интересов и общей задачей мирового сообщества по обеспечению мира и глобальной безопасности может служить здоровой основой формирования новой модели отношений, новой глобальной системы международных отношений.

3.2. Особенности внешнеполитической стратегии КНР в современных политических условиях: основные направления и проблемы

Происходящая в условиях современной глобализации трансформация глобальной системы международных отношений существенно актуализирует задачу осмысления происходящих изменений, особенно это касается роли России, Китая, США, стран «больших экономик», региональных лидеров, ищущих новые форматы вхождения в мировую политику и экономику. Новый формат взаимодействия между ведущими развивающимися странами, создание новых международных организаций, блоков свидетельствуют о формировании стратегического вектора нового сотрудничества.

Более чем 40- летний период реформ и открытости КНР демонстрирует ее возрастающую экономическую, военную и технологическую мощь. Современный Китай – это сверхдержава и ключевой игрок на международной политической арене. Новые характеристики государства находят отражение в его внешнеполитической стратегии, в комплексе реализуемых в этом направлении мер. Об активизации КНР в глобальной системе мировых связей свидетельствует, например, и прошедший первый саммит Китай – Центральная Азия, состоявшийся в Сиане 18 – 19 мая 2023 г. с участием КНР и руководителей центральноазиатской «пятерки».

Совершенно очевидно, что преемственность и устойчивость китайской дипломатии будут укрепляться и всегда будут готовы отвечать на вызовы и угрозы развития китайской нации.

До рассмотрения внешнеполитического курса КНР и особенностей реализуемой политики в современных геополитических условиях, необходимо отметить такой важный факт, как влияние политической элиты США, которая не только формирует внешнеполитическую стратегию США, но и при сохранении политического и экономического влияния США стремится влиять на мировую политику в целом, определяя национальные стратегии многих государств. США не отказались от попытки реализации модели однополярного мира, в которой им принадлежит господство и контроль.

В этой связи необходимо отметить, что китайская политическая элита руководствуется политическими традициями своего государства, всем опытом решения внутренних и внешних политических задач. Тренд китайской дипломатии, механизмы реализации строятся на основе понимания факторов и причин сложившейся ситуации, на основе идеологии переосмысления происходящего в контексте всего спектра национальных интересов Китая и на основании документов КПК. Эффективность внешней политики КНР определяется успешностью реализуемой концепции и ее влиянием на экономический потенциал страны с целью повышения качества жизни населения.

Аспект влияния китайской политической элиты на международные отношения является важным и остается мало изученным. Политические практики КНР в разрезе распределения и реализации власти, в формировании и принятии важнейших стратегических внешнеполитических решений и их влияния на мировую политику, значение влияния политического лидера – Си Цзиньпина представляют несомненный интерес и научную значимость.

Этап трансформации мировой политической системы – это сложный этап для всех элементов данной системы. Изменяются сами элементы, их связи, отношения, зависимости. Система приоритетов политической элиты и собственно внешней политики КНР сохраняет идеологическую основу КПК и свою ответственность и политическую волю в рамках мирового политического процесса, как часть мировой политической элиты за мир, международную

безопасность, устойчивое развитие. Эволюция внешнеполитического курса рассматривалась в предыдущем параграфе нашей работы.

Теперь сфокусируем наш исследовательский взгляд на влиянии политической элиты на формирование внешнеполитического курса новейшего периода. Как показывают документы, есть все основания утверждать, что внешнеполитическая стратегия КНР сохраняет свою идеологическую основу и китайскую специфику.

На рабочем совещании по вопросам иностранных дел 29 ноября 2014 года, то есть практически в начале пути, сразу после занятия поста Председателя КНР, Си Цзиньпин сказал: «Китай должен иметь собственную национальную дипломатию со своими характеристиками, мы должны сделать иностранную работу нашей страны с отличительной китайской спецификой, китайским стилем и китайским духом»²⁸².

Анализ докладов Си Цзиньпина на XIX и XX съездах КПК позволяет отмечать неизменность нейтральной позиции КНР, основа которой в том, что какого бы уровня в своем развитии ни достиг Китай, он никогда не станет претендовать на положение гегемона, никогда не будет проводить политику экспансии²⁸³; его развитие будет способствовать укреплению мира на планете. Китай будет стремиться поддерживать мир и стабильность во всем мире, способствовать общему развитию, предпринять более решительные меры для защиты национального суверенитета, безопасности и интересов развития, и в результате, будет стремиться содействовать «сообществу единой судьбы человечества».

В докладе Си Цзиньпина на XIX-ом съезде КПК внешнеполитический вектор сформулирован так: «Неизменно идти по пути мирного развития, стимулировать создание сообщества единой судьбы человечества»²⁸⁴; в докладе

---

²⁸² http://www.xinhuanet.com/politics/2014-11/29/c_1113457723.htm (Дата обращения: 30.10.2023).

习近平中央外事工作会议发表重要讲话新华网 2014.11.29 Си Цзиньпин принял участие в центральном рабочем совещании по вопросам иностранных дел и выступил с важной речью – Агентство Синьхуа

²⁸³ XX съезд КПК КНР. URL: <https://www.12371.cn/special/lcddh/> (Дата обращения: 30.10.2023).

²⁸⁴ Отчетный доклад на 19-м съезде КПК, 2017. <http://ru.china-embassy.org/rus/ztbd/19sjd/t1507487.htm> (Дата обращения: 30.10.2023).

на XX –м съезде – «Содействовать миру и развитию на планете, стимулировать построение сообщества единой судьбы человечества»²⁸⁵.

16 октября 2022 года на XX съезде КПК КНР Си Цзиньпин выступил с докладом «Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, сплоченно бороться за всестороннее строительство модернизированного социалистического государства». В целом, риторика XX съезда КПК, на наш взгляд, свидетельствует об активизации внешнеполитического курса КНР. Возрастающая активность внешнеполитического курса КНР является важной и главной особенностью китайской дипломатии на современном этапе. Современный Китай – важный игрок в системе мировой политики.

Съезд подвел итоги за прошедшие пять лет, а его решения, как и ожидали, имеют большое международное значение с точки зрения внешнеполитического курса. Главным вопросом в дни съезда для всех наблюдателей оставался «изменится ли направленность внешнеполитического курса КНР»?

В докладе неоднократно отмечается позиция КНР по поддержанию стабильной международной системы, на основе международного права, подчеркивается роль Организации Объединенных Наций: «Китай будет решительно защищать систему международных отношений, ядром которой является Организация Объединенных Наций, охранять миропорядок, в основе которого лежит международное право, отстаивать основные нормы международных отношений, базирующиеся на целях и принципах Устава ООН. Китай выступает против любых форм унилатерализма, противостоит созданию блоков или эксклюзивных группировок против определенных стран»²⁸⁶. Уделяя большое значение роли ООН в международном порядке, подчеркивается деятельность Совета Безопасности ООН как специализированного учреждения ООН с правом принятия мер для сохранения мира во всем мире. Функционал СБ ООН препятствует попыткам США продвигать однополярный мир. Необходимо отметить, что Китай и Россия неоднократно демонстрируют общую позицию,

---

²⁸⁵ Отчетный доклад на 20-м съезде КПК, 2022.

²⁸⁶ XX съезд КПК КНР. URL: <https://www.12371.cn/special/lcddh/> (Дата обращения: 30.10.2023).

противостоят агрессивным планам США, что конечно не нравится западным противникам. В целях нейтрализации права вето и для решения собственных политических задач США пытались на 77-й Генеральной Ассамблее ООН проташить предложение о праве вето при одном голосе из пяти. США преследует цель ослабления ООН и в идеале произвести замену функционала СБ ООН на НАТО и «AUKUS». Как известно, 14 сентября 2021 года подписано соглашение о сотрудничестве в рамках создаваемого «AUKUS» между Австралией, Великобританией и США, что способствует милитаризации Азиатско-Тихоокеанского региона. Так, в нарушение договоров о нераспространении и вооружениях в рамках ООН Австралии предоставлено право использования американских технологий США для строительства атомных подводных лодок.

Прежняя дипломатическая осторожность, уступчивый характер внешнеполитической позиции имеют объяснение: Китай отставал в экономическом развитии, нуждался в технологиях, инвестициях и управленческом опыте западных стран, а также, чтобы после резко ухудшившихся отношений с Советским Союзом и чтобы не оказаться в дипломатической изоляции, государство активно развивает западный вектор, отношения с западными странами выходят на качественно иной уровень. Данный этап внешнеполитической деятельности КНР так охарактеризован Дэн Сяопином в его знаменитой «формуле из 28 иероглифов»: «выжидать в тени, вести себя скромно, и никогда не претендовать на лидерство» (冷静观察、稳住阵脚、沉着应付、韬光养晦、善于守拙、决不当头)²⁸⁷.

Современная активизация внешнеполитического курса напрямую связана с именем и лидерскими качествами и особой ролью в политической жизни страны Генерального секретаря Си Цзиньпина. Личность политического лидера мы рассмотрим отдельно.

---

²⁸⁷ 邓小平第三卷开放政策稳定中国希望 321页 人民出版社 2001.04 Дэн Сяопин. Избранные произведения том 3 Политика реформ и открытости стабильна, Китай возлагает большие надежды страница 321 Народное издательство страница Selected Works of Deng Xiaoping: Vol. III The reform and opening-up policy is stable, and China has great hope People's Publishing House

Следует выделить еще один фактор, способствующий активизации внешнеполитического курса – это необходимость внимания и защиты распространенных во многих странах мира экономических интересов Китая (КНР – вторая экономика мира), что переформатировало содержание внешней политики на: «осмелиться бороться, только через борьбу мы можем по-настоящему завоевать внимание и уважение наших противников». Выдвинутый в докладе на XX-ом съезде КПК тезис: «Мы должны развивать дух борьбы, проявлять нестигаемую волю к противостоянию политике силы, защищать национальное достоинство и коренные интересы Китая в борьбе, твердо удерживать в своих руках инициативу в собственном развитии и обеспечении безопасности страны»²⁸⁸.

Для Китая всегда важен анализ внешней среды, текущей политической ситуации как важного условия при разработке стратегии. Длительное время позицию Китая по международной ситуации характеризовали формулировкой, предложенной в 1985г. Дэн Сяопином – «Мир и развитие являются основной темой нынешней эпохи». Данная характеристика отношения к внешней среде и принципу внешней политики долгое время оставалась на повестке, формулировка «Мир и развитие являются основной темой нынешней эпохи» включалась в доклады съездов КПК, начиная с XIII съезда. В докладе на XIX-ом съезде КПК в 2017 г. отмечается «Мир и развитие по-прежнему являются основной темой нынешней эпохи»²⁸⁹.

Новая характеристика окружающей среды, стратегических «шансов и рисков», факторы неопределенности, событий как «черный лебедь» и «серый носорог»» появляются в докладе на XX съезде КПК, китайской стороной представлен анализ сложившейся международной политической ситуации: «Притеснение слабых, насильственное ограбление, игра с нулевой суммой и другие формы гегемонии, деспотизма и травли причиняют миру огромный вред,

²⁸⁸ XX съезд КПК 高举中国特色社会主义伟大旗帜为全面建设社会主义现代化国家而奋斗 在中国共产党第二十次全国代表大会上的报告 第60页 人民出版社 2022.10 第版

Высоко неся великое знамя социализма с Китайской спецификой, сплоченно бороться за всестороннее строительство модернизированного социалистического государства-Доклад на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая, Си цзиньпин, Народное издательство (Первое издание), С. 60.

²⁸⁹ XIX съезд КПК КНР. URL: <https://www.12371.cn/special/lcddh/> (Дата обращения: 30.10.2023).

усугубляются дефицит мира, дефицит развития, дефицит безопасности и дефицит управления. Человеческое общество столкнулось с небывалыми вызовами»²⁹⁰. В докладе перечислены факторы негативного влияния на среду: COVID-19, риски неопределенности, попытки НАТО на расширение на Восток, территориальные конфликты и споры, в том числе в Южно-Китайском море, вторжение международных террористических организаций в Синьцзяне и др. Таким образом, зафиксировано изменение внешней среды Китая, равное ее ухудшению. Наличие данных факторов, необходимость нового позиционирования КНР на международной арене потребовали нового содержания в определении внешнеполитического курса: «Мы обязательно должны повышать бдительность против всевозможных бед, всегда быть готовыми к худшему сценарию, думать о потенциальных опасностях в условиях спокойной жизни и заблаговременно принимать меры предосторожности, быть готовыми выдержать суровые испытания, будь то чрезвычайно серьезные или даже катастрофические риски и вызовы»²⁹¹. Таким образом, сегодня Китай не только анализирует внешнюю среду как негативную для своего развития, но и демонстрирует готовность к действиям в связи с возможным дальнейшим ухудшением. Но одновременно Китай декларирует свой главный принцип – «принцип защиты национальной безопасности во всех аспектах и во всем процессе партийной и государственной деятельности, чтобы надежно обеспечить безопасность страны и стабильность в обществе»²⁹².

Любопытно отметить, что в общей структуре доклада на XX съезде внешнеполитическая часть занимает менее 5% текста. Но и в таком коротком по объему тексте удалось показать особенность китайской внешнеполитической работы – взаимосвязанность внутренней и внешней политики: «мы неуклонно ставили интересы государства превыше всего, уделяли приоритетное внимание

---

²⁹⁰ Там же.

²⁹¹ Отчетный доклад на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая 16.10.2022 // URL: <https://ru.theorchina.org.cn/c/2022-10-26/1451417.shtml> (Дата обращения: 30.10.2023).

²⁹² там же

внутренней политической обстановке»²⁹³. Любопытный факт приводят исследователи текста: весь доклад содержит 32 589 слов, а его четырнадцатая часть, описывающая внешнюю политику Китая, составляет всего 1616 слов. Можно предположить, что данный факт служит доказательством снижения активности китайской дипломатии. Однако это маловероятно в контексте общей внешнеполитической стратегии страны и направления на продолжение развития. Небезынтересен в докладе Генерального секретаря и еще один факт – рассмотрение инициативы «Один пояс – один путь» сугубо в экономической сфере. Зафиксировано: «ускоренными темпами формировать новую архитектуру развития, сосредоточивать усилия на содействии высококачественному развитию»²⁹⁴.

Необходимо отметить, что на XX съезде КПК Си Цзиньпином определены конкретные перспективные направления китайской дипломатии: «Китай будет способствовать выявлению еще более эффективной роли ВТО, АТЭС и других многосторонних механизмов, расширять влияние БРИКС, ШОС и других механизмов сотрудничества, увеличивать представительность и право голоса стран с формирующимся рынком и развивающихся стран в международных делах»²⁹⁵. В то же время разъясняется, что в случае возникновения новых трудностей во внутренних вопросах, дипломатическая деятельность Китая также подвергнется краткосрочному стратегическому сокращению.

В современных политических условиях КНР активно выступает за сохранение ООН, реформирование существующих международных организаций с целью усиления их роли и расширения права голоса развивающихся стран. Многие организации демонстрируют наличие в них руководящей роли США и западных стран, неспособность к урегулированию споров, например, ВТО и другие. В данной связи необходимо отметить позицию КНР противодействовать гегемонии и политике силы – «Категорически выступать против любых форм

---

²⁹³ там же

²⁹⁴ Отчетный доклад на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая 16.10.2022 // URL: <https://ru.theorchina.org.cn/c/2022-10-26/1451417.shtml> (Дата обращения: 30.10.2023).

²⁹⁵ <https://www.12371.cn/special/lcddh/> (Дата обращения: 30.10.2023).

гегемонизма и политики силы, против менталитета холодной войны, вмешательства во внутренние дела других стран и применения двойных стандартов»²⁹⁶. Данный вектор внешнеполитической стратегии КНР является магистральным для китайской дипломатии. Практическая реализация внешнеполитическим ведомством КНР этого принципа отражается в отношениях с США, которые развязали торговую войну, ввели технологическую блокаду Китая и выражают поддержку сепаратистским силам Тайваня. В ответ КНР ввел ответные санкции и произвел военные учения у берегов Тайваня. США преследуют цель ослабить КНР по всем направлениям: экономически, технологически, военно. Об этом свидетельствуют созданные Индо-Тихоокеанская экономическая структура и технологический альянс «Chip 4» (+Япония, РК и Тайвань).

Таким образом, можно констатировать, что внешнеполитический курс КНР направлен на снижение давления извне, против политики протекционизма, против гегемонии, «разрыва цепочек», против введения односторонних санкций.

Как уже отмечалось, активизация внешнеполитического курса напрямую связана с именем политического лидера КНР – Генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпином. Роль личности Си Цзиньпина для китайской политической истории сложно переоценить, его личное влияние на китайскую дипломатию беспрецедентно и продолжает возрастать. Си Цзиньпин осуществляет непосредственное научно-теоретическое руководство внешнеполитическим ведомством, именно ему принадлежит разработка идеологических и теоретических основ внешнеполитической стратегии. Следует также уточнить внесенные Си международные инициативы. Председатель КНР Си Цзиньпин призвал содействовать установлению нового типа международных отношений, для чего выдвигается ряд международных инициатив: на Генеральной Ассамблее ООН в 2015 году – концепция «сообщество человеческой судьбы», на Генеральной Ассамблее ООН в 2021г. «Глобальная инициатива развития», на

---

²⁹⁶ <https://www.12371.cn/special/lcddh/> (Дата обращения: 30.10.2023).

Боаоском азиатском форуме на Хайнане в 2022 г. – «Глобальная инициатива безопасности». Также обосновывается необходимость научного подхода к политическим действиям.

Выдвинутый Си Цзиньпином тезис «Демократия – это не прерогатива одного какого-либо государства, а право народов всех стран» доказывает нейтральную позицию КНР и ее направленность к модели многополярности в развитии мира и цивилизаций, признавая таким образом и широкий спектр возможных модернизационных процессов. Внешнеполитическая позиция КНР, сформированная под руководством Си Цзиньпина, имеет большое положительное значение для обеспечения стабильности в мировой политике, особенно в современных политических условиях. Поэтому можно констатировать, что в период руководства Си Цзиньпина КНР обеспечивает сохранность содержания внешнеполитического вектора, высокопрофессиональный кадровый потенциал в МИДе КНР, в том числе на внешнем контуре. Личность Си Цзиньпина, его профессиональные качества как политического лидера, личностные качества, политический опыт и особенности его формирования, а также учет и оценка текущей ситуации будут напрямую влиять на формирование внешнеполитического курса Китая как в краткосрочной, так и долгосрочной перспективе. Дипломатическая мысль Си Цзиньпина, ее научная основа в сочетании с традиционной китайской компонентой в условиях трансформирующегося миропорядка представляют отдельное научное направление исследований.

Эволюция внешнеполитического курса КНР доказывает его активизацию, изменилась роль и место Китая на международной арене, региональный и глобальный подъем Китая не вызывают сомнений. Китай не только является одним из центров силы, его влияние сопоставимо с международным влиянием США, но что особенно важно – КНР выступает за реализацию концепции «Сообщества единой судьбы человечества», за формат мироустройства на принципах мирного сосуществования.

В рамках нашего исследования невозможно исследовать все векторы внешнеполитического курса Китая, мы решили остановиться на политике Китая в Африке как важном векторе внешнеполитической стратегии КНР (на основе кластерного анализа). Необходимо сразу отметить системность политики КНР в Африке в последнее десятилетие и реализуемую ими модель на основе общности отошения китайцев и африканцев к западному миру, то есть они выступают вместе против западного мира. Данная модель демонстрирует китайский политический и экономический прагматизм, она не имеет цель выкачивания ресурсов с континента, о чем свидетельствует статистика китайских инвестиций.

Взаимоотношения Китая и африканского континента имеют длительную историю. Начиная с путешествий Чжэн Хэ торговая и одновременно с этим внешнеполитическая деятельность китайского государства имела четко направленную политику западного вектора, как одного из основных, который с точки зрения Китая обозначает не только Запад в общепризнанной нынешней трактовке, но запад по отношению к самому Китаю. Данное направление политики Китая во многом предопределили физическая география региона (Африка расположена на пути потоков товаров, инвестиций и миграции из КНР в Северную Атлантику), демографические причины (африканский регион – это территория, где абсолютно преобладает второй тип воспроизводства населения со всем комплексом последствий), ресурсный фактор (страны Африки обладают значительным количеством ресурсов – нефтью, природным газом, медью, ураном и др., которые крайне важны для дальнейшего экономического роста КНР) и наконец, политическая составляющая внешнеполитической стратегии КНР, которая заключается в продолжении действий КНР за расширение политического влияния и желание быть в качестве единого представителя Китая на мировой политической арене и дальнейшей внешнеполитической изоляции геополитических амбиций Китайской республики (Тайваня), и одновременно с этим КНР рассматривает Африку, как одну из основных геополитических арен борьбы с США за лидерство. В этой связи можно привести мнение американского

китаеведа, специалиста по африканской политике КНР Дэвида Шинна, который подчеркивает, что за последнее десятилетие у Пекина активизировались отношения со странами Африки более, чем у Тайбэя и что большинство из них считают КНР единственным представителем (например, в 2013 г. – Гамбия, в 2016 г. – Сан-Томе и Принсипи, в 2018 г. – Буркина-Фасо), то есть признают решение ООН. Министр иностранных дел КНР Ван И выразил «искреннюю надежду», что Свазиленд, последняя африканская страна, сохраняющая дипломатические отношения с Тайванем, также вскоре присоединится к «семье» сторонников Пекина²⁹⁷.

Началом современного этапа истории взаимодействий КНР и стран Африки может считаться Бандунгская конференция 1955 г., где африканские и азиатские государства сплотились единой идеей – борьба против колониализма и империализма²⁹⁸.

Существенное отличие сотрудничества КНР со странами Африки от стран Европы заключается в том, что КНР в прошлом не был метрополией по отношению к африканским колониям, и в отличие от США не увязывает политические реформы в этих странах, которые в ряде случаев могут быть преждевременными, с инвестициями, предоставлением кредитов, допуском африканских экспортеров на собственный рынок. Также КНР в отличие от иных глобальных геополитических игроков, как например, Индия, Япония, Бразилия и РФ, обладает более значительными финансовыми ресурсами и имеет четкую внешнеторговую политику, которая реализуется в виде «Морского Шелкового пути XXI века». В противовес китайской стратегии разрабатывается японо-индийская инициатива Азиатско-Африканский коридор развития²⁹⁹, осуществляется бразильское влияние (например, Бразилия является второй после

---

²⁹⁷ Дейч Т.Л. Китай в Африке: «неоколониализм» или «win-win» стратегия? // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. № 5. – С. 119-141.

²⁹⁸ Забелла А.А. Африканцы в Китае и их влияние на развитие китайско-африканских отношений // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. 2019. №1. С. 65-75.

²⁹⁹ India, Japan come up with AAGC to counter China's OBOR URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/economy/policy/india-japan-come-up-with-aagc-to-counter-chinas-obor/articleshow/58846673.cms> (Дата обращения: 30.10.2023).

Нигерии страной по численности этнически африканского населения³⁰⁰ – до 28 % населения страны на основе анализа данных ДНК³⁰¹, из-за исторического «треугольника работорговли»³⁰²), прошли два саммита «Россия-Африка»³⁰³, а также осуществляется общеевропейская внешняя политика по отношению к Африке в формате саммитов ЕС-Африка³⁰⁴. Кроме общеевропейской внешней политики по отношению к африканским странам, ряд стран Европы имеют общее прошлое колониального характера, которое на данный момент реализуется в формате Франкофонии³⁰⁵ (Франция и её бывшие колонии), Содружества наций³⁰⁶ (Великобритания и её бывшие колонии), саммитов с участием Испании и её бывших колоний, саммитов с участием Португалии и её бывших колоний (Comunidade dos Países de Língua Portuguesa, CPLP³⁰⁷) и т.д.

Также стоит указать, что одна из наиболее развитых стран Африки – ЮАР состоит вместе с КНР в едином геополитическом клубе – БРИКС³⁰⁸, что создает существенные преимущества для этой страны относительно других стран Африки в сфере возможных контактов с КНР. Но данный тезис зеркально применим и к КНР, ведь ЮАР воспринимается как «ворота в Африку»³⁰⁹. Также в рамках БРИКС кроме ЮАР происходит взаимодействие КНР с Индией (по утверждению исследователя Шараповой А.В., несмотря на то что Индия может предложить гораздо меньше инвестиционных проектов, чем Китай, она вызывает больше

³⁰⁰ Чайников Ю.В.. "2017. 03. 009. Абденур А. Э. Китай в Африке, взгляд из Бразилии. Abdenur A. E. China in Africa, viewed from Brazil // J. of Asian studies. – Cambridge, 2015. – vol. 74, n 2. – P. 257-267" Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9, Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал, №. 3, 2017, с. 60-66.

³⁰¹ The Genomic Ancestry of Individuals from Different Geographical Regions of Brazil Is More Uniform Than Expected URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3040205/> (Дата обращения: 30.10.2023).

³⁰² Осознание трагедии – путь к преодолению последствий URL: <https://www.un.org/ru/events/slaveryremembranceday/2007/backgrounder.shtml> (Дата обращения: 30.10.2023).

³⁰³ Второй саммит экономический и гуманитарный форум Россия – Африка URL: <https://summitafrica.ru>

³⁰⁴ Саммит ЕС-Африка: ассиметрия или отношения на равных URL: <https://www.rfi.fr/ru/> (Дата обращения: 30.10.2023).

³⁰⁵ Organisation internationale de la francophonie URL: <https://www.francophonie.org/> (Дата обращения: 30.10.2023).

³⁰⁶ Commonwealth of Nations URL: <https://www.thecommonwealth.org/> (Дата обращения: 30.10.2023).

³⁰⁷ Comunidade dos Países de Língua Portuguesa URL: <https://www.cplp.org/> (Дата обращения: 30.10.2023).

³⁰⁸ Дейч Т. Л. Региональная политика брикс в Африке // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2015. № 2. – С. 206-228.

³⁰⁹ Болохов И.И. Китай и ЮАР – стратегическое партнерство? // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2016. № 2. С. 81.

доверия у африканских партнеров³¹⁰), РФ и Бразилии, что в свою очередь предоставляет возможность для данных стран координировать свою внешнюю политику по отношению к основным мировым вызовам, в том числе и по отношению к вызовам и возможностям, которые исходят из Африки.

Начиная с 90-х гг. XX в., когда для быстрорастущей экономики КНР понадобилось «черное золото» и другие природные ресурсы, в сотрудничестве со странами Африки был использован принцип «нефть за инфраструктуру», а с начала XXI в. выбран другой принцип «нефть за деньги», в рамках которого КНР покупает доли в уже действующих компаниях. Новый этап взаимодействия стран характеризуется новым принципом взаимодействия: «равенство, взаимное доверие, экономической взаимовыгода и культурные обмены», с приоритетами на развитие сотрудничества в сельском хозяйстве, поскольку КНР активно арендует и скупает земли³¹¹ или получает в безвозмездное пользование; в сфере нефтедобычи; электроэнергетики; инфраструктуры; медицинской сфере; борьбе с терроризмом³¹². Наличие нетерпимости и враждебного отношения к чужим, то есть по сути отсутствие должной толерантности не способствуют сотрудничеству и развитию интеграции в различных сферах. В китайских социальных сетях преобладает негативное отношение к африканцам вообще и африканским мигрантам, в частности³¹³. В тоже самое время стоит указать, что для этого существуют и объективные предпосылки, так, например, известен случай 2013 г. массового задержания по подозрению в контрабанде наркотиков, большинство задержанных оказались гражданами Нигерии³¹⁴.

Отдельного внимания конечно заслуживает китайский вектор «мягкой силы» на африканском континенте. Мы же остановимся только на реализации его

---

³¹⁰ Шарапова А.В. Индия: фокус на Африку? // Вестник СПбГУ. Востоковедение. Африканистика. 2022. №2. С. 366-380 С. 374.

³¹¹ Викторьен А. Особенности инвестиционного сотрудничества Китая со странами Африки // Вестник РУДН. Серия: Экономика. 2013. №3. – С. 56-64.

³¹² Денисова Т.С. Нигерия и Китай: проблемы экономического и политического сотрудничества // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2018. №3. С. 673-685.

³¹³ Андреев Н. Д. Образы африканских мигрантов в современных китайских социальных сетях // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2022. №4. С. 107-123.

³¹⁴ Денисова Т.С. Нигерия и Китай: проблемы экономического и политического сотрудничества // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2018. №3. С. 673-685.

посредством открытия отделений Института Конфуция в странах Африки: в 45 странах континента есть 62 Института Конфуция³¹⁵, деятельность направлена на достижение паритета с основными бывшими метрополиями в Африке – Британией и Францией, так как их языковое и культурное наследие сыграло роль одного из ведущих факторов развития сотрудничества со странами Африки³¹⁶.

Китайско-африканские отношения являются предметом современных исследований, в основном представлены две точки зрения. Согласно первой – политика КНР направлена на реализацию исключительно своих интересов в Африке, поэтому она получила название «политики неокOLONиализма». И активно использует «debt-trap diplomacy», «дипломатию долговой ловушки» (debt-trap diplomacy). Согласно другой точке зрения, сотрудничество между Китаем и странами Африки является взаимовыгодным и соблюдает принципы концепции «Юг–Юг»³¹⁷. И если вторую точку зрения поддерживают большинство исследователей из РФ и, собственно, сами представители КНР, то первую точку зрения отстаивают представители Запада³¹⁸ и некоторые представители Африки (например, прежний глава нигерийского Центрального банка Л. Сануси высказывается о необходимости африканцам более прагматично смотреть на взаимодействие с Китаем. В содержании существующего формата он усматривает колониализм XXI в.³¹⁹.

В связи с рассматриваемым тезисом можно также уточнить взаимосвязь элементов неокOLONиализма и современной глобализации. Но отсутствие африканских фирм в глобальном производственном процессе имеет свои последствия, как и ограниченность торговли с Китаем негативно сказывается на экономических преобразованиях³²⁰. Опасность полной экономической зависимости, расширение политического влияния КНР через экономические

---

³¹⁵ 全球网络 URL: <https://www.cief.org.cn/qq> (Дата обращения: 30.10.2023).

³¹⁶ Шаламов Г.Г. Китайское присутствие в Африке: уроки для России // РСМ. 2018. №4 (101). С. 112-128.

³¹⁷ Пономаренко Л. В., Пискунов Д. А. Китай – Джибути: стратегическое партнерство в Восточной Африке // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. 2022. №2. – С. 158-174.

³¹⁸ Арутюнова Г.И., Кирова И.В., Попова Т.Л. Факторы успехов Китая в Африке // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. №3-1. С. 152-158.

³¹⁹ Шаламов Г.Г. Китайское присутствие в Африке: уроки для России // РСМ. 2018. №4 (101). С.122.

³²⁰ Там же, С. 115.

механизмы формируют подход к политике Китая на африканском континенте только в направлении интересов собственно Китая, пытаются обвинять КНР в неокOLONиализме. Данный аспект нуждается в более детальном и объективном изучении. Мы же поставили в исследовании более узкую задачу: определить уровень экономических взаимоотношений стран Африки и КНР в контексте политического взаимодействия.

Для научного определения экономического уровня взаимоотношений стран Африки и КНР автором использован кластерный анализ, который осуществлялся с помощью программы Minitab 16 (рис. 1). Автором были использованы статистические данные с сайта Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД): площадь страны (использование данного показателя позволило учитывать потенциал ресурсов и земельных ресурсов африканских стран), количество населения (использование данного показателя позволило учитывать потенциал внутреннего рынка потребления каждой страны Африки и её трудоворесурный потенциал³²¹), ВВП за текущим курсом (использование данного показателя позволяет учитывать более объективное место каждой страны Африки в мировой экономике и её экономический потенциал), экспорт товаров в КНР, импорт товаров из КНР в долларах США. Все статистические показатели были рассчитаны исходя из единого методологического подхода.

В результате проведенного кластерного анализа было построено кластерное дерево (дендрограмма) «Типология стран Африки по экономическому сотрудничеству с КНР». В данном кластерном дереве прослеживается четкое выделение двух групп африканских стран, при этом каждая из групп имеет по две подгруппы.

Первую группу стран можно обозначить как «перспективные страны относительно других стран Африки». Все страны данной группы имеют площадь от 0,6 млн кв км (Кения) до 2,2 млн кв км (ДРК) и 2,4 млн кв км (Алжир), что указывает на возможности потенциала ресурсов и земельных ресурсов данных

---

³²¹ Вдовина Э.Л. Понятие «трудооресурный потенциал» и его место в системе социальногеографических исследований // Известия ПГУ им. В.Г. Белинского. 2006. №5. – С. 197-202.

африканских стран. Если же рассматривать подгруппы данной группы, то к первой подгруппе данной группы (I. а.) относятся следующие страны: Алжир (1), Кения (18), Танзания (43), Эфиопия (52), Ливия (25), Мали (30), Судан (41), Нигер (34), Чад (48). Данные страны характеризуются значительным потенциалом, учитывая их площадь, а также населением от 17 млн в Чаде до 120 млн в Эфиопии. Исключением в данной подгруппе согласно критерию величины населения является Ливия – лишь 7 млн. чел. Однако, незначительное количество населения в Ливии компенсируется относительно большим ВВП для такого населения африканской страны. Гражданский конфликт в Ливии, который начался после свержения Каддафи крайне негативно влияет жизнь ливийского общества и на экономику страны³²², а также на потенциал развития китайско-ливийских отношений. Финансовые потери КНР в Ливии со стоимостью заключенных контрактов оцениваются в 18,8 млрд долларов. Более того, КНР вынуждена была из-за рисков эвакуировать большое количество своих граждан – 35 860 человек³²³.

Вторая подгруппа I группы (I. б.) включает в себя страны-лидеров Африки: Ангола (2), ДРК (20), Египет (13), Нигерия (35), ЮАР (53). Среди вышеперечисленных стран особенно выделяется ЮАР, страна «первого мира» в Африке³²⁴. Данное государство не только является членом БРИКС, что делает ЮАР особым партнером КНР в Африке, но и имеет самые тесные торговые отношения с КНР – товарооборот между странами в 2021 г. составил порядка 40 млрд. долл. США, при этом экспорт в КНР практически равнялся китайскому импорту в ЮАР. Тогда как, соотношение китайского экспорта и импорта в Нигерии является шестикратным – 17 млрд. долл США и 3 млрд. долл США соответственно. Однако в Анголе, ДРК и Египте соотношение китайского экспорта и импорта в пользу китайского экспорта будет иметь соотношение 5-10 раз.

---

³²² Конфликт в Ливии: борьба за нефть и отставка правительств URL: <https://www.bbc.com/russian/features-54206467>

³²³ Дейч Т.Л. Китай в борьбе за ресурсы в Африке и арабском мире // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2018. №3. С. 595-611.

³²⁴ Россия – Южная Африка: налаживая партнерские отношения. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1331>

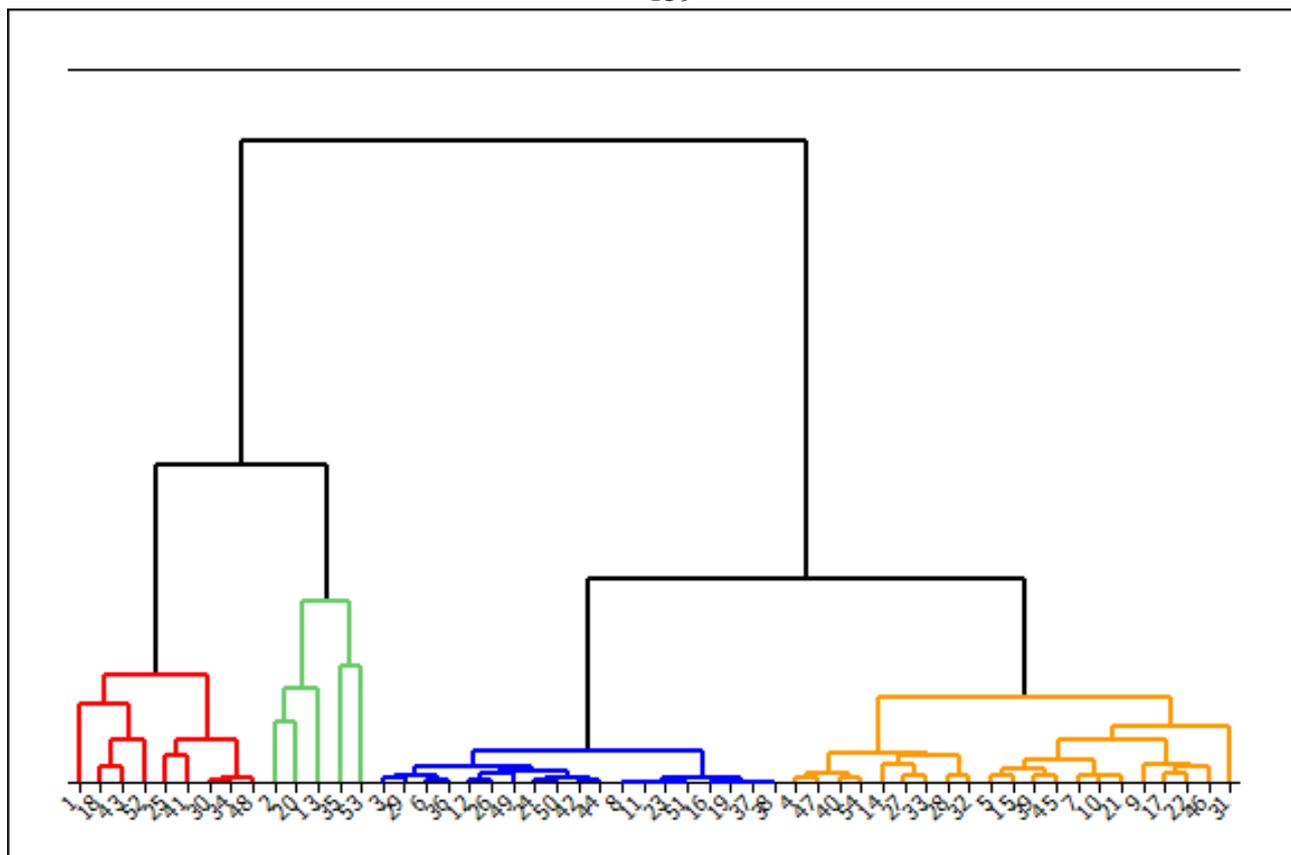

Рис. 4. Кластерный анализ экономического взаимодействия стран Африки и КНР
[Составлено автором]

Вторую группу стран Африки, которые были выделены на основании кластерного анализа, можно охарактеризовать как наиболее проблемные для КНР. В основном это страны тропической Африки (страны южнее Сахары) за исключением ЮАР³²⁵.

В данной группе можно также выделить две подгруппы. К первой подгруппе (II. а.) относятся следующие страны: Бенин (3), Малави (29), Бурунди (6), Руанда (36), Джибути (12), Маврикий (26), Экваториальная Гвинея (49), Либерия (24), Эритрея (50), Сьерра-Леоне (42), Того (44), Гамбия (8), Гвинея-Бисау (11), Эсватини (51), Лесото (23), Кабо-Верде (16), Коморские Острова (19), Сан-Томе и Принсипи (37), Сейшельские острова (38). Данная группа стран отличается в первую очередь малыми размерами территории, небольшим

³²⁵ Страны Африки: проблемы и пути экономического развития. Ученые записки Института Африки РАН. Выпуск 31.- М., Ин-т Африки РАН, 2013 . – 174 с.

количеством населения, наличием удобного расположения на побережье и как следствие имеют стратегическое значение для реализации «Морского Шелкового пути XXI века». При этом экономические показатели также являются незначительными – низкие показатели ВВП, экспорт и импорт в КНР от 0 долларов США и , например, до 1119,9 млн. долл. США китайского импорта в Джибути. По соглашению 2015 г. между Пекином и Джибути разрешается наличие первой китайской военной базы сроком на 10 лет о. Для реализации в 2016 г. начали строительство, а в июле 2017 г. двумя китайскими кораблями доставили китайских военных³²⁶.

Ко второй подгруппе второй группы (II. b.) относятся следующие государства Африки: Ботсвана (4), Буркина-Фасо (5), Габон (7), Гана (9), Гвинея (10), Замбия (14), Зимбабве (15), Камерун (17), Республика Конго (21), Кот-д'Ивуар (22), Мавритания (27), Мадагаскар (28), Марокко (31), Мозамбик (32), Намибия (33), Сенегал (39), Сомали (40), Тунис (45), Уганда (46), ЦАР (47), Южный Судан (54). Данная подгруппа стран Африки является «плавильным котлом», так как имеет в своём составе достаточно успешные по «африканским меркам» страны – Марокко, Ботсвану³²⁷ и Намибию³²⁸, но также и страны, которые имеют сложности в установлении полного контроля официальных властей над всей территорией страны или же обеспечения минимальным уровнем продовольствия собственного населения – например, Южный Судан³²⁹ и Сомали³³⁰.

Определение политической сферы взаимодействия стран Африки и КНР выявилось как наиболее проблематичная часть исследования. Использован следующий подход. Изначально выбран период хронологических рамок

³²⁶ Дейч Т.Л. Китай в борьбе за ресурсы в Африке и арабском мире // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2018. №3. С. 595-611.

³²⁷ Botswana's Success: Good Governance, Good Policies, and Good Luck URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/304221468001788072/930107812_201408253094647/additional/634310PUW0Yes0061512B09780821387450.pdf (Дата обращения: 30.10.2023).

³²⁸ Richest African Countries URL: <https://wisevoter.com/country-rankings/richest-african-countries/> (Дата обращения: 30.10.2023).

³²⁹ Южный Судан: без чрезвычайной помощи страну ждет голод URL: <https://news.un.org/ru/story/2019/12/1369081> (Дата обращения: 30.10.2023).

³³⁰ Сомали: страна на верном пути, но проблемы еще остаются URL: <https://unsdg.un.org/ru/latest/blog/somalia-path-recovery-real-challenges-remain-un-resident-coordinators-blog> (Дата обращения: 30.10.2023).

исследования – с 2013 по настоящее время – 2023 г., что базируется на том, что Си Цзиньпин является лидером КНР на протяжении данного периода времени, а также 11 неполных лет – это оптимальный период для выявления среднесрочных тенденций. Также понятие «политическая активность» было ограничено официальными визитами Си Цзиньпина в страны Африки, и соответственно учитывались только официальные визиты лидеров стран Африки в КНР. Под лидерами стран Африки подразумеваются президенты, короли Лесото и Марокко, и их премьер-министры, так как это дуалистические монархии, а также официальные визиты премьер-министров стран Африки, если страна является парламентской республикой и премьер-министра можно учитывать, как более весомую политическую фигуру, чем президента страны с учетом наличия личной встречи с лидером КНР Си Цзиньпином. Так, например встреча Си Цзиньпина и премьер-министром Алжира 2018 г.³³¹ или же визит премьер-министра Китая в Анголу 2014 г.³³² не учитывались в данной статистике. Кроме этого, не учитывались встречи лидеров стран Африки и лидера КНР за пределами КНР и встречи с лидерами Африки не в их государствах, так как эти встречи часто могут носить декларативный характер и будут искажать статистику. Например, встречи Председателя КНР Си Цзиньпин на саммите Китай-арабские государства в 2022, где лидер КНР встретился с множеством лидеров стран мусульманской части Африканского континента также, не учитывались³³³. То же самое относится к встрече Си Цзиньпина в рамках ООН в 27 сентября 2015 г. с президентом Нигерии Мухаммаду Бухары в Нью-Йорке (США)³³⁴. Таким образом, для исследования учитывались лишь официальные визиты лидера КНР в страны Африки к руководителям страны, и аналогично – официальные визиты лидеров стран Африки (короли и премьер-министры в королевствах, президенты в

³³¹ Xi meets Algerian prime minister. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2018-09/05/c_137447518.htm (Дата обращения: 30.10.2023).

³³² Chinese premier arrives in Angola for visit. URL: https://www.chinadaily.com.cn/world/2014livisitafrica/2014-05/09/content_17494847.htm (Дата обращения: 30.10.2023).

³³³ Саммит Китай – Арабские государства. URL: <https://russian.news.cn/special/202212cf/zhongafh.html> (Дата обращения: 30.10.2023).

³³⁴ Xi Jinping Meets with President Muhammadu Buhari of Nigeria. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/topics_665678/2015zt/xjpdmgjxgsfwbcxlhgc170znlxlfh/201509/t20150930_705385.html (Дата обращения: 30.10.2023).

президентских республиках и премьер-министры и президенты в парламентских республиках) в КНР при учете наличия лично встречи с Си Цзиньпином за период 2013-2023 гг. Результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2. Соотношение политической активности лидеров стран Африки и лидера КНР – Си Цзиньпина за период 2013-2023 гг. [составлено автором]

№	Лидер КНР	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
1	Алжир (1)											+
2	Ангола (2)			+			+					
3	Бенин (1)						+					
4	Ботсвана (0)											
5	Буркина-Фасо (1)						+					
6	Бурунди (2)		+									+
7	Габон (2)				+							+
8	Гамбия (2)					+	+					
9	Гана (1)							-				
10	Гвинея (1)				+							
11	Гвинея-Бисау (1)						+					
12	Джибути (3)					+	+	+				
13	Египет (7; 1)		+	+	-	+	+	+			+	
14	Замбия (2)	+		+								
15	Зимбабве (2; 1)			-		+	+					
16	Кабо-Верде (1)						+					
17	Камерун (2)						+					+
18	Кения (4)	+				+	+	+				
19	Коморские Острова (1)						+					
20	ДРК (3)			+						+		+
21	Республика Конго (2; 1)	-			+							+
22	Кот-д'Ивуар (1)						+					
23	Лесото (1)						+					
24	Либерия (2)			+			+					

Общие число визитов	Страны Африки (97)	5	4	12	10	9	38	8	0	1	2	8
	КНР (12)	3	0	2	1	0	4	1	0	0	0	1
Года		2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023

Пояснение к таблице 1 :

- + – Визит лидера КНР в страны Африки
- + – Визит лидера страны Африки в КНР
- + – Визит в Китайскую республику (Тайвань)

п.м. – премьер-министр

к. – король

Для анализа данной части научного исследования автором был выбран метод статистической поверхности (построенный с помощью программы Minitab 16), который позволит выявить «максимумы» в политической сфере взаимодействия КНР и стран Африки за период 2013-2023 гг. с учётом вышеуказанных особенностей выбора критериев.

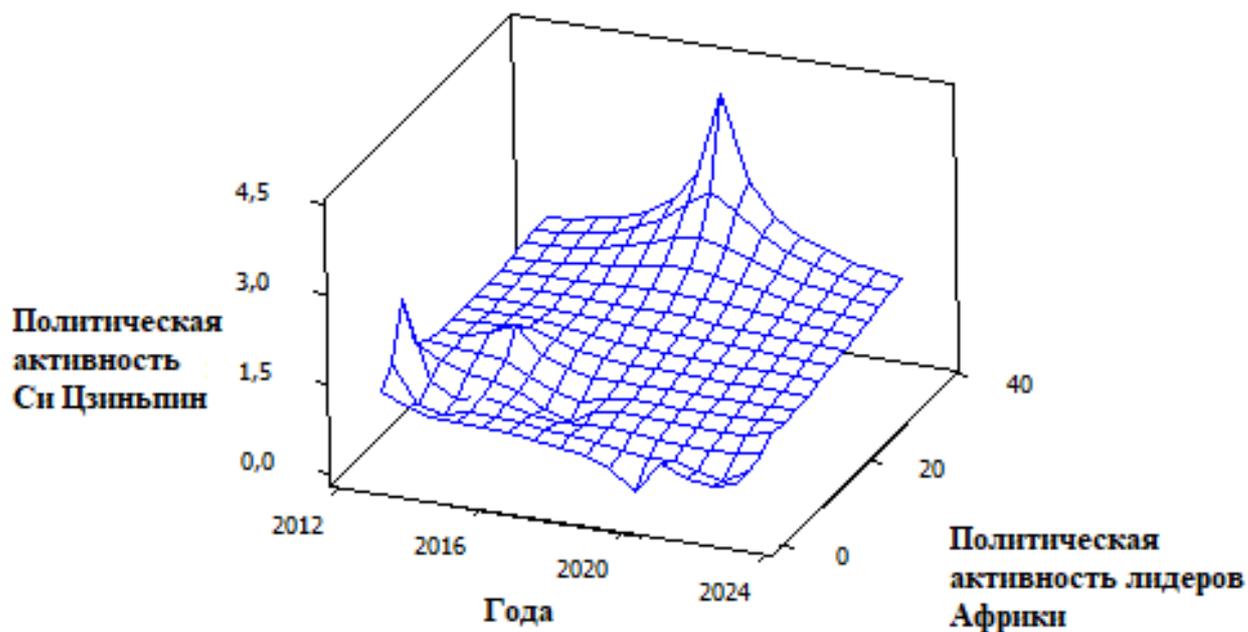

Рис. 5. Метод статистической поверхности соотношения политической активности лидеров стран Африки и лидера КНР – Си Цзиньпина [составлено автором]

Для соотношения двух сравнительных статистических величин во временном отрезке использовался метод статистической поверхности. При анализе статистической поверхности соотношения политической активности лидеров стран Африки и лидера КНР – Си Цзиньпина (рис 2.) можно выделить следующие годы политической активности в формате визитов: 2018 г. (42 официальных визитов), 2015 г. (14 официальных визитов), тогда как в 2020 г. (отсутствовали официальные визиты) и в 2021 г. был лишь 1 официальный визит – президента ДРК в КНР на встречу с Си Цзиньпином.

2018 г. является аномальным по причине проведения в КНР Форума сотрудничества Китай – Африка, который проходил в Пекине. На данном форуме присутствовали лидеры 38 африканских стран, и в этом же году – Си Цзиньпин совершил официальные визиты в ЮАР, Маврикий, Сенегал и Руанду.

Вывод. Безусловно Китай вносит серьезный вклад в развитие африканского континента, способствует экономическому развитию стран Африки.

Если же сравнивать политический уровень взаимодействия на основании общего количества официальных визитов обоюдно Си Цзиньпина в страны Африки и африканских лидеров в КНР (таблица 1, рис 2) и с результатами кластерного анализа (рис .1), то можно выделить следующие особенности:

- Вторая подгруппа I группы – I. b., которая включает в себя страны-лидеры Африки: Ангола, ДРК, Египет, Нигерия, ЮАР, имеет в совокупности за последние 10 лет 24 официальных визита, из них 8 визитов приходится на ЮАР и столько же на Египет, что делает данные страны абсолютными лидерами по уровню политических контактов с КНР на официальном уровне и уровень экономического взаимодействия это подтверждает. Однако ЮАР имеет перед Египтом существенные преимущества – ЮАР, как и КНР является членом БРИКС и G 20, что позволяет высшим руководителям ЮАР и КНР значительно чаще иметь личные встречи в рамках вышеуказанных саммитов;

- Выделяются в отдельную группу ряд стран Африки, которые насчитывают по 3-4 внешнеполитических встречи на высшем уровне с лидером КНР (Джибути, Кения, Мавритания, Мозамбик, Республика Конго, Зимбабве,

Марокко, Руанда, Того, Сенегал, Уганда и Чад). И если Чад и Кения на основании кластерного анализа относятся к перспективным странам, то Руанда, Джибути и Того в последующем, в том числе и с помощью китайских инвестиций могут перейти в группу перспективных стран. При этом Республика Конго и Зимбабве являются странами с низким уровнем ВВП на душу населения, однако их президенты имеют большее количество внешнеполитических встреч с лидером КНР, чем, например президент Намибии (одна внешнеполитическая встреча) или же президент Ботсваны (отсутствуют внешнеполитические встречи).

Таким образом, руководство КНР в лице Си Цзиньпина руководствуется во внешнеполитических контактах со странами Африки, как экономической логикой, в первую очередь по отношению к лидерам региона – Египту и ЮАР, так и геополитической логикой, поддерживая, например Зимбабве. Однако, с точки зрения экономической перспективы, КНР стоит активизировать внешнеполитические контакты со следующими странами: Нигерией, ДРК, а также с Ливией, Алжиром и Танзанией, Эфиопией, Мали, Суданом и Нигером. По отношению к данным странам со стороны КНР имеется явный дисбаланс регулярности внешнеполитических контактов на высшем уровне и экономического взаимодействия данных стран африканского континента и КНР.

Таким образом, африканский вектор внешнеполитической стратегии КНР также подтверждает обоснованность и системность политики, которая направлена на расширение политического влияния КНР, а не только на решение экономических задач. Экономическая дипломатия также имеет политическое измерение. Реализуемые на континенте крупные проекты, инвестиционная политика направлены на связь с местными элитами, что говорит о продуманности политики и одновременно вызывает обеспокоенность западных лидеров. КНР предусмотрительно увидел в Африке зону глобального соперничества и системно работает над решением этой геополитической задачи, сохраняя в последние годы лидирующее положение и расширяя проекты инициативы «Один пояс, один путь».

3.3. Современная идеологическая платформа КПК как основа внешнеполитической стратегии и роль политической элиты

Роль идеологии важна для сохранения, политического строя и политической системы. Именно идеология КПК в условиях развития КНР обеспечивает сохранность политической элиты. Политическая элита выполняет необходимые функции в обществе. Элита – это узкая определенная часть населения, которая формирует государственную политику, является в условиях КНР ретранслятором потребностей широких социальных слоев. Механизмы рекрутирования и процесс функционирования политической элиты направлены на развитие общества. Идеология КПК отражает запросы всего общества.

Актуальным является вопрос о взаимосвязи и специфике взаимодействия идеологии и политической культуры. Политические элиты являются носителями политической культуры, и их восприятие обязательно сформировано в свете воззрений носителя этой культуры.

КПК КНР сохраняет свою руководящую роль в разработке и принятии внешнеполитических стратегий. Так, на втором центральном рабочем совещании по вопросам иностранных дел 23 июня 2018 года член Политбюро ЦК КПК, начальник Канцелярии Комиссии ЦК КПК по иностранным делам Ян Цзечи заявил: «Мы должны в полной мере исполнять планы и распоряжения в сфере дипломатической работы ЦК КПК, руководствуясь внешнеполитическими идеями Си Цзиньпина, и продолжать целеустремленную и решительную работу»³³⁵.

---

³³⁵ http://www.xinhuanet.com/politics/2018-06/23/c_1123025806.htm (Дата обращения: 30.10.2023).

Следует отметить такую отличительную черту китайской дипломатии как акцент на экономические процессы и их взаимосвязанность с внешнеполитическим курсом. Это нашло отражение в докладе на XX-ом съезде КПК: «Высококачественное развитие является первостепенной задачей всестороннего строительства модернизированного социалистического государства. Развитие – наиважнейшая задача партии в деле управления государством и подъема страны»³³⁶. Текстологи подсчитали, что понятие «развитие» употребляется в отчетном докладе 239 раз. Толкование данного термина в условиях модернизации предполагает не только решение текущих государственных экономических задач, но и на прямую связано с кадровой политикой – формируются новые требования, в том числе к компетенциям претендентов. Данный факт подтверждает особенность китайской дипломатии в ее традиционной взаимосвязи с внутренним развитием страны. Из истории известны многие факты, например, во времена китайской династии Мин (1368-1644 гг.) в целях расширения экономических, торговых и культурных связей со странами Юго-Восточной Азии генерал Чжэн Хэ для этого возглавил крупнейший в тогдашнем мире флот в западной части Тихого и Индийского океанов.

Таким образом, XX съезд КПК в очередной раз зафиксировал основную цель национальной дипломатии – служить внутреннему развитию и улучшать качество жизни людей. То есть китайская дипломатия работает как бы в двух форматах: внешнем и внутреннем, которые всегда взаимосвязаны, взаимовлияемы и имеют общую конечную цель. Китай заявляет, что будет вкладывать больше ресурсов во внутреннее развитие, а не расширять внешнее влияние.

Впервые с 1992 года в 2019 году зафиксировано снижение темпов роста экономики – 6,1%, еще большее снижение наблюдается после глобальной пандемии коронавируса. Можно сделать вывод, что различные внешние факторы

习近平：努力开创中国特色大国外交新局面-新华网

2018.06.23 Си Цзиньпин: Стремиться создать новую дипломатическую ситуацию великой державы с китайскими спецификой – Агентство Синьхуа Xi Jinping: Strive to create a new diplomatic situation of a great power with Chinese characteristics-Xinhua News Agency)

³³⁶ Си Цзиньпин. Доклад на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая 16.10.2022 // URL: <https://ru.theorchina.org.cn/c/2022-10-26/1451417.shtml> (Дата обращения: 30.10.2023).

оказывают существенное влияние.

Так, например, для борьбы с COVID Госкомиссией КНР по здравоохранению принята в 2021 г. политика «Динамичного нулевого уровня COVID». Политика «Динамичного нулевого уровня COVID» сдержала темпы распространения пандемии, но политика строгой изоляции и контроля неизбежно нанесла ущерб нормальному функционированию экономики.

К тому же, российско-украинский конфликт, начавшийся в феврале 2022 года, привел к росту мировых цен на энергию и продовольствие, а внешние условия для экономического развития Китая стали более сложными и суровыми. На фоне экономического спада число китайских выпускников университета в 2022 году достигло более 10 миллионов, этот показатель является самым большим в истории КНР, таким образом, проблема трудоустройства молодежи еще более усугубляется.

Следует отметить, что в КНР сформировано собственное видение реформирования международного порядка «твердо придерживаться подлинного мультилатерализма, способствовать демократизации международных отношений, содействовать развитию глобального управления в более справедливом и рациональном направлении». Такая формулировка противоречит стремлению США к сохранению однополярного мира роли гегемона. Поэтому в соответствии с данной концепцией КНР должен находиться в состоянии подчинения, а не быть великой державой, сверхдержавой. Надежды США и Запада имели идеологическую основу, они рассчитывали, что сопротивление коммунистической идеологии на фоне роста среднего класса и влияния западных либерально-демократических идей, создадут политическую нестабильность, определенные условия для прекращения влияния КПК КНР, она может не удержаться у власти как произошло с КПСС. Однако Запад удивлен, обнаружив, что КПК по-прежнему сохраняет власть, китайская дипломатия начала твердо отстаивать свои интересы, – и это потребовало от Запада изменения своей стратегии в отношении Китая. Признанием статуса геополитического соперника за Китаем

можно считать и формулировку в новой «Стратегии национальной безопасности» США (14 октября 2022 года): «КНР является единственным конкурентом с намерением изменить международный порядок и, во все большей степени, экономическую, дипломатическую, военную и технологическую мощь для этого»³³⁷. Определение Китая как «единственного конкурента» означает, что Китай заменил Россию в качестве стратегической цели для долгосрочного подавления и сдерживания в будущем. В свою очередь 29 июня 2022 года НАТО опубликовало новый стратегический концептуальный документ, в котором впервые упоминается Китай: «амбициозные цели и политика принуждения бросают вызов нашим интересам, безопасности и ценностям... Углубление стратегического партнерства между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией и их взаимоукрепляющие попытки подорвать основанный на правилах международный порядок противоречат нашим ценностям и интересам»³³⁸. Любопытно, что Альянс в заявлении наряду с анализом угроз со стороны Китая, определением его стратегического приоритета отмечает свою «глобальную перспективу».

Необходимо в этой связи отметить роль западных СМИ, которые активно высказываются в негативном свете на факт концентрации власти Си Цзиньпина. Однако сама цель внешней политики ими не анализируется. Западные СМИ продолжают фабриковать и распространять лживую информацию о захватнической политике КНР. Так, например, Би-би-си показала документальный фильм под названием «Китайцы идут», в котором экономическая деятельность Китая в Африке названа неокOLONИализмом; обвиняет Китай в реализации инициативы «Пояс и путь», чтобы понуждать развивающиеся страны попасть в долговую ловушку Китая и так далее.

Западные дипломатические предпочтения в значительной степени зависят

---

³³⁷ Стратегия национальной безопасности США. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (Дата обращения: 30.10.2023).

³³⁸ NATO 2022 Strategik Concept. URL: <https://strategicconcept2022.com/wp-content/uploads/2023/06/290622-strategic-concept.pdf> (Дата обращения: 30.10.2023).

от либеральных и демократических ценностей, а не от национальных интересов. На Западе считают, что Китай не следует «пути свободы и демократии», что неизбежно ведет к обострению идеологических конфликтов между Китаем и западными странами.

Острый для политической истории КНР и целостности страны тайваньский вопрос получает на XX съезде КПК еще более жесткую трактовку, его обсуждение содержится в тринадцатой части доклада XX Всекитайскому съезду КПК. Реализуемая уже несколько лет политика Демократической прогрессивной партии Тайваня направлена на «декитаизацию» населения острова. Возможность на Тайване дислокации войск США, их военных портов и аэродромов создает прямую угрозу национальной безопасности КНР и ее целостности. Тайвань стратегически важен для Китая, это ворота к юго-восточному побережью КНР. В докладе на XX Всекитайском съезде КПК сказано: «Отстаивать и совершенствовать курс «одна страна – две системы», «способствовать воссоединению Родины». Присутствие данного тезиса об объединении расценивается как публичное обещание Си Цзэпина китайскому народу национального единства, и понимается многими аналитиками как прямая связь политической карьеры Председателя и решение данной задачи. «Мирное воссоединение, одна страна – две системы» является оптимальным методом для единения населения двух берегов Тайваньского пролива.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Национальная политическая элита является одним из важнейших субъектов в политическом процессе, именно ей принадлежит функция по выработке и принятию важнейших стратегических решений. В современных условиях, когда меняется архитектура глобальной системы международных отношений, роль политической элиты на международной арене еще более возрастает. Значимость исследования роли политической элиты КНР в условиях мировой трансформации также возрастает. Лидерство КНР по многим направлениям очевидно. Поэтому так важно понимать определяющую роль политической элиты, приоритеты китайской внешней политики, особенности функционирования политической элиты и ее взаимодействия с административной элитой. Результаты исследования позволили нам охарактеризовать качества современной политической элиты Китая, особенности рекрутирования, профессиональные и социально-демографические характеристики, что влияет на приоритеты в принимаемых решениях, а также оценить роль политических лидеров для внешнеполитического концепта.

Необходимо отметить, что совершенствование системы госслужбы КНР является важной частью модернизации политической системы и государственной политико – административной реформы. Китайская специфика реформирования системы госслужбы заключается в ее соответствии политическим целям КНР и современным социально-экономического развития страны. Сегодня за экономической модернизацией при направленности сохранения традиционных китайских ценностей и политической системы, очевидна необходимость политической модернизации. Поэтому для эффективизации государственной

службы КНР используются различные механизмы, новейшие управленческие и информационные технологии.

Подводя итоги проделанного исследования, необходимо отметить, что в научных публикациях чаще преобладают мнения об успешности китайских экономических реформ в силу их гибкости при сохранении политического строя и политической стабильности, и крайне редко акцентируют внимание на политической модернизации и особенностях внешнеполитической концепции и специфике позиционирования КНР на международной арене. Наше исследование доказывает успешность китайских реформ в сочетании с медленной политической модернизацией.

Не выдерживают критики утверждения некоторых авторов, что китайская специфика экономической и политической модернизации КНР имеет региональную особенность, не имеет других отличий, а потому не понятна мировому сообществу.

Мы считаем, что китайская национальная специфика внешней политики в ее проявлении на концептуальном уровне, нуждается в изучении и объяснении, поскольку имеет свою цивилизационную основу, национально-культурную основу, отличную от международных установок других государств. Эта специфика заключается не только в концептуальной смене внешнеполитических стратегий, дипломатических стратегий, но в отличном от других позиционировании себя Китаем на международной арене. Китайская политическая элита демонстрирует свою сплоченность, наличие единых базовых ценностей, выражает согласие по поводу процедуры осуществления реализации внешнеполитического курса. Основой консенсуса выступает идеологическая основа политического строя, общее политическое мышление, общность характеристик социального происхождения и профессионального опыта под руководством КПК.

Оценивая за годы реформ в КНР процессы передачи власти, необходимо отметить, что были созданы и усовершенствованы механизмы и процедуры. Институционализация процесса преемственности, механизмы ротации китайской

элиты при сохранении гарантий преемственности имеют большое значение для политической жизни китайского общества. Сегодня механизм передачи политической власти должен рассматриваться как политический институт с закрепленными в нем формальными механизмами, с особыми китайскими практиками. К характеристикам формализованных каналов ротации следует отнести следующие: ограничение срока полномочий для высших партийных и правительственных постов (в основном, пять лет и не более двух сроков), то есть период руководства – управления законодательной и исполнительной властью определяется 10 годами (до принятия соответствующего изменения в Конституции); пропорциональное региональное представительство на всех уровнях; конкурентность выборов; возрастные ограничения; назначение на местном уровне по принципу «закона избегания»; использование обсуждения и голосования как способа принятия решения. Необходимо отметить, что сохранение политической системы КНР и поддержание социально-политической стабильности в период социально-экономических трансформаций способствовали возвращению доверия и росту авторитета КПК. В нашу задачу не входило изучение фракционности руководства партии и правительства, конфликтности кланов, их групповых интересов и приоритетов; региональных вланных группировок. Важным фактором реальной жизни КНР является срастание политики и бизнеса. Безусловно, обозначенные проблемы являются направлениями самостоятельных актуальных исследований.

С целью адаптации КНР к новым геополитическим условиям, трансформации международного статуса Китая предприняты специальные меры по повышению эффективности внутриполитической работы: государственных органов на центральном и местном уровне, в целях повышения конкурентности выборов произошла эволюция выборных механизмов на общепартийном, центральном и на местном уровне; различные модели в планировании экономики, стратегия «двойной циркуляции»³³⁹ – 双循环 (huang xunhuan).

---

³³⁹ Си Цзиньпин председательствовал на заседании ПК Политбюро ЦК КПК по вопросам регулярного эпидемиологического контроля и цепочек производства и поставок

Современный Китай успешно реализует собственную модель политико-экономического управления. Успешное руководство страной КПК находит широкую поддержку в китайском обществе, что особенно важно в период реформ. При этом необходимо отметить различные оценки модели управления, ее устойчивости аналитиками. В условиях социально-экономической модернизации важны отсутствие внутриэлитных разногласий, политический консенсус в целях сохранения политической системы и режима. Основные приоритеты внешней политики КНР декларируются в отчетных докладах КПК КНР. Оперативную деятельность по реализации внешней политики осуществляет МИД КНР, который имеет в своей структуре девять департаментов.

Сохранение многопартийной системы при руководящей роли КПК с опорой на народ, несмотря на сложности данного процесса, обеспечивает политическую стабильность и экономическое развитие государства. Курс Си Цзиньпина на укрепление партийных рядов и повышение роли КНР на международной арене имеют успех. Ужесточение контроля над составляющими политического и управленческого процесса осуществляется на основе действующего законодательства. Особое внимание уделяется антикоррупционной составляющей, на ее эффективность направлены и новые медиа КНР.

Таким образом, проведенное исследование доказывает, что в период активного экономического возвышения Китая его политическая элита играет важную роль на сцене мировой политики, как субъект мировой политики существенно влияет на развитие современных международных отношений. Активность китайской дипломатии при сохранении политкорректности в моделях поведения и осторожности в высказываниях четко свидетельствуют о новой роли КНР в мировой политике.

中共中央政治局常务委员会5月14日召开会议 习近平主持会议并发表重要讲话

<http://cpc.people.com.cn/n1/2020/0514/c64094-31709425.html> (Дата обращения: 30.10.2023).

Предложения Центрального комитета Коммунистической партии Китая по формулированию четырнадцатого пятилетнего плана национального экономического и социального развития и долгосрочных целей на 2035 год.

《中共中央关于制定国民经济和社会发展第十四个五年规划和二〇三五年远景目标的建议》

https://www.gov.cn/zhengce/2020-11/03/content_5556991.htm (Дата обращения: 30.10.2023).

Внешнеполитическая стратегия КНР строится с учетом политической традиции и многих факторов внутреннего и внешнего влияния, особенностей текущей международной ситуации. Основным вектор внешнеполитической идеологии направлен на достижение Китаем «второй цели столетия» – столетие образования КНР в 2049 г.– «китайской модернизации» на основе «всеобщей зажиточности, гармоничного существования человека и природы, отказа от войн, грабежа и колонизации».

Современный Китай предлагает модель мироустройства, альтернативную модели США – модель неприсоединения к альянсам. Преемственность и устойчивость китайской дипломатии будут укрепляться. Политический курс КПК и КНР в целом направлен на консолидацию на высшем уровне, на ликвидацию политической конкуренции, что повышает требовательность к профессиональному уровню и квалификации чиновников, – к политическому субъекту и субъекту мировой политики. Отмеченная в ходе нашего исследования такая особенность внешнеполитического курса КНР как его ориентированность на решение внутренних задач, подчеркивает значимость внешней политики и характеризует ее как важный политический инструмент. Успешность китайских экономических реформ противоречит западным доказательствам необходимости политической демократизации, устойчиво доказывает обратное и показывает стабильную общественную систему, роль государства и его представителей на основе идеологии КПК. Исследование показывает, что политический режим КНР оказался достаточным для демократических преобразований в экономической сфере, для поддержания стабильной социально-политической ситуации в стране и одновременно для формирования взаимодействий на международной арене. Достижение на мировом уровне статуса экономического лидера наравне с США дает Китаю право на активную внешнюю политику, направленную на «построение социалистического модернизированного государства». Поэтому в будущем будет продолжена прагматичная и гибкая политика, основанная на интеграции науки и дипломатической практики.

На наш взгляд, представляются перспективными исследования роли национальной политической элиты в неинституциональной сфере политики как ориентира и образца мышления и поведенческой модели населения. Не менее интересен и вопрос трансформации образа своей страны под влиянием современного политического контекста и восприятие образа КНР и ее внешнеполитической стратегии другими участниками глобального политического процесса.

Политическая элита КНР в мировой политике представляет интересы и идеологию не отдельной группы, несмотря на внутривнутриполитическую борьбу, а государства как актора международных взаимодействий. Внешнеполитические действия данной группы имеют конкретную идеологическую направленность, сформированную в контексте современного развития на основе конфуцианской этики. В центре конфуцианства находится человек и его взаимоотношения с окружающим миром на разных уровнях – семья, общество, государство. Конфуцианство в качестве приоритетов выдвигает народное образование и общественный порядок с гармонией в центре. Гармония признается главным принципом в формировании внутренней и внешней политики. Широкое участие общества в управлении государством обеспечивается с помощью «консультативной демократии», принципа «внутрипартийной демократии» и др.. Анализ выступлений китайского лидера и материалов партийных съездов доказывают влияние конфуцианства на внешнеполитическую стратегию КНР. Уникальная динамичная модель развития нашей страны, как альтернативная западной модели, на собственной цивилизационной основе с ее интеграционным потенциалом и беспрецедентные достижения КНР требуют глубокого и всестороннего изучения, в том числе внешнеполитическая стратегия, весь спектр внешнеполитических механизмов и государственного управления, что сделали Китай крупным игроком на международной арене.

БИБЛИОГРАФИЯ

Список источников:

1. «Временные меры (проект) по набору персонала в государственные органы» КНР, 1953 г.
2. «Временное положение о государственных служащих» КНР, 1993. URL: <https://baike.baidu.com/item/国家公务员暂行条例/4307358?fr=aladdin>
3. Всестороннее строительство среднезажиточного общества и создать новую обстановку для дела социализма с китайской спецификой, отчёт XVI Всекитайского Съезда КПК, 2002 г.
4. Доклад Си Цзиньпина на 19-м съезде КПК, 2017 г. <http://ru.china-embassy.org/rus/ztbd/19sjd/t1507487.htm>
5. Документы всех съездов КПК КНР. URL: <https://www.12371.cn/special/lcddh/>
6. Дэн Сяопин. Избранное. URL: <https://vas-s-al.livejournal.com/892396.html>
7. Дэн Сяопин. «О реформе системы руководства партии и государства», 1980. URL: <http://www.yhcqw.com/36/9916.html>
8. Заключительное коммюнике конференции стран Азии и Африки. Бандунг, 24 апреля 1955. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/136211-zaklyuchitelnoe-kommyunike-konferentsii-stran-azii-i-afriki-bandung-24-aprelya-1955-goda>
9. Закон о государственных служащих КНР, 2018. URL: http://www.gov.cn/guowuyuan/2018-12/30/content_5353490.htm
10. Коммюнике первого пленума Центральной комиссии КПК по проверке дисциплины 20-го созыва новости коммунистической партии Китая. URL: <https://www.12371.cn/2022/10/23/ARTI1666499465185426.shtml>
11. Конституция Китайской Народной Республики. URL: http://www.gov.cn/guoqing/2018-03/22/content_5276318.htm
12. Научно-исследовательский кабинет документов ЦК КПК. Сборник важных документов после 15-го Всекитайского съезда КПК: первый [М]. Издательство:

Жэньминь чубаньшэ, Пекин. 2000.

13. «Несколько положений о найме кадров» КНР, 1982 г. URL: <http://www.law-lib.com/law/law view.asp?id=2497>

14. Общая программ Народного политического консультативного совета Китая. 1949 г. URL: http://www.jscszx.gov.cn/oafile_noncom/disp/message.asp?id=2&page=0

15. «О некоторых исторических вопросах со времен образования Китайской Народной Республики», 1982 г. URL: <https://courses.edx.org/asset-v1:TsinghuaX+10610224x+1T2016+type@asset+block/关于建国以来党的若干历史问题的决议.pdf>

16. Отчёт XVI Всекитайского Съезда КПК, 2002 г.

17. Положение о работе Центрального комитета Коммунистической партии Китая. URL: <http://politics.people.com.cn/n1/2020/1013/c1001-31889182.html>

18. Постановление Государственного совета Китайской Народной Республики № 125 (премьер-министра Ли Пэн). URL: <http://govinfo.nlc.gov.cn/lssj/xxgb/ahszfzb/199402/201104/t20110414705266.html?classid=>

19. Постановление Центрального комитета КПК «О создании пенсионной системы для кадровых работников». URL: http://www.sipo.gov.cn/gjzscqjltxbbb/ddltxgbzc/200807/t20080725_412805.html

20. Постановление ЦК КПК относительно руководящего курса в строительстве социалистической культуры. Пекин, 1986. Жэньминь жибао, 29.09.1986.

21. Постановление XIX Всекитайского съезд КПК об «Уставе Коммунистической партии Китая (поправка)» <http://cpc.people.com.cn/19th/n1/2017/1025/c414305-29606870.html>

22. Резолюция 19-го всекитайского съезда КПК о "Конституции Коммунистической партии Китая (поправка)". URL: <https://www.12371.cn/2017/10/24/ARTI1508832982612968.shtml>

23. Рекомендации Центрального комитета Коммунистической партии Китая по внесению поправок в отдельные части Конституции. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2018-02/25/content_5268679.htm
24. Реформа и улучшение системы государственных служащих Китая. URL: http://www.gov.cn/guowuyuan/2018-12/30/content_5353506.htm
25. Сборник третьего пленума Центрального комитета Коммунистической партии Китая 19-го созыва. Издательство: Жэньминь чубаньшэ, Пекин. 2018.
26. Си Цзиньпин. Серия важных выступлений генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина. Издательство: Издательство Учеба. Пекин, 2016.
27. Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международном порядке в XXI веке // Kremlin. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3660>.
28. Статистический бюллетень Коммунистической партии Китая за 2019 год. URL: <http://www.12371.cn/2020/06/30/ARTI1593514894217396.shtml>
29. Стратегии национальной безопасности США. URL: <chrome-extension://efaidnbnmnibpcjpcglclefindmkaj/https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf>
30. Статистический бюллетень Коммунистической партии Китая за 2019 год. URL: <http://www.12371.cn/2020/06/30/ARTI1593514894217396.shtml>
31. Теория гармоничного мира председателя Ху Цзиньтао. Жэньминь жибао онлайн. URL: <http://russian.people.com.cn/95181/6823894.html>
32. «Уведомление об проведении экзаменов для пополнения персоналов в административный аппарат страны» КНР, 1989. URL: <http://www.lscps.gov.cn/html/18694>
33. Устав Коммунистической партии Китая. URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64569/65444/4429114.html>

34. Центральный Комитет Семнадцатого Центрального Комитета по основным вопросам укрепления и совершенствования партийного строительства в новой ситуации, отчёт XIV Всекитайского Съезда КПК, 1992 г.
35. XII Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая. Пекин, 1982.
36. XV Всекитайский съезд КПК // Китайский информационный Интернет-центр [Электронный ресурс]. URL: http://russian.china.org.cn/china/archive/shiqida/2007-06/17/content_8950978.htm
37. XIII съезд КПК и реформа в Китае / Под ред. Су Вэньминя; перевод с кит. сотрудники Бюро переводов при ЦК КПК. Пекин: «Пекинский еженедельник», 1987.

Литература на русском языке:

38. Аврамова Е.М., Дискин И.Е. Социальные трансформации и элиты // Общественные науки и современность. 1994. № 4. – С. 14-26.
39. Алексеева Т.А. Теория международных отношений как политическая философия и наука. – М. : Аспект Пресс, 2019. – 608 с.
40. Андреев Н.Д. Образы африканских мигрантов в современных китайских социальных сетях // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2022. №4. С. 107-123.
41. Арндт Х. Временный союз черни и элиты // Иностранная литература. 1990. №4. С. 242-253.
42. Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1993. 301 с.
43. Арутюнова Г.И., Кирова И.В., Попова Т.Л. Факторы успехов Китая в Африке // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. №3-1. С. 152-158.
44. Атаманчук Г.В. Государственное управление : организационно-функциональные вопросы : учебное пособие . – Москва : Экономика, 2000. – 301 с.
45. Ачкасов В.А. «Изобретение традиции»: роль интеллектуальных элит в «идеологическом производстве» этнополитических конфликтов на постсоветском

пространстве / Власть в России: элиты и институты. Материалы седьмого всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации». / Под ред. А.В. Дуки. Спб.: Интерсоцис, 2009. – 328 с.

46. Афанасьев М.Н. Правящие элиты и государственность посттоталитарной России. – М.; Воронеж: Изд-во ИПК, 1996. – 223 с.

47. Афанасьев М.Н. Клиентелизм и российская государственность. – 2-е изд.,

48. Ашин Т.К. Элитология: история, теория, современность: монография. -М.: МГИМО-Университет. – 2010. – 600 с.

49. Ашин Г.К. Введение // Элитологические исследования: Ежегодник – 2005: Сборник статей. – Ростов н/Д.: СКАГС, 2006. – С. 3–9.

50. Ашин Г.К. Современные теории элиты: Критический очерк. – М.: Международные отношения, 1985. – 256 с.

51. Ашин Г.К. Формы рекрутирования политических элит // Общественные науки и современность. — 1998. — № 3. — С. 85-96.

52. Барановский В.Г. Новый миропорядок: преодоление старого или его трансформация? // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – № 5. – С. 7–23.

53. Бард А., Зодерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма / Перевод с швед. яз. — СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге. – 2004. – 256 с.

54. Барский К.М., Виноградов А.В., Салицкий А.И. О диалектическом единстве внутренней и внешней политики Китая. К 100-летию образования коммунистической партии Китая // Вестник Российской академии наук. – 2021. – № 8. – С. 703-712.

55. Бане В. Элементы неопределенности в переходный период // Полис. -1993. № 1. – С. 44-51.

56. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / Пер. с англ. Коробочкина М. Л. – М.: Изд-во «Весь Мир». – 2004. – 188 с.

57. Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос. – 2005. – 390 с.
58. Бауман З. Текущая современность / Пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. – СПб.: Питер. – 2008. – 240 с.
59. Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия / Пер. с нем. А. Б. Григорьева, В. Д. Седельника; послесловие В. Г. Федотовой, Н. Н. Федотовой. – М.: Прогресс-Традиция; Издательский дом «Территория будущего» (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»). – 2007. – 464 с.
60. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой; Послесл. А. Филиппова. – М.: Прогресс-Традиция. – 2000. – 384 с.
61. Белановский С.А. Глубокое интервью. – М.: Никколо-Медиа. – 2001. – 320 с.
62. Бергер Я.М. Административно-политическое обновление государственной власти в Китае (к итогам 1-й сессии ВСНП 110-го созыва) // Проблемы Дальнего Востока, – 2008, – № 3. – С. 7-19.
63. Бергер Я.М. КНР. Десятилетия поисков и свершений // Азия и Африка сегодня. – 2009. – № 10. – С. 7-13.
64. Бергер Я.М. Перспективы политической реформы в современном Китае. URL: <https://strana-oz.ru/2008/3/perspektivy-politicheskoy-reformy-v-sovremennom-kitae>
65. Берталанфи Л фон. Общая теория систем: критический обзор / Исследования по общей теории систем. М.: Прогресс. – 1969. – С. 23-82.
66. Бест Г. Смена элит и процесс демократизации в Центральной и Восточной Европе / Демократия. Власть. Элиты: Демократия vs элитократия: сб. ст. / под. ред. Я.А. Пляйса. М.: РОССПЭН. – 2010. – С. 29-36.
67. Бест Х. Европа элит. Измерения и детерминанты ориентаций политических и экономических элит государств Европейского союза / Элиты и общество в

- сравнительном измерении: сб. ст. / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). – 2011. – С. 112-119.
68. Бизнес, несмотря ни на что. 40 историй успеха / Отв. ред. Бунин И.М. – М.: ЦПТ, 2006. – 448 с.
69. Бинецкий А.Э. Лоббизм в современном мире. – М.: Теис, 2004. – 247 с.
70. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. Философия эпохи постмодерна. Минск: Красико-принт, 1996. – 464 с.
71. Богатуров А. Д. Искушение Рейганом. Лимитрофы становятся значимым фактором в политике США на российском направлении // Независимая газета. – 2006, № 99 (3779). 05.22.2006.
72. Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталев М.А. Очерки теории и политического анализа международных отношений; Научно-образоват.форум по междунар. отношениям. М., 2002. – 380 с.
73. Болохов И.И. Китай и ЮАР – стратегическое партнерство? // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2016. – №2. – С. 80-99.
74. Бородич В.Ф. Системы государственного администрирования в активной фазе «культурной революции» (1966-1996гг.) Восточная Азия: факторы и аналитика 2021, 2 (58-65???)
75. Брутенц К. После однополярного мира // Свободная мысль. – 2009. – № 6(1601). – С. 75-84.
76. Бурдьё П. Начала. Choses dites: Пер. с фр. / Pierre Bourdieu. Choses dites. Paris, Minuit, 1987. / Перевод Шматко Н. А. – М.: Socio-Logos. – 1994. – 288 с.
77. Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики / Пер. с франц.; Отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н. А. Шматко. – М.: Инст-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя. – 2005. – 576 с.
78. Бурдьё П. Социальное пространство и генезис классов// Вопросы социологии. – 1992. –№1. – С.17-36.

79. Бурдые П. Социология политики /Пер. с фр., сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко/ – М.: Socio-Logos. – 1993. – 336 с.
80. Бурлацкий Ф.М. Вожди и советники: О Хрущеве, Андропове и не только о них... – М.: Политиздат, 1990. – 384 с.
81. Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. – М.: Мысль, 1985. – 384 с.
82. Буров В.Г. Собственным путем : XVI съезд КПК и социально-экономическое развитие Китая / В. Буров // Свободная мысль – XXI : Теоретический и политический журнал. – 2003. – № 1. – С. 43-56.
83. Бусыгина И.М. Политическая регионалистика. – М.: РОССПЭН, 2006. – 208 с.
84. Вебер М. Политика как призвание и профессия. – М.: Литера Нова, 2018. – 226 с.
85. Бьюкенен Д. Расчет согласия. Логистические основания конституционной демократии / Д. Бьюкенен, Г. Таллок // Муниципальная экономика. – 2013. – № 4. – С. 2-13.
86. Ван Келян, Бай Лянцзе. О сочетании интеллектуальной элиты и политической элиты// Исследование политологии. – 1989. – № 2. – С. 22-25.
87. Василенко И.А. Административно-государственное управление в странах Запада: США, Великобритания, Франция, Германия: Учебное пособие. Изд. 2-е, перераб. и доп.— М.: Издательская корпорация «Логос», 2001. – 200 с.
88. Василенко И.А. Государственное и муниципальное управление : учебник для академического бакалавриата. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2017. – 494 с.
89. Вдовина Э.Л. Понятие «трудоресурсный потенциал» и его место в системе социальногеографических исследований // Известия ПГУ им. В.Г. Белинского. – 2006. – №5. – С. 197-202
90. Весоловский В. Классы, слои и власть. М. – 1981. – 231 с.
91. Викторьен А. Особенности инвестиционного сотрудничества Китая со

- странами Африки // Вестник РУДН. Серия: Экономика. – 2013. – №3. – С. 56-64.
92. Власть и элиты / Гл. ред. А.В. Дука. – СПб.: Интерсоцис, 2014. – Т. 1. – 466 с.
93. Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. Издание второе, исправленное и дополненное. – М.: НОФМО, 2008. – 368 с.
94. Виноградов А.В., Кобзев А.И. Российское китаеведение, современное состояние и основные проблемы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2021. – №6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskoe-kitaevedenie-sovremennoe-sostoyanie-i-osnovnyye-problemy>
95. Виткус Г., Пугачаускас В. Российский фактор литовской политики / Региональное измерение российско-балтийских отношений / Под. ред. Л.А. Карабешкина. СПб. – 2004. – С. 73-86.
96. Водо В. В Литве закончена регистрация в президенты // Коммерсантъ. - №191 (2560), 19.10.2002.
97. Войтоловский Ф.Г. Идеология «глобального управления»: от утопий к практике //Международная жизнь. – 2011 . – № 9. – С. 69-94.
98. Войтоловский Ф.Г. Нестабильность в мировой системе // Международные процессы. – 2009. – Т. 7. – № 19. – С.4-16.
99. Волынчук А.Б. Геополитические и геоэкономические аспекты взаимодействия России и Китая в условиях глобальной нестабильности // Россия в глобальном мире. – 2017. – № 11 (34). – С. 64-77.
100. Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. – М.: "Советская Россия" совм. с МП "Октябрь". – 1991. – 624 с.
101. Габуев А.Т. Младший брат или старшая сестра [Электронный ресурс] // Ведомости. – 2016. 28 июня. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/06/28/647005-mladshii-brat>
102. Гаджиев К.С. Геополитика. Учебник для бакалавров. 4-е изд., перераб. и

доп. М.: Изд-во Юрайт, 2013. – 479 с.

103. Гаман-Голутвина О.В. Определение основных понятий элитологии // Полис. – 2000. – № 3. – С.97-103.

104. Гаман-Голутвина О.В. Меняющаяся роль государства в контексте реформ государственного управления: отечественный и зарубежный опыт // Полис: Политические исследования. – 2007. – № 4. – С. 24–45.

105. Гаман-Голутвина О.В. Метафизика элитных трансформаций в России // Полис: Политические исследования. – 2012. – № 4. – С. 23–40.

106. Гаман-Голутвина О.В. Политическая элита – определение основных понятий // Полис: Политические исследования. – 2003. – № 3. – С. 97-103.

107. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. – М.: РОССПЭН, 2006. – 448 с.

108. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты: эволюция теоретических концепций. – М.: РАГС, 1996. – 416 с.

109. Гаман-Голутвина О.В. Процессы современного элитогенеза: мировой и отечественный опыт. Часть 1 // Полис: Политические исследования. – № 6. – 2008. – С. 67-85.

110. Гаман-Голутвина О.В. Региональные элиты России: персональный состав и тенденции эволюции (I, II) // Полис: Политические исследования. 2004. – № 2. – С. 6-19; № 3. – С. 22-32.

111. Гаман-Голутвина О.В. Российский парламентаризм в исторической ретроспективе и сравнительной перспективе (I, II) // Полис: Политические исследования. – 2006. – № 2. – С. 27-39; № 3. – С. 67-74.

112. Гаман-Голутвина О.В. Российские элиты как предмет научного анализа // Общество и экономика. – 2008. – № 3-4. – С. 175-196.

113. Гаман-Голутвина О.В. Террариум единомышленников // Независимая газета. – 02.06.1999.

114. Гаман-Голутвина О.В. Система государственного управления РФ как инструмент антикризисной политики: оценка эффективности // Элиты и общество

в сравнительной перспективе. – М.: РОССПЭН, 2011. – С. 224–255.

115. Гаман-Голутвина О.В. Элитообразование и внутриэлитные расколы относительно характера, направлений и скорости модернизации // Модернизация и демократизация в странах БРИКС: сравнительный анализ. – М.: Аспект Пресс, 2015. – С. 93-120.

116. Гатилов В.С. Американская историография о внешней политике США в период распада СССР / В. С. Гатилов, С. В. Капинос // Общество и власть: история и современность : материалы 13-й Региональной научной конференции, Воронеж, 01 февраля 2019 года. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2019. – С. 235-240.

117. Гензялис Б. Путь к «Саюдису» // Лиетувос Ритас. – № 25. – 03.02.1990.

118. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Пер. с англ. – М.: Изд-во «Весь мир». – 2004. – 120 с.

119. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуриации. – 2-е изд. – М.: Академический проект. – 2005. – 528 с.

120. Глобальное управление: возможности и риски. / Отв. ред. – В.Г. Барановский, Н.И. Иванова. – М.: ИМЭМО РАН. – 2015. – 315 с.

121. Градосельская Г.В. Сетевой анализ как метод исследования современных трансформаций / Социально-экономическая трансформация в России. Научные доклады. Московский Общественный Научный Фонд, Москва. – 2001. – С. 43-76.

122. Граждан В.Д. Теория управления : Учеб. пособие для студентов вузов. – Москва : Гардарики, 2004. – 415 с.

123. Граноеттер М. Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности // Экономическая социология. Т. 3. № 3. – 2002. – С. 44-58.

124. Грачиков Е.Н. Особенности внешней политики Китая: этапы смены стратегий // Научно-аналитический журнал Обозреватель–Observer, 2015. – № 3. – С. 34-46.

125. Грачиков Е.Н. Внешняя политика Китая: стратегии в контексте идентичности и глобальной перспективы //Международные отношения. – 2015. –

№ 3. – С. 290-306.

126. Даль Р.А. Полиархия: участие и оппозиция / Пер. с англ. С. Деникиной, В. Баранова. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 288 с.

127. Дай Т., Зиглер Л. Демократия для элиты: Введение в американскую политику. – М. – 1984. – 318 с.

128. Дейч Т.Л. Китай в борьбе за ресурсы в Африке и арабском мире // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – 2018. – №3. – С. 595-611.

129. Дейч Т.Л. Региональная политика БРИКС в Африке // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2015. – №2. – С. 206-228.

130. Дейч Т. Л. Китай в Африке: «неоколониализм» или «win-win» стратегия? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2018. – №5. – С. 119-141.

131. Делюсин Л.П. Политическая реформа и проблема демократии в Китае. М., Ин-т междунар. экон. и полит. исслед. Рос. АН. – М. : ИМЭПИ РАН, 1993. – 108 с.

132. Денисова Т.С. Нигерия и Китай: проблемы экономического и политического сотрудничества // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – 2018. – №3. – С. 673-685.

133. Джилас М. Новый класс. Анализ коммунистической системы. – Нью-Йорк. – 1957. – 246 с.

134. Джилас М. Лицо тоталитаризма. – М. – 1992. – 539 с.

135. Доган М., Пеласси Д. Сравнительная политическая социология / Пер. с англ. – Соц.-полит. журн. – 1994. – 272 с.

136. Дука А.В., Быстрова А.С. Коррупция в институционализации российской элиты // Финансы и бизнес. – 2006. – № 1. – С. 57-67.

137. Дука А.В. Исследование элит: поиск теоретических оснований // Власть и элиты / Гл. ред. А.В. Дука. – СПб.: Интерсоцис, 2014. – Т. 1. – С. 399-436.

138. Дука А.В. Институционализация российской политико-административной

элиты // Полития. – М., 2003. – № 2. – С. 126-149.

139. Дука А.В. К вопросу о милитократии: силовики в региональных элитах // Властные структуры и группы доминирования: Материалы 10-го Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / Под ред. А.В. Дуки. – СПб.: Интерсоцис, 2012. – С. 94-120.

140. Дука А.В. Теоретические проблемы в исследованиях властных элит // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2008. –Т. XI. № 1. – С. 50-70.

141. Дука А.В. Трансформация местных элит. Институционализация общественных движений: от протеста к участию // Мир России. 1995. – № 2. – С. 106-117.

142. Дука А.В. Эволюция константы: российские элиты в историческом контексте //Полис: Политические исследования. – 2008. – № 6. – С. 180-185.

143. Дука А.В. Элита третьего пути: вызовы и ответы российской элиты // Властные элиты современной России в процессах политической трансформации / Отв.ред. В.Г. Игнатов, О.В. Гаман-Голутвина, А.В. Понеделков, А.М. Старостин. – Ростов н/Д.: СКАГС, 2004. – 520 с.

144. Егоров К.А. Китайская Народная Республика : Полит. система и полит. динамика (80-е гг.) // Рос. АН, Ин-т Дальнего Востока. – М.: Наука: Изд. фирма "Вост. лит.", 1993. – 206 с.

145. Емельянова Н. Н. Актуальный баланс сил в Азии и положение Индии // Перспективы. – 2017. – №1. – С. 40-55.

146. Забелла А.А. Африканцы в Китае и их влияние на развитие китайско-африканских отношений // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. – 2019. – №1. – С. 65-75.

147. Заславская Т.Н. О субъектно-деятельностном аспекте трансформационного процесса // Кто и куда стремится вести Россию. – М.: МВШСЭН, 2001. – 384 с.

148. Зудин А.Ю. Режим В. Путина: контуры новой политической системы // Общественные науки и современность. – М. – 2003. – № 2. – С. 67–83.

149. Зудин А.Ю. «Советское наследство» и особенности первичной

дифференциации // Россия: вчера, сегодня, завтра. С точки зрения экспертов. – М.: ЦПТ, 2008. – С. 35-52.

150. Зудин А.Ю. После Октября // НГ-сценарии. – М., 2007. – 23 декабря. – С. 3.

151. Зуенко И.Ю. Российско-китайское сотрудничество: взгляды из региона // Контрапункт. – 2017. – № 10. – С. 1-12.

152. Зуенко И.Ю. Как Китай будет развивать Дальний Восток [Электронный ресурс] // Моск. Центр Карнеги. URL: <https://carnegie.ru/commentary/77590>

153. Иванов О.П. Внешняя и оборонная политика КНР // Научно-аналитический журнал Обозреватель. – 2011. – № 6. – С. 48-56.

154. Иванов С.А. Программа сотрудничества восточных регионов России и северо-восточных регионов Китая: политическая значимость и экономическая эффективность // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. – 2018. – № 1.

155. Игитян М.Ю. Китайская внешняя политика в Центральной Азии и интересы России // Власть. – 2019. – №3. – С. 250-259.

156. Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю. Балто-Черноморье: времена и пространства политики. – Калининград: Издательство РГУ им. И. Канта, 2010. – 386 с.

157. История Китая. Учебник / Под редакцией А.В. Меликсетова. — 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во МГУ, Изд-во «Высшая школа», 2002. – 736 с.

158. Исследования по общей теории систем. Сб. переводов / Под ред. В.Н. Садовского и Э.Г. Юдина. – М.: Прогресс, 1969. – 520 с.

159. Казанцев Ю.И. Международные отношения и внешняя политика России. XX в. – Новосибирск, 2002. – 350 с.

160. Капустин Б.Г. Критика политической философии. Избранные эссе. – М. – 2010. – 422 с.

161. Карлусов В.В. Частное предпринимательство в Китае. М., Рос. акад. наук, Ин-т Дал. Востока. – М.: Изд. фирма "Вост. лит.", 1996. – 382 с.

162. Карпов М.В. Экономические реформы и политическая борьба в КНР (1984-1989 гг.) : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.03. – Москва, 1995. – 24 с.
163. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. – М. – 2000. – 502 с.
164. Кашин В.Б., Пятачкова А.С., Смирнова В.А., Литвинов А.А., Поташев Н.А. Китайские эксперты о новом пятилетнем плане КНР / Аналитическая записка К6/03/2021. – М.: ЦКЕМИ НИУ ВШЭ, 2021. – 25 с.
165. Кирчанов М.В. Латвия и страны Балтии: проблемы дипломатической и политической истории. – Воронеж: Воронежский государственный университет, Факультет международных отношений. – 2007. – 117 с.
166. Клычников Ю.Ю. Чжоу Эньлай в государственной иерархии КНР и его роль во внешней и внутренней политике страны // Научно-методический журнал «Концепт». – 2016. – Т. 33. – С. 53-58. URL: <https://e-koncept.ru/2016/56701.htm?ysclid=lidexjxi88562900159>
167. Клямкин И., Шевцова Л. Литва. Путь в Европу. Фонд «Либеральная миссия». – М.: «Новое издательство». – 2008. – 400 с.
168. Коваленко В.И. Проблемы трансформирующейся демократии в условиях новых вызовов // Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки. 2007. – № 2. – С. 4-10.
169. Кокарев К.А. Политический режим и модернизация Китая : [монография] / Рос. акад. наук, Ин-т Дальнего Востока. – М.: Ин-т Дальнего Востока РАН. – 319 с.
170. Колесник Н.В., Тев Д.Б. Биография элиты: возможности социоструктурного анализа // Социс. – 2009. – № 6. – С. 76-84.
171. Конфликт в Ливии: борьба за нефть и отставка правительств. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-54206467>
172. Косов А.П. Внешняя политика США в отношении Китая в 1918–1949 гг. // Вестник Брестского государственного технического университета. Гуманитарные

науки. – 2011. – № 6(72). – С. 27-31.

173. Копков А. В. Изменения в кадровой политике КНР в процессе реформ : автореф. дис. на соиск. учен. степ. к.полит.н. : спец. 23.00.02 / Копков Александр Владимирович ; МГУ им. М.В. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки. – М. : б.и., 2001. – 24 с.

174. Косолапов Н. Международные отношения как специфический тип общения // Мировая экономика и международные отношения. – 1999. – № 6. – С. 99-107.

175. Костюков А. Власть цвета хаки: Интервью с О. Крыштановской // Независимая газета. – М., 2003. – 19 авг. – URL: [http:// www.ng.ru/politics/2003-08-19/1_politelite.html](http://www.ng.ru/politics/2003-08-19/1_politelite.html)

176. Коуз Р., Ван Н. Как Китай стал капиталистическим / Пер. с англ. М.: Новое издательство. – 2016. – С. 145-146.

177. Кочетков А.П. Власть и элиты в глобальном информационном обществе // Полис: Политические исследования. – М., 2011. – № 5. – С. 8–20.

178. Кочетков А.П. Нетократизм // Полис: Политические исследования. – М., 2013. – № 4. – С. 111–121.

179. Кочетков А.П. Корпоративные элиты. – М.: РОССПЭН, 2012. – 220 с.

180. Кочетков А.П. Демократия и элиты. – М.: ПрофЭко, 2009. – 176 с.

181. Кочетков В.В. Идентичность и культура в современных международных отношениях. (гриф УМО МГУ). – М.: Издательство МГУ им. М.В. Ломоносова, 2015. – 317 с.

182. Кочетков В.В., Максимов И.В. Культурные войны в международных отношениях. — М.: Антарес, 2015. – 106 с.

183. Кризисные явления в мировой экономике и политике. Мировое развитие. Выпуск 6./ Отв. ред.: Ф. Г. Войтоловский, А. В. Кузнецов. – М.: ИМЭМО РАН, 2010. – 268 с.

184. Крыштановская О. Анатомия российской элиты. – М.: Захаров, 2005. – С. 280-283.

185. Крыштановская О. Кадры: Люди Путина // Российская газета. – М., 2003. –

30 июля – С. 3.

186. Крыштановская О. Режим Путина: либеральная милитократия? // Pro et Contra. – М. – 2002. – Т. 7, N 4. – URL: http://uisrussia.msu.ru/docs/nov/pec/2002/4/ProEtContra_2002_4_09.pdf

187. Кузнецова Е.С. Путинская элита: модель «милитократии» Ольги Крыштановской // Политанализ.ру. – М. – 2004. – 26 июля. – URL: http://www.politanaliz.ru/articles_354.html

188. Кулешова Н.С. Население современной России: этносоциокультурный подход. – М.: ИД Ключ-С, 2011. – 304 с.

189. Кулинцев Ю.В. Внешнеполитические итоги первого этапа реализации китайской инициативы «Один пояс, один путь» на пространстве Евразии // Азия и Африка сегодня. – 2020. – №5. – С. 5 -11.

190. Лапина Н.Ю. Региональные элиты России / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ.исслед. глобал. и регион. пробл. – М., 1997. – 63 с.

191. Лапина Н.Ю. Региональные элиты России: кто правит на местах // Россия и современный мир. – 1998. – № 1. – С. 98-120.

192. Лапина Н.Ю. Бизнес и политика в современной России / РАН. ИНИОН. – М., 1998. – 119 с.

193. Лапина Н.Ю., Чирикова А.Е. Стратегии региональных элит: экономика, модели власти, политический выбор / РАН. ИНИОН. – М., 2000. – 198 с.

194. Ларин В.Л. Россия в планах и программах приграничных территорий Китая // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – Т. 65. – № 12. – С. 5-14.

195. Ларин В.Л. Российско-китайское трансграничье в контексте проектов евразийской интеграции // Мировая экономика и междунар. отношения. – 2016. – № 12. – С. 69-81.

196. Левада Ю.А. Элитарные структуры в советской и постсоветской ситуации // Общественные науки и современность. – 2007. – № 6. – С. 5-15.

197. Ледяев В.Г., Ледяева О.М. Репутационный метод в эмпирических исследованиях в городских общностях // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2002. – Т. V. – № 4. – С. 164-177.
198. Ледяев В.Г. Власть, авторитет и господство в России: основные характеристики и формы // Административная реформа в контексте властных отношений: сравнительная перспектива / Под ред. А.Н. Олейника, О.В. Гаман-Голутвиной. – М.: РОССПЭН, 2008. – С. 58-96.
199. Ледяев В.Г. Власть. – М.: РОССПЭН, 2001. – 384 с.
200. Ледяев В.Г. Изучение власти в городских сообществах: основные этапы и модели исследования // Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре. – М. – 2010. – № 2. – С. 23-51.
201. Ледяев В.Г. Социология власти: Теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах. – М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2012. – 472 с.
202. Ледяев В.Г., Чирикова А.Е. Власть в малых российских городах: модели взаимодействия исполнительной и представительной власти // Мир России. – 2015. – № 3. – С. 6–32.
203. Ледяев В.Г., Чирикова А.Е., Сельцер Д.Г. Власть в малом российском городе: конфигурация и взаимодействие основных акторов // Полис: Политические исследования. – 2014. – № 2. – С. 88-105.
204. Ледяев В.Г., Чирикова А.Е., Сельцер Д.Г. Локальные элиты в малых российских городах: формальные и неформальные ресурсы власти // Pro nunc. Современные политические процессы. – 2014. – Т. 13. – № 1. – С. 129-162.
205. Леонова О.Г. Кибервойна и противоборство в цифровом информационном пространстве // Информационное общество. – 2018. – № 2. – С. 43-46.
206. Леонова О.Г. Политика "мягкой силы" : учебник и практикум для академического бакалавриата / Л. Г. Леонова ; Факультет глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова. – М.: Макс-пресс, 2020. – 229 с.
207. Ли Сюэхун, Лю Син. Сравнение политических программ ГМД и КПК в

период демократической революции. Пекин, 2008. – № 3. – С.149-153.

208. Лобанов В.В. Административные реформы: вызов и решения // Проблемы теории и практики управления. – 1998. – № 1. URL: https://vasilievaa.narod.ru/8_1_98.htm

209. Лобанов В.В. Реформирование государственного аппарата: мировая практика и российские проблемы // Проблемы теории и практики управления. – 1999. – № 1. URL: https://vasilievaa.narod.ru/5_1_99.htm

210. Лугвин С. Феномен китайской бюрократии. Идеино-политические и организационные основы государственного управления. URL: https://beldumka.belta.by/isfiles/000167_403521.pdf

211. Лузянин С.Г. Россия-Китай: формирование обновленного мира. М., 2018. – 323 с.

212. Лузянин С.Г. Китай и XIII съезд КПК//Обозреватель-Observer. – 2013. – № 1. – С.54-60.

213. Лукин А.В. От марксизма к либерализму (эволюция взглядов старшего поколения сторонников демократического движения в КНР) // Общество и государство в Китае. – 2010. – Vol. 40. – No. 1. – Pp. 245-270.

214. Лукин А.В. Возвышающийся Китай и будущее России. (Работы о Китае и российско-китайских отношениях). М., 2015. – 189 с.

215. Лукьянов А.Е., Переломов Л.С. «Сяо кан» в китайской цивилизации. URL: http://www.sociognosis.narod.ru/myweb8/docs/lukjanov_sjao-kan.htm

216. Лэй Ч. Опыт Китая в обеспечении социально-политической стабильности через построение "гармоничного общества" // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2019. – № 4. – С. 146-153.

217. Магомедов А.К. Элита и идеология. Как правящие элиты создают смыслы и систему идеологических координат // Властные структуры и группы доминирования / Под ред. А.В. Дуки. – СПб., 2012. – С. 190-211.

218. Маглинова Т. Г. Усиление роли Российско-Китайского сотрудничества в новых геополитических условиях // Экономика и бизнес: теория и практика. –

2021. – № 2. – С. 9-12.

219. Макаренко Б.И. Посткоммунистические страны: некоторые итоги трансформации // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. – № 3. – 2008. – С. 105-124.

220. Манойло А.В. Информационная война и новая политическая реальность // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). – 2021. – № 1. – С.100-132.

221. Манойло А.В., Стригунов К.С. Технологии неклассической войны. Генезис. Эволюция. Практика. – М.: Горячая линия – Телеком, 2020. – 378 с.

222. Манхейм К. Человек и общество в эпоху преобразования. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. – 700 с.

223. Матоните И., Мартинович В. Россия, Турция и США как внешние угрозы единству Европейского союза: анализ представлений национальных элит // Палпычная сфера. – 2010. – № 15 (2). – С. 71-84.

224. Махаматов Т.М. Обеспечение экономической безопасности России в рамках Шанхайской организации сотрудничества и на фоне возрастающей роли Китая в Центральной Азии // Вестник Московского финансово-юридического университета. – 2021. – № 3. – С. 35-47.

225. Мегатренды мировой политики и их развитие в XXI веке: Учеб. пособие для студентов вузов / Под ред. М. М. Лебедевой. – М.: Издательство "Аспект Пресс", 2019. – 400 с.

226. Международные отношения и мировая политика/ П.А.Цыганков, С.В.Глотова, В.В.Наумкин и др. – М., 2021. – 279 с.

227. Мельвиль А.Ю. Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам // Полис. – 1998. – № 2. – С. 6-37.

228. Мельвиль А.Ю. Задержавшиеся и/или несостоявшиеся демократизации: почему и как? // Полис. – 2010. – № 4. – С. 73-76.

229. Мельвиль А.Ю. Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам // Полис. –1998. – №2. – С. 6-37.
230. Меркель В. Теории трансформации: структура или актор, система или действие? // Повороты истории: постсоциалистические преобразования глазами немецких исследователей: в 2 т. Т. 1: Постсоциалистические трансформации. Теоретические подходы. – Спб, М., 2003. – С. 64-88.
231. Мертон Р., Фиске М., Кендалл П. Фокусированное интервью / Пер. с англ. Т.Н.Федоровской. Под ред. С.А. Белановского. – М. – 1991. – 167 с.
232. Миллс Ч.Р. Властвующая элита / Пер. Е.И. Розенталь, Л.Г. Рошаль, В.Л. Кон. – М.: Директ-Медиа, 2007. – 844 с.
233. Михельс Р. Демократия и железный закон олигархии: глава из “Социология политической партии в условиях демократии”. URL: <http://read.virmk.ru/m/Mixels.htm//>
234. Михеев В. Потенциал вражды versus потенциал сотрудничества // Pro et Contra. – 1998. – Т. 3. – № 2. – С. 53-67.
235. Мозель Т.Н. Балтия, Россия и Запад в поисках модели безопасности в Европе. – М.: Научная книга, 2001. – 302 с.
236. Мокрецкий А. Ч. Международное влияние китайской концепции безопасности // Восточная Азия и изменения глобального миропорядка : Доклады, представленные на V международной конференции молодых востоковедов в Институте Дальнего Востока РАН, Москва, 16–17 ноября 2017 года. – Москва: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Дальнего Востока Российской академии наук, 2018. – С. 6-15.
237. Морозов Ю.В. Проблемы, препятствующие реализации интеграционных процессов Китая и России в Евразии //Проблемы и перспективы реализации инициативы «Экономический пояс Шелкового пути» в контексте ШОС. – М., 2017. – С. 112-133.
238. Моска Г. Правящий класс // Социс. – 1994. – №10. – С.187-197.

239. Мохов В.П. Региональная политическая элита России, (1945–1991). – Пермь: ПермКИ, 2003. – 240 с.
240. Мохов В.П. Циркуляция элит: проблема критериев процесса // Власть и элиты / А.В. Дука (ред.). – СПб.: Интерсоцис, 2014. – Т. 1. – С. 4–18.
241. Мохов В.П. Введение в элитологию российского общества. – Пермь: ПНИПУ, 2007. – 231 с.
242. Мохов В.П. Местная политическая элита в России: понятие, структура, численность // PolitBook. – 2012. – № 4. – С. 19–33.
243. Мохов В.П. Региональные и местные элиты: трансформация статуса в период политических реформ 2000-х годов // Политика и общество. – 2010. – № 8 (74). – С. 32–37.
244. Мохов В.П. Элитная консолидация: Государство и региональные элиты в России от Ельцина до Путина (По материалам дискуссии) // Два президентских срока В.В. Путина: Динамика перемен: Сб. науч. тр. // РАН. ИНИОН – М., 2008. – С. 219–240.
245. Национальный состав населения СССР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.). – М.: Финансы и статистика. – 1991. – 160 с.
246. Неклесса А.И. Люди воздуха, или кто строит мир? – М.: Инст. экон. стратегий. – 2005. – 224 с.
247. Неклесса А.И.: Ordo quadro: пришествие постсовременного мира / Мегатренды мирового развития / под ред. М. Ильина, В. Иноземцева. – М.: Экономика. – 2001. – С. 127-151.
248. Никитина Ю.А. Международные отношения и мировая политика : Введение в специальность : учебное пособие для студентов вузов / Ю. А. Никитина. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2014. – 156 с.
249. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Начала. – 1997. – 180 с.
250. Образы российской власти. От Ельцина до Путина / Под ред. Е.Б. Шестоपाल. – М.: РОССПЭН, 2008. – 416 с.

251. Основы теории государственного управления : Курс лекций : Учеб. пособие для студентов вузов / Д. П. Зеркин, В. Г. Игнатов. – М.: Тесса ; Ростов н/Д : МарТ, 2000. – 445 с.
252. Осознание трагедии – путь к преодолению последствий. URL: <https://www.un.org/ru/events/slaveryremembranceday/2007/backgrounder.shtml>
253. Острогорский М.Я. Демократия и политические партии. – М., 1997. – 639 с.
254. От миропорядка империй к имперскому миропорядку / Отв. ред. Ф.Г. Войтоловский, П.А. Гудев, Э.Г. Соловьев. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005. – 204 с.
255. Опыт лучших практик государственной службы России и Китая/ Совместная монография. Отв. редакторы академик РАН Т.Я. Хабриева, профессор, доктор наук Чжао Шимин. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации Пудунской академия подготовки руководящих кадров Китая. – М.:ИД “Юриспруденция”, 2020. – 396 с.
256. Панарин А.С. Искушение глобализмом. – М.: Изд-во Эксмо. – 2003. – 416 с.
257. Панарин А.С. Народ без элиты: между отчаянием и надеждой // Наш современник. – 2001. – №11. – С. 205-219.
258. Панцов А.В. Мао Цзэдун. Путь к власти. – М.: Вече, 2022. – 528 с.
259. Панцов А.В. Дэн Сяопин – М.: Молодая гвардия, 2013. – 560 с.
260. Перегудов С.П. Бизнес и власть в России: к новой модели отношений // Властные элиты современной России. – URL: http://www.businesspress.ru/newspaper/article_mId_40_aId_297056.html
261. Перегудов С.П. Крупная корпорация как субъект публичной политики. – М.: ГУ ВШЭ, 2006. – 168 с.
262. Перегудов С.П. Конвергенция по-российски: «золотая середина» или остановка на полпути? // Полис: Политические исследования. – 2008. – № 1. – С. 91-108.
263. Перегудов С.П. Корпорации, общество, государство: Эволюция отношений.

– М.: Наука, 2003. – 352 с.

264. Перегудов С.П., Лапина Н.Ю., Семенов И.С. Группы интересов и российское государство. – М.: УРСС, 1999. – 352 с.

265. Перегудов С.П., Семенов И.С. Корпоративное гражданство как новая форма отношений бизнеса, общества и власти / М.: РАН. ИМЭМО, 2006. – 194 с.

266. Перегудов С.П. Политическая система России в мировом контексте. Институты и механизмы взаимодействия. – М.: РОССПЭН, 2011. – 431 с.

267. Перегудов С.П. Трипартистские институты на Западе и в России: проблемы обновления // Полис: Политические исследования. – 2007. – № 3. – С. 78–91.

268. Перспективы развития политической психологии: новые направления / Под общ. ред. Е.Б. Шестопаля. – М., 2014. – 488 с.

269. Песцов С.К. Россия и Китай: восприятие друг друга и перспективы сотрудничества // Россия в глобальном мире. – 2017. – № 11 (34). – С. 51-63.

270. Пивоварова Э.П. Строительство социализма со спецификой Китая : Поиск пути / Рос. акад. наук, Ин-т Дальнего Востока. – М.: Наука : Изд. фирма "Вост. лит.", 1992. – 326 с.

271. Пляйс Я.А., Гаман-Голутвина О.В. Парламентаризм в России и Германии. – М.: РОССПЭН, 2006. – 584 с.

272. Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств / А.Ю. Мельвиль (руководитель авторского коллектива), М.В. Ильин, Е.Ю. Мелешкина, М.Г. Миронюк, Ю.А. Полунин, И.Н. Тимофеев (при участии Я.И. Ваславского). – М.: МГИМО-Университет. – 2007. – 272 с.

273. Политический класс в современном обществе / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. – М.: Российская ассоциация политической науки: Российская политическая энциклопедия, 2012. – 320 с.

274. Политические институты России и Франции: традиции и современность: Сб. науч. трудов / РАН. ИНИОН; Отв. ред.: Д.В. Ефременко, Н.Ю. Лапина. – М., 2014. – 256 с.

275. Политическая система и право КНР в процессе реформ (1978-2005) : [монография] / [Гудошников Л. М. и др.] ; Российская акад. наук, Ин-т Дальнего Востока. – М.: Рус. панорама, 2007. – 464 с.
276. Политические элиты в старых и новых демократиях / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, А.П. Клемешева. – Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. – 495 с.
277. Пономаренко Л.В., Пискунов Д.А. Китай – Джибути: стратегическое партнерство в Восточной Африке // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. – 2022. – № 2. – С. 158-174.
278. Проблемы институционализации российской политико-административной элиты: экономический и глобальный аспекты // Власть и элиты в современной России: Сб. науч. статей / Под ред. А.В. Дуки. – СПб.: Социологическое об-во им. М.М. Ковалевского, 2003. – С. 162-186.
279. Психология политического восприятия в современной России / Под ред. Е.Б. Шестопал. – М.: РОССПЭН, 2012. – 423 с.
280. Радаев В., Шкаратан О. Социальная стратификация. – М.: Наука. – 1995. – 237 с.
281. Ракитянский Н. М. Портретология власти. Теория и методология психологического портретирования личности политика : монография / Н. М. Ракитянский. – М.: Наука, 2004. – 264 с.
282. Рахимов К.Х. Роль ШОС в обеспечении безопасности в Центральной Азии // Современное российское право: взаимодействие науки, нормотворчества и практики. Московская юридическая неделя : материалы XIII Международной научно-практической конференции (Кутафинские чтения): в 3 частях, Москва, 21–23 ноября 2017 года / Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА); Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Том Часть 1. – М.: РГ-Пресс, 2018. – С. 504-509.
283. Региональные элиты Северо-Запада России: политические и экономические ориентации / Под ред. А.В. Дуки. – СПб.: Алетейя, 2001. – 352 с.

284. Ривера Ш. Тенденции формирования состава посткоммунистической элиты России: репутационный анализ // Полис. – 1995. – № 6. – С.61-66.
285. Ривера Ш., Ривера Д. К более точным оценкам трансформации в российской элите // Полис: Политические исследования. – 2009. – № 5. – С. 149-157.
286. Российско-китайский диалог: модель 2020: доклад № 58/2020 / [С. Г. Лузянин (рук.) и др.; Х. Чжао (рук.) и др.]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2020. – 254 с.
287. Российская региональная элита в трансформирующемся обществе // Transition –Erosion – Reaktion: zehn Jahre Transformation in Osteuropa / Dittmar Schorkowitz (Hrsg.) – Frankfurt am Main; Berlin etc.: Lang, 2002. – С. 10–37.
288. Российские властные институты и элиты в трансформации: Материалы восьмого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / Отв. ред. А.В. Дука. – СПб.: Интерсоцис, 2011. – 326 с.
289. Россия регионов: трансформация политических режимов / Общ. ред. В. Гельмана, С. Рыженкова, М. Бри. – М.: Весь мир, 2000. – 375 с.
290. Россия – Южная Африка: налаживая партнерские отношения. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1331>
291. Савельев А. Теория и практика современной войны // Мировая экономика и международные отношения. — 2019. — Т. 63. — № 6. — С. 122-128.
292. Савельев А.Г. Актуальные проблемы теории и практики современной войны в работах академика А.А. Кокошина. — М., 2020. — 48 с.
293. Садовский В.Н. Основания общей теории систем: Логико-методологический анализ. – М.: Наука. – 1974. – 279 с.
294. Самые влиятельные люди России – 2003 / Науч. рук. О.В. Гаман-Голутвина – М.: Институт ситуационного анализа и новых технологий (ИСАНТ). – 2004. – 696 с.
295. Саммит Китай – Арабские государства. URL:

<https://russian.news.cn/special/202212cf/zhongafh.html>

296. Самые влиятельные люди России. Политические и экономические элиты российских регионов / Отв. ред. Гаман-Голутвина О.В. – М.: ИСАНТ, 2004. – 218 с.
297. Сартори Дж. Вертикальная демократия // Полис. Политические исследования. – 1993. – №2. – С.80-89.
298. Саямов Ю.Н. Международные отношения в контексте следующей волны глобализации // Междисциплинарные проблемы международных отношений в глобальном контексте : Монография / Научные редакторы: А.У. Альбеков, А.М. Старостин. – Ростов-н/Д : Ростовский государственный экономический университет "РИНХ", 2019. – С. 27-32.
299. Седунов А. М. США во внешнеполитической стратегии Китая //Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2013. – №3. – С. 175-176.
300. Селеньи И. Интеллигенция и власть: опыт Восточной Европы 1960-е -1980-е гг. // Рубеж. – 1995. – № 6-7. – С. 198-224.
301. Сельцер Д.Г. Взлеты и падения номенклатуры. – Тамбов: ОГУП Тамбовполиграфиздат, 2006. – 592 с.
302. Симонян Р.Х. Россия и страны Балтии. Две модели социального развития. Изд. 3-е. – М.: Институт социологии РАН, 2009. – 416 с.
303. Симонян Р.Х. Страны Балтии: от обретения независимости до экономического кризиса // Горизонты экономики. – № 1. – 2011. – С. 33-43.
304. Скулте-Уэйсс Д. Вернувшаяся диаспора и политическое лидерство в случае посткоммунистической Латвии и Литвы / Продвижение демократических ценностей в расширяющейся Европе: изменяющаяся роль Балтийских государств от импортеров к экспортерам (ред. Касекамп А., Пяэбо Х.). Сб. док. межд. конф. в Тарту, Европейский колледж Тартуского университета. – 2006. – С. 91-101.
305. Смирнов В.А. Политические элиты в трансформирующихся обществах // Политический класс в современном обществе / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной.

– М.: Российская ассоциация политической науки: Российская политическая энциклопедия, 2012. – С. 78–112.

306. Смирнов В.А. Формирование политической элиты Литвы на рубеже 1980–1990-х гг.: роль «политиков морали» // Балтийский регион. – 2011. – № 4 (10). – С. 18-31.

307. Смирнов В.А., Сутырин В.В. Россия как фактор-ирритант для политической элиты стран Балтии в контексте электоральных кампаний 2010-2011 гг.: экспертный взгляд // Балтийский регион. – 2011. – №2 (8). – С. 146-153.

308. Смирнов Д.А. К вопросу об идейных истоках теории «Новой демократии» Мао Цзедуня // Общество и государство в Китае. – 2012. – №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-ideynyh-istokah-teorii-novoy-demokratii-mao-tszeduna> .

309. Сморгунов Л.В. Сетевая методология исследования политики // Политический анализ: Доклады Центра эмпирических политических исследований СПбГУ. Вып. 2 / Под ред. Г.П. Артёмова. – СПб.: Издательство С.-Петербургского университета. – 2001. – С. 73-87.

310. Современная мировая политика. Прикладной анализ / Отв. ред. А.Д. Богатуров. – М.: Аспект Пресс, 2010. – 592 с.

311. Сомали: страна на верном пути, но проблемы еще остаются. URL: <https://unsdg.un.org/ru/latest/blog/somalia-path-recovery-real-challenges-remain-un-resident-coordinators-blog>

312. Соловьев А.И. Сетевая этика правящего класса в системе государственного управления // Власть и элиты. – 2014. – Т. 1. – С. 41-55.

313. Соловьев Э.Г. Геополитические сдвиги в современном мире в зеркале эволюции концепции суверенитета // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2014. – № 3. – С. 57-73.

314. Соловьев Э. Г. Суверенитет в рамках полицентричного миропорядка: возвращение к истокам // Международная жизнь. – 2014. – № 6. – С. 95-110.

315. Социология Вильфредо Парето: политический аспект / Е.В. Осипова; Рос.

- акад. наук. Ин-т философии. Ин-т соц.-полит. исслед. – М.: ИСПИ РАН, 1999. – 103 с.
316. Сравнительная политология: Учебник / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. – М.: Аспект-пресс. – М., 2015. – 752 с.
317. Старостин А.М. Эффективность деятельности административно-политических элит: критерии оценки и анализ состояния в современной России. – Ростов-н/Д.: СКАГС, 2003. – 365 с.
318. Степанова Т.А. Политическая система Китайской Народной Республики (структура основных институтов власти). – М., 1996.
319. Страны Африки: проблемы и пути экономического развития. Ученые записки Института Африки РАН. – 2013. – Выпуск 31. – 174 с.
320. Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант. / Под ред. ак. А.А. Дынкина. – М.: Магистр, 2011. – 480 с.
321. Стригунов К.С., Манойло А.В. Фундаментальный механизм и законы неклассической войны // Гражданин. Выборы. Власть. – 2019. – Т. 4. – С. 157-193.
322. Сытин А.Н. Страны Балтии и их взаимоотношения с Россией в контексте международных отношений конца XX – начала XXI вв.: автореф. дис. ... докт. ист. наук. – М., 2010. – 59 с.
323. Шерковин Ю.А., Столбун Е.Б. Ленинское наследие и психология политики // Вопросы психологии. – 1980. – № 5. – С. 5-14.
324. Такер Р. Сталин. Путь к власти, 1879-1929: История и личность // перевод с английского; общ. ред. и послесл. В. С. Лельчука. – М.: Прогресс, 1991. – 478 с.
325. Танделова Д.В., Габуева А.Р. Экономика в процессе глобализации // Актуальные вопросы современной экономики. – 2018. – №. 5. – С. 293-297.
326. Титаренко М.Л. Китай. Цивилизация и реформы / Российская акад. наук. Ин-т Дал. Востока. – М: Респ., 1999. – 237 с.
327. Титаренко М.Л., Петровский В.Е. Россия, Китай и новый мировой порядок: теория и практика. Ин-т Дальнего Востока Российской акад. наук. – М.: Весь Мир, 2016. – 301 с.

328. Тихонова Н.Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // Социологические исследования (Социс). – 2006. – № 9. – С. 28-40.
329. Токвиль де А. Демократия в Америке. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Tokville_Democracy_1.pdf.
330. Тощенко Ж.Т. Как же назвать тех, кто правит нами? // Независимая газета. – 1998. – 31.12. – С. 4–5.
331. Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России: Монография / Под ред. А. В. Торкунова, Д. В. Стрельцова. – М.: Издательство "Аспект Пресс", 2019. – 432 с.
332. Туровский Р.Ф. Политическая регионалистика: Учебное пособие. – М.: ГУ ВШЭ, 2006. – 792 с.
333. Туровский Р.Ф. Центр и регионы. Проблемы политических отношений. – М.: ГУ ВШЭ, 2006. – 400 с.
334. Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма / Пер. с нем. Л. Воропай. – М.: Праксис, 2010. – 264 с.
335. Хабермас Ю. Расколотый Запад / Пер. с нем. – М.: Издательство «Весь Мир», 2008. – 192 с.
336. Ханна П. Второй мир / Центр исследований постиндустриального общества; Вступ. статья В.Л. Иноземцева. – М.: Издательство «Европа», 2010. – 616 с.
337. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 480 с.
338. Хао Лун. Функционирование и развитие системы государственной службы в КНР на современном этапе : диссертация ... кандидата политических наук : 23.00.02 / Хао Лун; Моск.гос.ун-т им. М.В.Ломоносова – Москва, 2015. – 174 с.
339. Хигли Дж. Демократия и элиты / Русские чтения. Выпуск 4. (Сборник материалов программы Института общественного проектирования «Русские чтения» за сентябрь 2006-июль 2007 г.). – М.: Изд-во «Группа Эксперт», 2007. – С. 64-85.

340. Хигли Дж. Элиты, вне-элитные группы и пределы политики: теоретический ракурс / Элиты и общество в сравнительном измерении: сб. ст. / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – С. 28-59.
341. Хилсмэн Р. Стратегическая разведка и политические решения / Пер. с англ. К.П. Сониной, О.Е. Зильберберг. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1957. – 192 с.
342. Хрусталева М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза : учебное пособие для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2017. – 224 с.
343. Цымбурский В.Л. Россия – Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 144 с.
344. Чайников Ю.В. 2017. 03. 009. Абденур А. Э. Китай в Африке, взгляд из Бразилии. Abdenur A. E. China in Africa, viewed from Brazil // J. of Asian studies. – Cambridge. – 2015. – Vol. 74. – N 2. – P. 257-267 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9, Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал. 2017. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2017-03-009-abdenur-a-e-kitay-v-afrike-vzglyad-iz-brazilii-abdenur-a-e-china-in-africa-viewed-from-brazil-j-of-asian-studies-cambridge-2015-vol-74-n-2>.
345. Человеческий капитал российских политических элит. Политико-психологический анализ / Под ред. Е.Б. Шестопаля, А.В. Селезневой. – М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН): Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 342 с.
346. Чирикова А.Е. Лидеры российского предпринимательства: менталитет, смыслы, ценности. – М.: РАН. Институт социологии, 1997. – 201 с.
347. Чирикова А.Е., Ледяев В.Г., Сельцер Д.Г. Власть в малом российском городе: конфигурация и взаимодействие основных акторов // Полис: Политические исследования. – 2014. – № 2. – С. 88-105.
348. Чирикова А.Е. Региональные элиты. – М.: Аспект Пресс, 2010. – 271 с.
349. Чирикова А.Е. Существует ли в современной России элита? // Полис:

Политические исследования. – 2008. – № 6. – С. 99-112.

350. Чумаков А.Н. Мягкая сила как способ решения проблем в глобальном мире // Век глобализации: исследование соврем. глоб. процессов. – 2014. – № 2(14). – С. 192-195.

351. Чумаков А.Н. Глобализация. Контуры целостного мира: монография. 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2021. – 428 с.

352. Чэнь Ханьчжи. Трансформация современных политических элит Китая // Социально-гуманитарные знания. – 2019. – № 6. — С. 330-335.

353. Чэнь Ханьчжи. Развитие системы госслужбы КНР как механизм формирования политических элит // Вопросы политологии. – 2020. – № 3(55). – С. 981-988.

354. Чэнь Ханьчжи. Проблемы профессиональных компетенций политических элит в Китае // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2021. – Т. 11. – № 1(70). – С. 223-228.

355. Чэнь Ханьчжи. Эволюция административной реформы и повышение эффективности госаппарата: центральный и локальный уровни управления // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2022. – Т. 12. – № 4(85). – С. 1465-1471.

356. Чэнь Ханьчжи. XX съезд КПК и кадровая политика в контексте новой центральной руководящей группы // Вопросы политологии. – 2022. – Т. 12. – № 11(87). – С. 3927-3936.

357. Чэнь Ханьчжи. Партийная школа КПК в подготовке политических элит // Вопросы политологии. – 2022. – Т. 12. – № 7(83). – С. 2387-2393.

358. Чэнь Ханьчжи. Анализ механизма формирования внешней политики России в контексте политических элит (на примере украинского вопроса: китайский взгляд) // Вопросы политологии. – 2022. – Т. 12. – № 3(79). – С. 900-908.

359. Шаламов Г.Г. Китайское присутствие в Африке: уроки для России // Россия и современный мир. – 2018. – №4 (101). – С. 112-128.

360. Шарапова А.В. Индия: Фокус на Африку? // Вестник СПбГУ. Востоковедение. Африканистика. – 2022. – № 2. С. 366-380.
361. Шкаратан О.И., Ильин В.И. Социальная стратификация России и Восточной Европы: сравнительный анализ / О.И. Шкаратан, В.И. Ильин; гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. – 468 с.
362. Штомпка П. Социология социальных изменений. – М., 1996. – 416 с.
363. Шестопал Е.Б. Введение в рубрику. Человеческое измерение политики // Полис: Политические исследования. – 2013. – № 6. – С. 6-8.
364. Шестопал Е.Б. Личность и политика. Критический очерк современных западных концепций политической социализации. – М.: Мысль, 1988. – 294 с.
365. Шестопал Е.Б. Политическая психология. – [2-е изд., перераб. и доп.]. – М.: Аспект Пресс, 2007. – 427 с.
366. Шестопал Е.Б. Элиты и общество как политические акторы постсоветской России // Социологические исследования. – 2016. – № 5. – С.35-43.
367. Шумпетер Й.А. Капитализм, социализм и демократия: Пер. с англ. / Отв. ред. и авт. предисл. В. С. Автономов. – М.: Экономика, 1995. – 539 с.
368. Шутов А.Ю. Политический процесс. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1994. – 79 с.
369. Эдингер М. Политические элиты в посткоммунистических государствах: смена элит и связанные с нею вызовы / Демократия. Власть. Элиты: Демократия vs элитократия: сб. ст. / под ред. Я.А. Пляйса. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – С.13-28.
370. Элиты и общество в сравнительном измерении / Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина. – М.: РОССПЭН, 2011. – 430 с.
371. Элиты и будущее России: взгляд из регионов. Выпуск первый: Сб. материалов международной научно-практической конференции / Отв. ред. В.Г. Игнатов. – Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2007. – 422 с.
372. Юдин Н.О. Роль ТНК в современной мировой политике // Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer. – 2020. – №. 9. – С. 83-92.

373. Южный Судан: без чрезвычайной помощи страну ждет голод. URL: <https://news.un.org/ru/story/2019/12/1369081>

Литература на английском языке:

374. Aberbach J., Putnam R., Rockman B. Bureaucrats and politicians in Western democracies. – Cambridge: Harvard University Press. – 1981. – 322 pp.
375. Aberbach J., Rockman B. In the web of politics: three decades of the U.S. federal executive. – Washington: Brookings Institution Press. – 2000. – 240 pp.
376. Adamkus V. Penkeri darbo metai: kalbos, interviu, laiskai. – Vilnius: Baltos lankos. – 2002. – 495 pp.
377. Agh A. The Politics of Central Europe. – London, Thousand Oaks, New Delhi: Sage Publications. – 1998. – 244 pp.
378. Alanen I. The Privatization of Agriculture and the Family Farm Ideology in the Baltic States / Between Plan and Market. Social Change in the Baltic States and Russia. Berlin, N.Y.: Walter de Gruyter, 1996. – P. 141-168.
379. Alisauskiene R. Politines nuostatos ir rinkimai Lietuvoje // Politologija. – 2000. – № 2 (18). – P. 15.
380. Andrew B. Chinese Premier Li Warns Southeast Asia Nations Against Provocation // Wall Street Journal, 2014.
381. Antanaitis K. Nomenklaturen transformacijos Lietuvoje 1988-1992 metais. // Darbai ir dienos. – 2008. – № 49. – P. 92.
382. Almond G.A., Flanagan S. and Mündt R. (eds.) Crisis, Choice, and Change: Historical Stories of Political Development. Boston: Little, Brown and Co. – 1973. – 717 p.
383. Araszkievicz A. The Concept of China's Peaceful Rise and Offensive Realism // Przegląd Strategiczny. – 2021. – № 14.
384. Archer M. Realist Social Theory: The Morphogenetic Approach. University of Warwick, 1995. – 368 p.

385. Archer M. Culture and Agency. The place of culture in social theory. Rev. ed. New York, Cambridge University Press, 1996. – 351 p.
386. Archer M. Morphogenesis Versus Structuration: On Combining Structure and Action // *British Journal of Sociology*. – 1982. – Vol. 33. – № 4 (December).
387. Archer M. Being Human: the Problem of Agency. Cambridge University Press, 2004. – 336 p.
388. Arendt H. The Origins of Totalitarianism. N.Y., 1966.
389. Bachrach P., Baratz M.S. Power and Poverty: Theory and Practise. New York, Oxford University Press, 1970. – 220 p.
390. Best H., Higley J. (eds.), Democratic elitism: new theoretical and comparative perspectives. – Leiden and Boston: Brill, 2010. – 235 p.
391. Bhaskar R. Scientific Realism and Human Emancipation. With a new Introduction. New Yourk, Routledge, 2009. – 215 p.
392. Bobo Lo. Russia and the New World Disorder, Brookings Inst. Press / Chatham House, August 17, 2015, P.13.
393. Bobo Lo. A wary embrace. What China-Russia relationship means for the world. New York, 2017. – 150 p.
394. Bos E., Segert D. (Hrsg.). Osteuropaeische Demokratien Laender als Tredsetter? Parteien und Parteiensysteme nach dem Ende des Übergangsjahrzehnts. – Verlag Barbara Budrich, Opladen. Farmington Hills, 2008. – 349 p.
395. Botswana's Success: Good Governance, Good Policies, and Good Luck. URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/304221468001788072/930107812_201408253094647/additional/634310PUB0Yes0061512B09780821387450.pdf
396. Bourdieu P. The forms of capital / Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / Ed. by J. G. Richards. – New York: Greenwood Press, 1986. – P. 241-258.
397. Bozoki A. Intellectuals and Democratization in Hungary / A New Europe? Social Change and Political Transformation / Ed. by C. Rootes and H. Davis. – London: UCL Press, 1994. – P. 149-175.

398. Bozoki A. Theoretical Interpretations of Elite Change in East Central Europe / Elite configurations at the apex of power / Ed. by Dogan M. – Leiden: Brill. – 2003. – P. 215-223.
399. Borzel T. Rediscovering Policy Networks as a Form of Modern Governance // Journal of European Public Policy. – 1998. – Vol. 5. – № 2. – P. 354-359.
400. Brad G. China's Grand Strategy Disaster // National Interest. URL: <http://nationalinterest.org/feature/chinas-grand-strategy-disaster-10492>
401. Brook's S. American primacy in perspective // Foreign Affairs. – 2002. – №. 4.
402. Budryte D. The Dilemma of «Dual Loyalty»: Lithuania and Transatlantic Tensions / ed. by Lansford T., Tashev B., Ashgate. Old Europe, New Europe and the US. – 2005. – P. 151-172.
403. Burton M., Gunther R, Higley J. Introduction: Elite Transformations and Democratic Regimes / Elites and Democratic Consolidation in Latin America and Southern Europe / Ed. by Higley J. and Gunther R. – Cambridge: Cambridge University Press, 1992. – P. 1-37.
404. Burton M., Higley J. Elite Settlements // American Sociological Review. – 1987. – Vol. 52. – № 3. – P. 295-307.
405. Burton V., Higley J. Invitation to elite theory. The basic contentions reconsidered // Power elites and organization / W.G. Domhoff, Th. Dye (eds). – Beverly Hills: Sage, P.U.F., 1987. – P. 219–238.
406. Burton M., Higley J. The Study of Political Elite Transformations // International Revue of Sociology. – 2001. – Vol.11. – No2. – P. 181-199.
407. Cameron R., Turovsky R.F. Centralized but fragmented: the regional dimension of «Russia's party of power» // Demokratizatsiya. – Washington, DC, 2015. – Vol. 23, N 2. – P. 205–223.
408. Cheng J. Y. Chinese perceptions of Russian foreign policy during the Putin Administration: US-Russia relations and «strategic triangle» considerations // Journal of Current Chinese Affairs. – 2009. – №2. – C. 145-168.
409. Chinese premier arrives in Angola for visit. URL:

https://www.chinadaily.com.cn/world/2014livisitafrica/2014-05/09/content_17494847.htm

410. Chinese FM, UN Chief Discuss Korean Peninsula Tensions // Xinhua. URL: <http://news.xinhuanet.com/english/china/2013-04/06/c132288307.htm1>
411. China Draws Red Line on North Korea, Says Won't Allow War on Peninsula // Reuters. URL: <http://uk.reuters.com/article/2014/03/08/uk-korea-north-china-idUKBREA2703T20140308>
412. Commonwealth of Nations. URL: <https://www.thecommonwealth.org/>
413. Comunidade dos Países de Língua Portuguesa. URL: <https://www.cplp.org/>
414. Cotta M. On the Relationship between Party and Government / The nature of party government. A comparative European Perspective. /Ed. by Blondel J., Cotta M. – London, MacMillan, 2000. – P. 196-222.
415. Crawford K. East Central European Politics Today: From Chaos to Stability. – Manchester University Press, 1996. – 360 p.
416. Democratic representation in Europe. Diversity, change, and convergence / H. Best, M. Cotta (eds.). – Oxford: Oxford univ. press, 2007. – 552 p.
417. Dahl R.A. Polyarchy. Participation and Opposition. – New Haven L., 1971. – 257 p.
418. Dahl R. The Concept of Power // Political Power: A Reader in Theory and Research / Ed. By R. Bell, D. Edwards, R. Wagner. – New York: Free Press; London, Collier-Macmillan, 1969. – P. 79-93.
419. Dahl R. A. Critique of the Ruling Elite Model // The American Political Science Review. – 1958. – Vol. 52. – № 2. – P. 463-469.
420. Decision of the Central Committee of the Communist Party of China on Some Major Issues Concerning Comprehensively Deepening the Reform // China Daily. URL: http://www.china.org.cn/china/third plenary session/2014-01/16/content_31212602.htm
421. Dingwerth K. International organizations under pressure: Legitimizing global governance in challenging times. – Oxford University Press, 2019.
422. Dogan M., Higley J. (eds.), Elites, Crises, and the Origins of Regimes. – Lanham

- MA: Rowman Littlefield, 1998. – 264 p.
423. Dogan M. (ed.) *Elite configurations at the apex of power*. Leiden: Brill, 2003.
424. Dowding K., Dunleavy P., King D., Margetts H. *Rational Choice and Community Power Structure // Political Studies*. – 1995. – Vol. 43. – № 2. – P. 267-277.
425. Duverger M. *A New Political System Model: Semi-Presidential Government // European Journal of Political Research*. – 1980. – Vol. 8. – P. 165-187.
426. *Elite configurations at the apex of power / Ed. by M. Dogan*. – Brill; Leiden; Boston, 2003. – 388 p.
427. *Elites in Transition. Elite Research in Central and Eastern Europe*, eds H.Best, H.Becker. – Opladen. – 1997. – 250 p.
428. *Elites, crises and the origins of regimes / M. Dogan, J. Higley (eds.)*. – Lanham, Mariland: Rowman and Littlefield Publisher, 1998. – 266 p.
429. *Estonian Human Development Report. Baltic Way(s) of Human Development: Twenty Years On. 2010/2011*. – Eesti Koostöö Kogu. Tallinn: AS Printon Triikikoda, 2011. – 227 p.
430. Eyal G., Szelenyi I., Townsley E. *Making Capitalism Without Capitalists: The New Ruling Elites in Eastern Europe*. – London: Verso, 1998. – 200 p.
431. Eyal G., Szelenyi I., Townsley E. *The Theory of Post-Communist Managerialism // New Left Review*. – 1997. – № 222. – P. 60-92.
432. Field G., Higley J. *Elitism*. – London; Boston. Routledge and Kegan Paul, 1980. – 135 p.
433. Field G., Higley J., Burton M. *A New Elite Framework for Political Sociology // Revue europeenne des sciences sociales*. – 1990. – T. 28. – № 88. – P. 149-182.
434. Fritz V. *State-Building: A Comparative Study of Ukraine, Lithuania, Belarus and Russia*. – Central European University Press, 2007. – 384 p.
435. Fukuyama F. *The end of history and the last man*. – New York: Free Press, 1992.
436. Full Text of Li Keqiang's Speech at Opening Ceremony of Boao Forum // China Daily. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2014-04/11/content_17425516.htm

437. Gaidys V. The Emergence of the Lithuanian Political Elite / The New Elite in Post-communist Eastern Europe. / Ed. by V. Shlapentokh, Ch. Vanderpool and B. Doctorov. – Texas A&M University Press, 1999. – P. 144-162.
438. Gaidys V., Tureikyte D. Opinions 1989-1994. – Vilnius, Public Opinion Research Center, Institute of Philosophy, Sociology and Law, 1994. – 115 p.
439. Gaman-Golutvina O. Conclusions. Media and Democracy in Transformation Design / Media, Democracy and Freedom. The Post-Communist experience. / (eds). M. Dyczock, O. Gaman-Golutvina – Geneva. Peterlang, 2009. – P. 231-241.
440. Gaman-Golutvina O. Administrative reform in Russia: preliminary results // changing power relations without changing power model / Ed. by A. Oleinik. – N.Y.: Routledge, 2009. – P. 38-54.
441. Gaman-Golutvina O. Parliamentary representation and MPs in Russia: historical retrospective and comparative perspective // Parliamentary elites in Central and Eastern Europe / Ed. by E. Semenova, M. Edinger, H. Best. – L.: Routledge, 2014. – P. 241-260.
442. Gaman-Golutvina O. Political Elites in the Post-Socialist countries // Elites: New Comparative Perspectives / Ed. by M. Sasaki. – Leiden; Boston: BRILL, 2008. – P. 123-142.
443. Gaman-Golutvina O. Political elites of the commonwealth of independent states // Comparative Sociology. – Amsterdam, 2007. – N 6. – P. 136–157.
444. Gaman-Golutvina O. Political leadership and political elites in Russia // Political leadership: New comparative perspective. – Ashgate, 2008. – P. 269–287.
445. Geddes B. Initiation of New Democratic Institutions in Eastern Europe and Latin America / Institutional Design in New Democracies: Eastern Europe and Latin America. / Eds A. Lijphart & C.H. Waisman. – Boulder: Westview Press. – 1996. – P. 15-43.
446. Giddens A. The Constitution of Society. – Berkeley: University of California Press, 1984. – 417 p.
447. Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern

Age. – Cambridge: Polity Press, 1991. – 256 p.

448. Giddens A., Mackenzie G. (eds.) Social Class and the Division of Labour. Essays in Honour of Ilya Neustadt. – Cambridge University Press, 1983. – 356 p.

449. Girnius S. Lithuanian Politics Seven Months after the Elections // RFE/RL Research Report. – 1993. – Vol. 2. – № 27. – P. 16-21.

450. Goldstein A. China's grand strategy under Xi Jinping: reassurance, reform, and resistance // International Security. – 2020. – №. 1.

451. Gould R.V., Fernandez R.M. Structures of Mediation: A Formal Approach to Brokerage in Transaction Networks // Sociological Methodology. – 1989. – № 19. – P. 89-126.

452. Gylys P. Lithuanian Foreign Policy Challenges and Background 1992-1996 // Lithuanian Foreign Policy Review. – 2004. – № 13-14. – P. 95-101.

453. Haass R.N The age of nonpolarity, what will follow US dominance? // Foreign Affairs. – 2009. – № 4.

454. Hankiss E. East European Alternatives. Oxford: Clarendon Press. – 1990. – 319 p.

455. Hankiss E. Reforms and the Co version of Power / Upheaval against the Plan: Eastern Europe on the Eve of the Storm / Ed. by Weilemann P., Brunner G., Tokes R. Oxford: Berg. – 1991. – P. 27-39.

456. Hausstein B. and Guchteneire P. De (Eds.) Social Science Data Archives in Eastern Europe. – Heron Press, Sofia, Bulgaria, 2002. – 236 p.

457. He K. Xi Jinping's operational code beliefs and China's foreign policy //The Chinese Journal of International Politics. – 2013. – № 3. – P. 209-231.

458. Higley J. Elite Theory in Political Sociology. Электронный ресурс. URL: http://theoriesofsocialchange.files.wordpress.com/2010/02/higley_elite_theory_ipsa_2008.pdf

459. Higley J., Bayulgen O., George J. Political elite integration and differentiation in Russia / Elites and Democratic Development in Russia/ Steen A., Gel'man V. (eds). – London: Routledge, 2003. – P. 11-28.

460. Higley J., Lengyel G. Elites after State Socialism. Theories and Analysis. – New

York, Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, 2000. – 252 p.

461. Higley J., Burton M., *Elite Foundations of Liberal Democracy*. – Boulder: Rowman & Littlefield, 2006. – 227 p.

462. Higley J., Pakulski J. *Forceful Leaders and Leonine Elites in Liberal Democracies // Comparative Sociology*. – 2007. – Vol. 6. – Issue 1. – P. 6-26.

463. Higley J., Pakulski J. *Elite power games and democratic politics in Central and Eastern Europe // Democratic and Capitalist Transitions in Eastern Europe. Lessons for the Social Science / Ed.by Dobry M*. – Boston, London, 2000. – 271 p.

464. Higley J., Kullberg J. and Pakulski J. *The Persistence of Postcommunist Elites // Journal of Democracy*. – 1996. – № 7 (2). – P. 133-147.

465. Henson R.M., Cannell C.F., Lawson S.A. *Effects on Interviewer Style on Quality of Reporting in a Survey Interview // Journal in Psychology*. – 1976. – Vol. 93. – №2. – P. 221-227.

466. Hubert L. Dreyfus and Paul Rabinow (eds.) *Michel Foucault: Beyond Structuralism and Hermeneutics*. – Chicago: The University of Chicago Press, 1983. – 271 p.

467. Hunter F. *Community Power Structure*. – Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1953. – 297 p.

468. Huntington S. *The lonely superpower // Foreign Affairs*. – 1999. – № 2.

469. Huntington S. *Will More Countries Become Democratic? // Political Science Quarterly*. – 1983. – Vol. 99. – № 2. – P. 193-218.

470. Iglıc H., Rus A. *Elite Networks in Transition: The Dynamics of Change in Personal Networks of Slovenian Elites / The Second Generation of Democratic Elites in Central and Eastern Europe*. Ed. by J. C. Zagorska and J. Wasilewski. – Warsaw: Polish Academy of Science, 2000. – P. 175-195.

471. Ilonszki G., Edinger M. *MPs in Post-Communist and Post-Soviet Nations: A Parliamentary Elite in the Making. // The Journal of Legislative Studies*. – 2007. – Vol. 13. – № 1. – P. 142-163.

472. *Implementing the Chinese Dream, National Interest // National Interst*. URL:

<http://nationalinterest.org/commentary/implementing-the-chinese-dream-9026>

473. India, Japan come up with AAGC to counter China's OBOR URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/economy/policy/india-japan-come-up-with-aagc-to-counter-chinas-obor/articleshow/58846673.cms>

474. Jankauskas A., Zeruolis D. Understanding Politics in Lithuania / DEMSTAR Research Report № 18 / Ed. by Norgaard O., Johannsen L. – Department of Political Science, University of Aarhus, 2004. – 32 p.

475. Janusauskiene D. The Post-Communist Democratization in Lithuania. Elites, Parties and Youth Organizations 1988-2001. – Amsterdam/New York, 2011. – 173 p.

476. Jervis R., Snyder J. (eds.) Dominoes and Bandwagons. Strategic Beliefs and Great Power Competition in the Eurasian Rimland. – New York: Oxford University Press, 1991. – 320 p.

477. Joffe J. The default power, the false prophecy of America's decline. Foreign Affairs. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/65225/josef-joffe/the-default-power>

478. Joshua K. How China's Soft Power is Transforming the World // New Haven, CT: Yale University Press, 2007.

479. Jurkynas M. Emerging cleavages in new democracies: the case of Lithuania // Journal of Baltic Studies. – 2004. – Vol. 35. – P. 278-296.

480. Jurkynas M., Ramonaite A. Kaire ir desine Lietuvoje: Ekspertu ir elektorato nesusikalbejimas / Lietuva po Seimo rinkimu / ed. Jankauskas A., Vilnius, Vilniaus universiteto leidykla, – 2005. – P. 71-90.

481. Kaczmarek M. Russia-China relations in the post-crisis international orderю. Abingdon, 2015. – 176 p.

482. Kaminski A., Kurczewska J. Strategies of Post-communist transformations: elites as institution-builders / Social change and modernization: lessons from Eastern Europe / ed. B. Grancelli. Berlin; New York: de Gruyter, 1995. – P. 131-152.

483. Kasatkina N., Beresneviciute V. Ethnic Structure, Inequality and Governance of the Public Sector in Lithuania // Ethnicity Studies. Lithuanian Social Research Centre.

Eugrimas, 2010. – № 1-2. – P. 31-48.

484. Kasatkina N., Leoncikas T. Lietuvos etninių grupių adaptacija: kontekstas ir eiga. Vilnius: Socialinių tyrimų institutas. Eugrimas, 2003. – 285 pp.

485. Kennedy P. The rise and fall of the great powers: economic change and military conflict from 1500 to 2000. – New York: Vintage Books, 1989.

486. Krauthammer C. The unipolar moment // Foreign Affairs. – 1990. – № 3.

487. Krupavicius A. Models of Post-communist Political Elites in Central Europe and the Baltics: Comparative Analysis // Budapest papers on Democratic transition. Hungarian Center for Democracy Studies Foundation. – 1998. – № 158. – 34 p.

488. Kryshchanovskaya O., White S. Putin's militocracy // Post-Soviet affairs. – Washington, DC, 2003. – Vol. 19, N. 4. – P. 289–306.

489. Kitschelt H. Accounting for Outcomes of Post-Communist Regime Change. Causal Depth or Shallowness in Rival Explanations. – APSA Papers, 1999.

490. Knoke D. Political Networks: the Structural Perspective. – Cambridge University Press, 1990. – 290 p.

491. Knoke D., Pappi F., Broadbent J., Tsujinaka Y. Comparing Policy Networks. Labor Politics in the US, Germany, and Japan. – Cambridge; New York, 1996. – 288 p.

492. Laumann E., Pappi F. Networks of Collective Action: A Perspective on Community Influence Systems. – New York: Academic Press, 1976. – 329 p.

493. Laumann E., Pappi F. New Directions in the Study of Community Elites // American Sociological Review. – 1973. – № 38. – P. 212-230.

494. Laurinavicius C., Motieka E., Statkus N., Baltijos valstybiu geopolitikos bruožai. XX amžius. – Vilnius: Lietuvos Istorijos instituto leidykla, 2005. – 410 p.

495. Laurinavicius C., Sirutavicius V. Lietuvos istorija, t. XII, 1 dalis: Saudis: nuo persitvarkymo iki Kovo 11-sios. – Vilnius: Baltos lankos, 2008. – 580 p.

496. Levi-Strauss C. Structural Anthropology, vol. 1. Translated by C. Jacobson and B. Schoepf. – New York: Basic Books, 1963. – 448 p.

497. Lieven A. The Baltic Revolution: Estonia, Latvia, Lithuania and the Path to Independence. – New Haven, London: Yale University Press, 1994. – 454 p.

498. Linkevicius L. Membership of NATO is the Impulse for Reforms // Lithuanian Annual Strategic Review 2002. – Vilnius: Strategic Research Center, 2003. – P. 7-16.
499. Liubsiene E., Alisauskiene R., Pinkeviciene M. Social inequality and why it matters for the economic and democratic development of Europe and its citizens: post-communist Central and Eastern Europe in comparative Perspective. Deliverable 2. Desk research: Lithuania. Oxford University, Department of Politics and International Relations, 2009. – 33 p.
500. Lofgren M. The Party Is Over: How Republicans Went Crazy, Democrats Became Useless, and the Middle Class Got Shafted Paperback / M. Lofgren. –The Washington Post, 2013. – 240 p.
501. Lofgren M. Essay: Anatomy of the Deep State [Electronic resource] / M. Lofgren. – Public Affairs Television «Moyers». – 21 February. – 2014. – Mode of access: <http://billmoyers.com/2014/02/21/anatomy-of-the-deep-state/>
502. Lopata R. Politikai ir Istorija. Algirdo Brazausko ir Vytauto Landsbergio istorija sampratos. – Vilnius universiteto leidykla, 2010. – 143 p.
503. Mackinder H. Democratic ideals and reality: a study in the politics of reconstruction. – Constable: London, 1919. – 266 p.
504. Mahoney J., Snyder R. Integrative Strategies for the Study of Regime Change / Larsen S. The Challenges of Theories on Democracy. Elaborations over New Trends in Transitology. New York, 2000. – P. 180-207.
505. Malesky E. The political economy of development in China and Vietnam // Annual Review of Political Science, – 2014. – C. 395-419.
506. Maniokas K. Methodology of the EU Enlargement: A Critical Appraisal 11 Lithuanian Political Science Yearbook 1999. – Vilnius University, 2000. – P. 182-210.
507. Manion M. Politics and Policy in Post-Mao Cadre Retirement // The China Quarterly. – 1992 – No 129 (Mar.). – P. 1-25.
508. Mannheim K. Essays on the Sociology of Culture. – London, 1956. – 179 p.
509. Masiulis K. Lietuvos elitas. Economines vertybes. Politines orientacijos. Prognozes. – Vilnius, 1997. – 100 p.

510. Mastro O. S. Why China won't rescue North Korea: What to expect if things fall apart // *Foreign Affairs*. – 2018. – № 1.
511. Matonyte I. Elite studies and Communism: the Baltics between Moscow and East Central Europe /Baltic democracy at the crossroads. An Elite perspective. / Berglund Sten, Duvold Kjetil (eds.). Hoyskoleforlaget As, Kristiansand, Norwegian Academic Press,– 2003. – P. 23-36.
512. Matonyte I. Elites in Soviet and post-Soviet societies. Paper presented at the Fourth Nordic Conference on the Anthropology of Post-Socialism, April 2002.
513. Matonyte I. Elito teorijos ir studijos sovietinese ir posovietinese visuomenese // *Sociologija*. Mintis ir veiksma. Klaipeda, Socialimq tyrimq / Sociologijos istorijos centras. – 1999. – № 4.– P. 44-59.
514. Matonyte I. Ex-nomenklatura and Ex-dissidents in the Post-communist Parliaments of Estonia, Latvia, Lithuania and Poland I I Viesoji politika ir administravimas. – 2009. – № 29. – P. 28-39.
515. Matonyte I. Ex-Nomenklatura in the Baltics: Soviet Legacies and Contributions / Restructuring of the Economic Elites after State Socialism. Recruitment, Institutions and Attitudes. / Lane D., Lengyel G., Tholen J. (eds.) Stuttgart, 2007. – P. 169-198.
516. Matonyte I. (Liberal) mass media and the (multi) party system in post-communist Lithuania I I *Central European Journal of communication*. № 1. – 2008. – P. 123-144.
517. Matonyte I. Posovietinio elito labirintai (Labyrinths of the post soviet elites). – Vilnius, Knygiai, 2001. – 324 p.
518. Matonyte I. The Parliamentary elite in post-communist Lithuania 1990- 2000 / Best H., Edinger M. (eds.) / *Representative elites in post-communist settings*. Friedrich Schiller Universität. – Jena, 2003. – № 8 – P. 55-67.
519. Matsuzato K., Gudzinskas L. An Eternally Unfinished Parliamentary Regime? Semipresidentialism as a Prism to View Lithuanian Politics // – *Acta Slavica Iaponica*, 2006. – Tomus 23. – P. 146-170.
520. Media, freedom and democracy / M. Dyczok, O. Gaman-Golutvina (eds.). – Bern; Berlin; Brussels; Frankfurt am Main; N.Y.; Oxford; Wien: Peter Lang, 2009. –

318 p.

521. Mearsheimer J. The tragedy of great power politics. – New York: Norton, 2001.
522. Michels R. Political Parties. A sociological study of the oligarchical tendencies of modern democracy. – Glencoe, 1915. – 416 p.
523. Michael Y. China's New Assertiveness in the South China Sea // Journal of Contemporary China. – 2013.
524. Melanie Manion Politics and Policy in Post-Mao Cadre Retirement // The China Quarterly. – 1992. – No 129 (Mar.). – P. 1-25.
525. Misiunas R. J., Taagepera R. The Baltic States: Years of dependence, 1980-1986 // 11 Journal of Baltic Studies. – 1989. – V. 20. – №. 1. – P. 65-88.
526. Mosca G. The Ruling Class (Elementi di scienza politica). Trans. H. D. Kahn. Ed., rev. and with an Introduction by A. Livingston. – New York and London: McGraw-Hill, 1939. – 514 p.
527. Motieka E., Statkus N. Global and Baltic Geopolitical Situation: Review of 2001-2003 // Lithuanian Annual Strategic Review 2003. Vilnius: Lithuanian Military Academy, 2004. – P. 9-39.
528. Nekrasas E. Is Lithuania a Northern or Central European country? // Lithuanian Foreign Policy Review. – 1998. – № 1. – P. 19-46.
529. Norgaard O. (ed.) The Baltic States after Independence. – Cheltenham, 1996. – 234 p.
530. Norkus Z. Carl Schmitt as a Resource for Democratic Consolidation Studies: The Case of the President's Impeachment in Lithuania // East European Politics and Societies. – 2008. – Vol. 22. – № 4. – P. 784-801.
531. Norkus Z. Kokia demokratija, koks kapitalizmas? Pokomunistine transformacija Lietuvoje lyginamosios istorines sociologijos požiūriu. – Vilnius: Vilniaus universitetas, 2008. – 744 p.
532. Novagrokiene J. Lietuvos partines sistemos raida / Seimo rinkimai'96, treciasis «atmetimas». Sud. by A. Krupavicius. – Tverme, 1998. – P. 298-324.
533. Nye J. The future of American power, dominance and decline in perspective //

Foreign Affairs. – 2010. – № 10.

534. Nye Jr J. S. The twenty-first century will not be a «post-American» world // New York: International Studies Quarterly. – 2012. – №. 1.

535. Offe C. Capitalism by Democratic Design? Democratic Theory Facing the Triple Transition in East Central Europe // Social Research. – 1991. – Vol. 58. – № 4. – P. 865-892.

536. Organisation internationale de la francophonie. URL: <https://www.francophonie.org/>

537. Pant H. The US pivot and Indian foreign policy: Asia's evolving balance of power. – Springer, 2015.

538. Pareto V. The Rise and Fall of the Elites. An Application of Theoretical Sociology. – New Jersey: The Bedminster Press, 1968. – 120 p.

539. Pareto V. Elites and their Circulation // Structured Social Inequality: a Leader in Comparative Social Stratification. N. Y., 1969.

540. Pareto V. Sociological Writings. Selected and Introduced by S. F. Finer, F. A. Praeger, – N. Y. – 1966 (or.1916).

541. Parliamentary representatives in Europe 1848–2000 / H. Best, M. Cotta (eds.). – Oxford: Oxford univ. press, 2000. – 568 p.

542. Paulauskas K. The big, the bad and the beautiful: America, Russia and Europe's mellow power // Lithuanian Foreign Policy Review. – 2008. – № 20. – P. 120-126.

543. Pettai V. The Consolidation of the Political Class in the Baltic States / Paper presented at the 4th General Conference of the European Consortium for Political Research September 7-9, 2007, Pisa, Italy.

544. Popper K. The Open Society and Its Enemies. – Princeton: Princeton UP, 1963. – 368 p.

545. Przeworski A. Minimalist conception of democracy: a defense. / Democracy's value / Ed. by Shapiro I., Hacker-Cordon C. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – P. 23-55.

546. Putnam R. D. Elite Transformation in Advance Industrial Societies: An Empirical

Assessment of the Theory of Technocracy // Comparative Political Studies. – 1977. – Vol. 10. – №. 3. – P. 383-412.

547. Putnam R. D. The Comparative Study of Political Elites. – New Jersey: Prentice Hall, 1976. – 246 p.

548. Radzvilas V. Liberal Democracy, Globalization and the Prospects of Democracy in Lithuania // Lithuanian Political Science Yearbook. – Vilnius University, 2006. – P. 11-48.

549. Ramonaite A. Changing nature of partisanship in a post-communist society: comparing «old» and «new» parties in Lithuania // Lithuanian Political Science Yearbook 2007. Vilnius: Institute of International Relations and Political Science. Vilnius University, 2008. – P. 91-110.

550. Ramonaite A. The End of the Left-Right Discourse in Lithuania? // Lithuanian Political Science Yearbook 2002. Vilnius University, 2003. – P. 22-37.

551. Ramonaite A., Ziliukaite R. Explaining partisan loyalties in Lithuania // Lithuanian Political Science Yearbook 2008. Vilnius University, 2009. – P. 11-33.

552. Ramonaite A. Posovietines Lietuvos politinė anatomija. Piliетines visuomenės institutas, Vilniaus universitetas. Tarptautinių santykių ir politikos mokslų institutas. – Vilnius: Versus aureus, 2007. – 208 p.

553. Rensselaer Lee, A. Lukin. Russia's Far East. New dynamics in Asia Pacific and beyond. – London, 2016. – 276 p.

554. Riesman D. The Lonely Crowd. – New Haven, 1950. – 315 p.

555. Riker W. Liberalism Against Populism. – San Francisco: W.H. Freeman and Company, 1982. – 311 p.

556. Richest African Countries. URL: <https://wisevoter.com/country-rankings/richest-african-countries/>

557. Rivera S.W., Rivera D.W. The Russian elite under Putin: Militocratic or bourgeois? // Post-Soviet affairs. – Washington, DC, 2006. – Vol. 22. – N 2. – P. 125-145.

558. Ross R.S. Balance of power politics and the rise of China: Accommodation and

balancing in East Asia // *Security Studies*, 2006. – P. 355-395.

559. Rothkopf D. *Superclass: The Global Power Elite and the World They Are Making*. – Farrar, Straus and Giroux, 2009. – 376 p.

560. Rustow D. *Transitions to Democracy: Toward a Dynamic Model* // *Comparative Politics*. – 1970. – Vol. 2. – № 3. – P. 337-363.

561. Samalavicius A. *Amorphous Society or Entering the Epoch of «Mature Postcommunism»* // *Kulturos braai* – 2007. – № 1. – P. 2-6.

562. Sandukas L. *Lietuviu Bendruomenes Uzsienyje* // *Valstybe. Iliustruota Lietuvos enciklopedija*, Kaunas, Sviesa, 2006. – P. 100-105.

563. Schumpeter J. *Capitalism, socialism and democracy*. – Routledge, 1994. – 431 p.

564. Scott J. *Exploring Elite Empowerment: «Intergovernmental Spillover» and the Strengthening of National Core Executives*. Paper for the International Political Studies Association International Conference, «Is there a European Model of Governance? A Comparative Perspective», Luxembourg, 18-20 March 2010.

565. Senn A. *The Political culture of Independent Lithuania: a review essay* // *Journal of Baltic Studies*. – 1992. – Vol. 23. – № 3. – P. 315-330.

566. Sewell W. *A Theory of Structure: Duality, Agency, and Transformation* // *The American Journal of Sociology*. – 1992. – Vol. 98. – № 1. – P. 1-29.

567. Shtromas A. *The Baltic States as Soviet Republics: Tensions and Contradictions / The Baltic States. The National Self-Determination of Estonia, Latvia and Lithuania*. / Smith Gr. (ed.). London, 1994. – P. 86-117.

568. Smith G. *The resurgence of nationalism* // *The Baltic states: the national self-determination of Estonia, Latvia and Lithuania*. Basingstoke: Macmillan, 1994. – P. 121-143.

569. Spykman N. *Geography and Foreign Policy* // *American Political Science Review*. – 1938. – № 1. – P. 28-50.

570. Staniszki J. *The Dynamics of the Breakthrough in Eastern Europe: The Polish Experience*. Berkley: University of California Press, 1991. – 303 p.

571. Stark D., Vedres B. *Social Times of Network Spaces: Network Sequences and*

- Foreign Investment in Hungary // *American Journal of Sociology*. III (5),– 2006. – P. 1367-1411.
572. Statkus N., Motieka E., Laurinavicius C., Geopolitiniai kodai. -Vilnius: Vilniaus Universiteto leidykla, 2003. – 152 p.
573. Steen A. *Between Past and Future: Elites, Democracy and the State in Post-Communist countries. A Comparison of Estonia, Latvia and Lithuania.* – Aldershot, Brookfield USA, Singapore, Sydney: Ashgate, 1997. – 389 p.
574. Steen A., Ruus J. Change of Regime – continuity of Elites? The Case of Estonia // *East European Politics and Societies.* – 2002. – Vol. 16. – № 1.– P. 223-248.
575. Steen A. The New Elites in the Baltic States: Recirculation and Change // *Scandinavian Political Studies.* – 1997. – Vol. 20. – Issue 1. – P. 91-112.
576. Stone L. *Prosopography / Historical Studies Today / Ed. by F. Gilbert & St. Graubard.* N.Y., 1972. – P. 46-71.
577. Stones R. Refusing the Realism-Structuration Divide // *European Journal of Social Theory.* – 2001. – № 4 (2). – P. 177-197.
578. Szalai E. *The Metamorphosis of the Elites / Lawful Revolution in Hungary, 1989-94 / Ed. By B. Liraly, A. Bozoki.* Boulder: Social Science Monographs, 1995. – P. 159-174.
579. Szalai E. *The Power Structure in Hungary After the Political Transition / The New Great Transformation? / Ed. by G.A. Bryant, E. Mokrzycki.* London: Routledge, 1994. – P. 120-143.
580. Szelenyi I., Konrad G. *The Intellectuals on the Road to Class Power.* New York: Harcourt, Brace and Jovanovich, 1979. – 252 p.
581. Szelenyi I., Szelenyi S. Circulation of Reproduction of Elites During the Postcommunist Transformation of Eastern Europe // *Theory and Society.* – 1995. – Vol. 24. – № 5. – P. 615-638.
582. Sztompka P. Evolving Focus on Human Agency in Contemporary Social Theory // Sztompka P. (ed.). *Agency and Structure: Reorienting Social Theory,* 1994. – P. 25-59.

583. Seselgyte M. Security Culture of Lithuania // Lithuanian foreign policy review. Vilnius: Foreign Policy Research Center. – 2010. – № 24. – P. 23-40.
584. Tauber J. The Rough Road to the West: Lithuania 1990-1998 11 Lithuanian Foreign Policy Review. – 1999. – Vilnius. № 3. – P. 67-86.
585. Tilly Ch. Reflections on the History of European State-Making. / Tilly Ch. (ed.) The Formation of National States in Western Europe. Princeton: Princeton University Press, 1975. – P. 3-84.
586. The Invention of Tradition / Ed. by E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1983. – 309 p.
587. The Genomic Ancestry of Individuals from Different Geographical Regions of Brazil Is More Uniform Than Expected URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3040205/>
588. The modern model of globalization fiasco, Lavrov said. URL: <https://ria.ru/world/20170811/1500200468.html>
589. The Regional World Order: Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia/ A.D. Voskressenski, P. Shlykov, E. Koldunova et al. – New York: Lexington Books, 2019. – 242 p.
590. Turovsky R.F. The systemic opposition in authoritarian regimes: A case study of Russia's regions // Civil society awakens? The systemic and non-systemic opposition in the Russian Federation: National and regional dimensions / Ed. by C. Ross. – L.: Ashgate, 2015. – P. 121-138.
591. Vedres B., Stark D. Structural Folds: Generative Disruption in Overlapping Groups. American Journal of Sociology. – 2010. – № 115 (4). – P. 1150-1190.
592. Waltz K. Theory of International Politics. – New York: McGraw-Hill, 1979. – 250 p.
593. Wasilewski J. Communist Nomenklatura in Post-Communist Eastern Europe: Winners or Losers of Transformation? – Warsaw: Polish Academy of Sciences, 1995.
594. Wasilewski J. Elite Circulation and Consolidation of Democracy in Poland / Postcommunist Elites and Democracy in Eastern Europe / Ed. by Higley J., Pakulski J.,

Wesolowski W. NY: St Martin's, 1998. – P. 163-187.

595. Wasilewski J. Three Elites of the Central-East European Democratization / Transformative Paths in Central and Eastern Europe / M. Radoslav and E. Wnuk-Lipinski (eds.). – Warsaw: Institute of Polish Studies, 2001. – P. 133-142.

596. Wasilewski J., Wnuk-Lipinski E. Poland: Winding road from the Communist to the post-Solidarity elite // *Theory and Society*. – 1995. – Vol. 24. – P. 669-696.

597. Wasserman S., Faust K. *Social Network Analysis: Method and Application*. – Cambridge University Press, 1994. – 825 p.

598. Weber M. *Economy and Society*. Ed. by Guenther Roth and Claus Wittich. – University of California Press, Berkeley and Los Angeles, California. – 1978. – 1496 p.

599. Weber M. *Bureaucracy*, in: "From Max Weber. Essays in Sociology". Translated and edited by H.H. Gerth and C. Wright Mills. Translated and edited by H.H. Gerth and C. Wright Mills. – New York: Oxford Univ. Press, 1946. – P. 196-244.

600. Wilson F. (1939). *The Ruling Class (Elementi di Scienza Politica)*. By Gaetano Mosca. Translated by Hannah D. Kahn. Edited and Revised with an Introduction by Arthur Livingston // *American Political Science Review*. – New York: McGraw-Hill Book Company, 1939 – № 33(3). – P. 521-523.

601. Working Together Toward a Better Future for Asia and the World // Boaforum. URL: <http://english.boaforum.org/mtzxxwz xen/7379.jhtml>

602. Xi Jinping Meets with President Muhammadu Buhari of Nigeria. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/topics_665678/2015zt/xjpdmgjxgswbcxlhgcl70znxlfh/201509/t20150930_705385.html

603. Xi meets Algerian prime minister. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2018-09/05/c_137447518.htm

604. Xuefeng S. The Efficiency of China's Policy towards the United States // *The Chinese Journal of International Politics*. – 2006. – № 1. – P. 57-81.

605. Zachary K, Did Xi Jinping Really Rebuke North Korea? // *Diplomat*, URL: <http://thediplomat.com/2013/04/did-xi-jinping-really-rebuke-north-korea>

606. Zheng B. China's Peaceful Rise To Great-Power Status. // *Foreign Affairs*. 2005.

607. Zhu X. China's Peaceful Rise: A Necessary Path with Challenges // 6th International Conference on Humanities and Social Science Research. Atlantis Press, 2020. – P. 81.

Литература на китайском языке:

608. Бао Юнцзюань. Элитная демократия – необходимый этап демократизации международной политики // Современная экономика. – 2009. – № 20. – С. 48-49.

609. Ван Келян, Бай Лянцзе. О сочетании интеллектуальной элиты и политической элиты // Исследование политологии. – 1989. – № 2. – С. 22-25.

610. Гун Цзилай, Чжэн Цзичэнь. Крушение мечты политики элиты. Опровергните заблуждение «пусть некоторые люди сначала будут демократическими» // Вестник Нанкинского университета политических наук. – 1992. – № 2. – С. 2-5.

611. Сяо Кэ, Ян Хун. Логика будущего развития политики элиты в Китае // Вестник Северо-восточного педагогического университета. – 2010. – № 6. – С. 1-4.

612. Сяо Хаохуэй, Комментарий к политике элиты // Форум партийной школы. – 1990. – № 12. – С. 8-10.

613. Се Юэ. Трансформация рынка, политизация элит и местный политический порядок // Общественные науки Тяньцзиня. – 2005. – № 2. – С. 55-60.

614. Тун Чжихуэй. Мобилизация элиты в участии в выборах среди крестьян // Социологические исследования. – 2002. – № 1. – С. 1-9.

615. Чэнь Ди. Политика элиты не подходит специфике Китая // Социальные науки. – Шаньдун, 1990. – № 3. – С. 16-18.

616. Юй Кэрин. Разочарование демократической политики: обзор политического элитизма // Социальные науки. – Тяньцзинь, 1990. – С. 91-96.

617. Юй Цзяньжун. Элитизм сдерживает нижнюю политику // Журнал форума народов. – 2010. – № 21. – С. 24-25.

618. Ян Цзинмин. Индивидуализм, политические элиты и международные отношения // Вестник Шанхайского административного университета. – 2009. – № 5. – С. 87-93.
619. 鲍永娟.精英民主——国际政治民主化进程中的必经阶段.《当代经济》|2009年第20期|48-49 [Бао Юнцзюань. Элитная демократия – необходимый этап демократизации международной политики// Современная экономика. – 2009. – № 20. – С. 48-49.]
620. 王亿舟. 中国国际关系发展 30 年 [Ван Ичжоу. Тридцать лет трансформации международных отношений Китая. – Пекин: Академическое издательство Общественные науки, 2008. – 512 с.]
621. 王克良, 柏良泽.试论知识精英与政治精英的结合.《政治学研究》|1989年第二期|48-49 [Ван Келян, Бай Лянцзе. О сочетании интеллектуальной элиты и политической элиты // Исследование политологии. – 1989. – № 2. – С. 48-49.]
622. 王其思. 新形勢與中國外交政策的主要特點 [Ван Цисы. Главные особенности новой ситуации и внешняя политика Китая // Сендайские национальные экономические отношения. – 2003. – С.24-31.]
623. 王辑思. 为什么中国外部国际环境日益严峻 [Ван Цзисы. Почему международная обстановка вокруг Китая становится все более суровой? // Журнал современных международных отношений. – Пекин, 2012. – № 1. – С. 16-33.]
624. 郭莉.全球化视域下的中国公务员管理制度.法制与社会 [Го Ли. Китайская система управления государственной службой с аспектом глобализации. Право и общество, 2009(04). Пекин.]
625. 弓计来, 邱继臣. “精英政治” 梦幻的彻底破产——驳 “让一部分人先民主起来” 的谬论|《南京政治学院学报》|1992年第二期|2-5 [Гун Цзилай, Чжэн Цзичэнь. Крушение мечты политики элиты. Опровергните заблуждение «пусть некоторые люди сначала будут демократическими»/// Вестник Нанкинского университета политических наук. – 1992. – № 2. – С. 2-5.]

626. 改革开放三十年重要文献选编.中共中央文献研究室 [Избранные работы по важным документам за 30 лет реформ и открытости // Пекин: Центральное литературное издательство, 2008. С.17.]
627. 任公.推行公务员制度五年来 – 有中国特色的公务员制度基本建立.中国公务员 [Жэнь Гун. Пять лет с начала реализация системы государственной службы в течение пяти лет (в основном создана система государственной службы с китайской спецификой). Китайская государственная служба, 1999 (03). Пекин, Издательство: Государственный административный институт.]
628. 李景治等.中国和平发展与构建和谐世界研究 [Ли Ц. и др. Исследование мирного развития Китая и построения гармоничного мира // Пекин: Пресс-служба Национального народного университета, 2011.С.11.]
629. 卢凌宇. 试论二十世纪西方国际关系理论的演变 [Лу Линьюй. Об эволюции западной теории международных отношений в XX веке // Теория международных отношений, 2000. №.10. С. 19.]
630. 李长久. 中国全球战略：东稳，北强，西进，南下 [Ли Чанцю. Глобальная стратегия Китая: поддерживать стабильность на востоке, укреплять позиции на севере, продвигаться вперед на западе, спускаться на юг // Современные международные отношения, Пекин, 2013. – № 4 (9). – С. 10-29.]
631. 刘立平. 中国难以领导世界 (Лю Липинь. Китай вряд ли сможет править миром // Современные международные отношения, Пекин, 2011. – № 1 (21). – С. 4-10.]
632. 韓保衛. 試論新中國外交政策演變的特點 [Лю Чжунминь. Исследование горячей дипломатии Китая – характеристики, концепции и значения // Журнал Синьцзянского университета: издание социальных наук. – 2002. – С. 66-71.]
633. 刘中民. “和平崛起”不是维护南海权益的“紧箍咒” [Лю Чжунминь. Комментарий утверждает, что политика мирного подъема Китая не должна быть смирительной рубашкой, ограничивающей усилия Китая по защите своих прав и

интересов в Южно-Китайском море] // Mil news. URL: <http://mil.news.sina.com.cn/2011-06-27/0849654058.html>

634. 辽新文.毛主席 1958 轰炸金门的历史经验 [Ляо Синьвэнь. Исторический обзор решения Мао Цзэдуна о бомбардировке Цзиньмэня в 1958 году // 党史文化 «Данши вэнхуа» // История и культура партии. – Пекин, 1994. – № 1. – С. 16-22.]
635. 门宏华. 构造中国大战略 [Мэн Хунхуа. Построение основы великой стратегии Китая. – Пекин: Издательство Пекинского университета, 2005. – 385 с.]
636. 尼石松. 和谐世界和中国新外交 [Ни Шисюн. Гармоничный мир и новая дипломатия Китая // Современные международные отношения. – Шанхай, 2007. – № 17 (3). – С. 1-26.]
637. 戴维罗杰森. 中国与俄罗斯：竞争与合作 . 社会科学文献出版社 [Роджерсон Д. Китай и Россия: конкуренция и сотрудничество. – Пекин, 2016. – 194 с.]
638. 谢岳.市场转型、精英政治化与地方政治秩序. 《天津社会科学》 |2005年第2期 |55-60 [Се Юэ. Трансформация рынка, политизация элит и местный политический порядок // Общественные науки Тяньцзиня. – 2005. – № 2. – С. 55-60.]
639. 习近平论治国理政.2014年 [Си Цзиньпин о государственном управлении, 2014 г.]
640. 习近平关于社会主义政治建设论述摘编 [Си Цзиньпин. Выдержки из заявлений Си Цзиньпина о социалистическом политическом строительстве. – Пекин, 2017. – С. 7-84.]
641. 习近平总书记系列重要讲话读本 [Си Цзиньпин. Серия важных выступлений генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина. – Пекин: Издательство Учеба, 2016. – С. 163.]
642. 习近平论治国理政 [Си Цзиньпин говорит об управлении страной. – Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2014. – С. 139.]
643. 辛丽. 增强 G20 影响力: 中国外交和世界秩序转变 [Син Ли. Усиление роли G20: трансформация мирового порядка и внешняя политика Китая // Журнал

сравнительной политологии. – Пекин, 2012. – № 1. – С.23-29.]

644. 孙中山.孙中山文选 [Сунь Ятсен. Антология // Издательство Цзючжоу, 2012. – 355 с.]

645. 随杨. 中国共产党 1950 年东南缓冲区战略 [Сюй Янь. Стратегия Центрального комитета КПК в Юго-Восточной прибрежной зоне в 1950-е годы // История Коммунистической партии Китая. – Пекин, 1992. – № 2. – С. 37-42.]

646. 肖克, 杨弘.精英政治在中国的未来发展逻辑. 《东北师大学报(哲学社会科学版)》 |2010年第六期|1-4 [Сяо Кэ, Ян Хун. Логика будущего развития политики элиты в Китае // Вестник Северо-восточного педагогического университета. – 2010. – № 6. – С. 1-4.]

647. 肖浩辉.评“精英”政治 [Сяо Хаохуэй. Комментарий к политике элиты // Форум партийной школы. – 1990. – № 12. – С. 8-10.]

648. 全志辉.农民选举参与中的精英动员 [Тун Чжихуэй. Мобилизация элиты в участии в выборах среди крестьян // Социологические исследования. – 2002. – № 1. – С. 1-9.]

649. 吴忠民. 社会动员与发展 [У Чжунминь. Социальная мобилизация и развитие // Академический журнал Чжэцзян. – № 2. – 1992]

650. 吴忠民. 改革开放以来中国精英群体的演进及 [У Чжунминь. Эволюция и проблемы элитных групп Китая после реформ и открытости // Журнал философии и политологии Китая. – 2008. – № 3. – С. 140-161.]

651. 胡鞍钢、王绍光、周建明.第二次转型国家制度建设 [Ху Аньган, Ван Шаогуан, Чжоу Цзяньминь. Вторая трансформация: Строительство национальной политики. – Пекин, 2003. – 217 с.]

652. 胡锦涛:在邓小平同志诞辰100周年纪念大会上的讲话 [Ху Цзиньтао. Речь по случаю 100-летия со дня рождения товарища Дэн Сяопина // URL: https://www.gov.cn/test/2009-11/16/content_1465442_4.htm]

653. 高举中国特色社会主义伟大旗帜.为夺取全面建设小康社会新胜利而奋斗——胡锦涛在中国共产党第十七次全国代表大会上的报告 [Доклад Ху Цзиньтао на

17-м Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая 15 октября 2007 г. «Высоко держите великое знамя социализма с китайской спецификой и стремитесь к новым победам в деле всестороннего построения среднезажиточного общества» // Жэньминь Жибао, 25 октября 2007 г.]

654. 曾令良. 《当代国际法和中国的和平发展》 [Цзэн Линлян. Современное международное право и мирное развитие Китая. Springer Zeng L. Contemporary International Law and China's Peaceful Development. Springer, 2021. P.11.]

655. 姜明安. 行政法与行政诉讼法 [J]. 北京大学出版社 2011. [Цзян Мин'ан. Административное право и Закон административного судебного процесса. – Издательство Пекинского университета, 2011.]

656. 赵全山. 中国外交解读 [Чжао Цюаньшань. Интерпретация китайской внешней политики // Гонконг: Global Press, 1996. – 258 с.]

657. 陈荻."精英"政治不适合中国国情. 《山东社会科学》 [Чэнь Ди. Политика элиты не подходит специфике Китая // Социальные науки. – Шаньдун. 1990. – № 3. – С. 16-18.]

658. 陈振明. 转变中的国家公务员制度——中西方公务员制度改革与发展的趋势及其比较 [J]. 厦门大学学报 (哲学社会科学版) [Чэнь Чжэньмин. Система государственной службы на повороте—тенденция реформы и развития системы государственной службы в Китае и в Западе, и их сравнения // Вестник Сямэньского университета (полоса философии и общественной науки). – 2001. – №02.]

659. 袁鹏 中美国家利益比较研究 [Юань Пэн. Сравнительное исследование национальных интересов Китая и США. – Пекин: Издательство Шиши, 2004. – 412 с.]

660. 俞可平. 对民主政治的幻灭——政治精英主义述评. 《天津社会科学》 |1990 年第 1 期 |91-96 [Юй Кэрин. Разочарование демократической политики: обзор политического элитизма // Социальные науки. – Тяньцзинь, 1990. – № 1. – С. 91–96.]

661. 袁鹏. 中美国家利益比较研究 [Юань Пэн. Сравнительное исследование национальных интересов Китая и США. – Пекин: Издательство Шиши, 2004. – 412 с.]
662. 俞可平. 对民主政治的幻灭——政治精英主义述评. 《天津社会科学》 [Юй Кэпин. Разочарование демократической политики: обзор политического элитизма // Социальные науки. – Тяньцзинь, 1990. – С. 91-96.]
663. 于建嵘. 精英主义束缚底层政治. [Юй Цзяньжун. Элитизм сдерживает нижнюю политику // Журнал форума народов. – 2010. – № 21. – С. 24-25.]
664. 俞可平. 对民主政治的幻灭——政治精英主义述评. 《天津社会科学》 [Юй Кэрин. Разочарование демократической политики: обзор политического элитизма // Социальные науки. – Тяньцзинь, 1990. – С. 91-96.]
665. 杨红, 王健. 公务员正常退出机制的构建与保障. 甘肃联合大学学报(社会科学版) [Ян Хун, Ван Цзянь. Создание и обеспечение нормального механизма выхода государственной службы // Вестник Ганьсуского объединенного университета (полоса общественной науки). – 2012. – №05.]
666. 杨景明. 个体主义、政治精英与国际关系. 《上海行政学院学报》 [2009年第5期] 87-93 [Ян Цзинмин. Индивидуализм, политические элиты и международные отношения // Вестник Шанхайского административного университета. – 2009. – № 5. – С. 87-93.]
667. 阎学通. 中国国家利益分析 [Янь Сюэту. Анализ национальных интересов Китая. – Тяньцзинь, 1996. – 271 с.]
668. 阎学通. 中国和亚太安全 [Янь Сюэту. Китай и безопасность в Азиатско-Тихоокеанском регионе. – Пекин: Издательский дом Шиши, 1999. – 227 с.]
669. 阎学通. 中国和国际政治 [Янь Сюэту. Международная политика и Китай. – Пекин: Издательство Пекинского университета, 2005. – 408 с.]
670. 阎学通. 中国崛起战略思考 [Янь Сюэту. Стратегическое мышление о Рост Китае. – Хунань: Издательство Народ Хунань, 2010. – 275 с.]

671. 阎学通. 中国和周边关系 [Янь Сюэту. Отношения Китая с окружающими малыми государствами. – Пекин: Академическое издательство Общественные науки, 2015. – 207 с.]
672. 阎学通. 韬光养晦 [Янь Сюэту. Помимо сохранения низкого профиля. – Тяньцзинь, 2016. – 217 с.]
673. 阎学通. 道义现实主义和中国崛起战略 [Янь Сюэту. Моральный реализм и стратегия роста Китая. – Пекин: Академическое издательство Общественные науки, 2018. – 505 с.]
674. 杨景明. 个体主义、政治精英与国际关系. [Ян Цзинмин. Индивидуализм, политические элиты и международные отношения // Вестник Шанхайского административного университета. – 2009. – № 5. – С. 87-93.]
675. 姚麗麗. 中國外交政策新特點 [Яо Лили. Новые черты внешней политики Китая] // Журнал Университета Хуайхуа. – 2007. – С.18-26.]
676. 杨士秋, 王京清. 公务员录用 [Ян Шицю, Ван Цзинцин. Найм государственных служащих в Китае // Издательство «Человеческие дела Китая», 2019. – С.101.]
677. 杨士秋. 治国之举：建设中国特色公务员制度 [Ян Шицю. Управление страной – создание системы государственных служащих с китайскими спецификами // Издательство «Человеческие ресурсы и социальное обеспечение Китая», 2011. – С.131.]